

Владимир Мацкевич

БЕЛАРУССКАЯ ДЕМОКРАТИЯ: ВОПРОКИ ОЧЕВИДНОСТИ

Труднее всего человеку расстаться с мыслью о том, что его истина есть и должна быть истиной для всех! И все же с этой «истиной» придется расстаться. Иногда человек чувствует, что пока он не проснется от очевидностей, путь к истине ему не откроется.

Лев Шестов, читая Эдмунда Гуссерля

ПРЕДИСЛОВИЕ

У Стругацких в «Хромой судьбе» присутствует изобретение, способное посеять панику среди писателей. Машина оценивает языковую энтропию текста (так это названо в повести), по которой делается прогноз о потенциальном количестве читателей текста и определяется размер тиража, а писатели думают, что измеряется их талант. Авторы повести и изобретатели исходят из предположения, что способность читателя прочесть текст есть некая абсолютная и постоянная величина. Предположение весьма сомнительное, но есть большой резон в том, чтобы автор текста задумывался о читателях. Причем думал не только о количестве читателей, как некоторые герои «Хромой судьбы», но и о той работе, которая предстоит читателю при чтении текста. Разные тексты требуют разной работы с ними, поэтому автор и читатель находятся в своеобразных кооперативных отношениях, которые отнюдь не сводятся к простой формуле: «писатель пописывает, читатель почитывает». Иногда автор может рассчитывать только на одного чи-

тателя, например в личном письме или в дневнике для самого себя. Но как много записок, адресованных столь малому числу читателей, оказались нужны другим в силу того, что работа автора над содержанием текста обязывала читателя к чему-то большему, нежели прием сообщения и получение ситуативной информации.

В полной мере настоящий текст может быть предназначен членам и стажерам Агентства гуманитарных технологий¹, участвовавшим вместе со мной в работе, фрагменты размышлений над которой в этом тексте представлены, но это не значит, что у него не могут появиться другие читатели. Во всяком случае, с некоторыми другими моими текстами такое бывало, и мне бы хотелось на это рассчитывать впредь. Понятно, что попадание текста к читателю не гарантирует его прочтения (с моими текстами случается и это), но, на всякий случай, я должен озаботиться тем, чтобы облегчить (по мере того, насколько текст это потерпит) работу читателя. С этой целью я вынул из корпуса основного текста то, что можно было вынуть, и поместил во введениях. Такое обилие введений для небольшого текста может показаться излишним, поэтому разные читатели могут выбрать для себя одно и не читать другие.

Введения нужны были мне для организации понимания читателем того, ЧТО, КАК И ЗАЧЕМ я делаю? И ПОЧЕМУ я делаю это так, как я делаю? Действительно, то, что я делаю и как я делаю, не является столь распространенным и привычным, чтобы не требовать разъяснений. Не думаю, что мои введения дают исчерпывающие ответы на поставленные вопросы, но рассчитываю на то, что, при определенном согласии читателя поработать с текстом, мотивы, цели, перспективы и способы работы могут быть поняты.

Во всей работе, включая написание текста, я руководствовался представлением об относительности истины. Мои гипотезы и предположения могут быть истинными и ошибочными. Но наибольшей ошибкой была бы попытка добиваться доказательств истинности всего сказанного. Истина ускользает от исследователя пропорционально росту его знаний, как горизонт ускользает от пытающегося его догнать. Поэтому я стремился не столько к обоснованию истинности своих суждений, сколько просто к обоснованности их. Мне кажется, что вся проделанная работа в достаточной мере обосновывает мое суждение. Я даже думаю, что это суждение является самым обоснованным в Беларуси. Я все проверял сам, поэтому сужу не как «яйцеголовый» кабинетный наблюдатель, не как зашеренный прагматизмом политик, не как праздный обыватель. Приводимые мною суждения — это суждения активного деятеля с исследовательской установкой, удерживающего концепту-

¹Агентство гуманитарных технологий (АГТ) — минский методологический кружок, незримый колледж, как правило под этим названием имеется ввиду группа учеников и ближайших последователей Владимира Мацкевича. В разное время членами и стажерами АГТ были С. Козловский, П. Шеремет, А. Бабайцев, С. Крупник, Б. Пальчевский, Л. Фридман и др. — *Прим. ред.*

альный план современного гуманитарного знания. «Я ведь жизнь учил не по учебникам», а концепции и теории не по компиляциям.

Предисловие и сам текст написаны от первого лица, а введения от третьего. Я предпочитаю высказывать свои суждения в личной форме, именно как суждения, а не как истину, для этого больше подходит изложение от первого лица. А во введениях мне необходимо дистанцироваться от произведенного действия и от суждения, которое им фундировано, нужно занять рефлексивную внешнюю позицию, фундирующую исследовательское отношение; здесь от третьего лица писать удобнее.

Мне представляется, что каждое из введений значительно снижает упомянутую «языковую энтропию», причем каждое по-разному, но, в отличие от изобретателей из «Хромой судьбы», я не думаю, что это приведет к расширению круга читателей. Это просто снижает «энтропию чтения» и вселяет в автора надежду, что если уж текст попадет к читателю, то одно из введений поможет именно ему понять, зачем это читать и нужно ли с этим разбираться.

В определенном отношении предлагаемый текст продолжает линию, которую я начинал в апреле 1994 г. серией аналитических публикаций («Белорусская деловая газета», «Белорусский рынок», «Minsk economic news» и некоторые другие газеты). Первая аналитика вводила схему системного кризиса и принцип «экрана», которые организуют мою аналитическую работу. Затем был текст «Беларусь: вопреки очевидности» («Культурная политика», № 0, 1994 г.), в котором задавались аксиологические и содержательные рамки подхода и вводился предметный материал Беларуси для продолжения исследования. Теперь продолжение: «Беларусская демократия: вопреки очевидности».

В. Мацкевич
12 августа 1995 г.

Первое введение

ОБЛАСТЬ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Проблема, занимающая автора настоящего текста, локализуется в объекте и предмете методологии. В самом общем плане объектом методологии выступает мышление, а формы объективации мышления определяются подходом, в котором методология себя рефлексивно оформляет. Автор работает в системо-мыследеятельностном подходе (СМД-подход), сформировавшемся в Московском методологическом кружке (ММК) к началу 80-х годов. В СМД-подходе мышление представлено как комплексная полиобъектная организованность самого мышления, т. е. мышление рефлексивно полагает самое себя как объект (или объекты) сложной системы деятельности. Без каких бы то ни было онтологических оснований в указанной системе деятельности выделяется процесс исследования как особая деятельность в силу исходной начальной установки, которая вызвала к жизни СМД-методологию и дает энергию для развития подхода уже пятый десяток лет. Таким образом, рефлексивное полагание мышления дополняется интенциональным полаганием его как объекта исследования. История исследования мышления в ММК представляет собой несколько взаимодополняющих друг друга программ, в которых переформулируется подход по мере развития объектных представлений о мышлении, с одной стороны, и развития исследовательских средств и самого метода, с другой стороны.

ММК с конца 50-х годов переходит от программы построения содержательно-генетической логики к разворачиванию работ по программе исследования мышления как деятельности [1]. Выполнение работ по программе требует от субъекта деятельности самоограничения, локализации сферы исследования в пространстве и времени, типологизации или предметизации множественности форм существования исследуемого объекта. Методологи ММК последовательно или параллельно занимались несколькими типами

мышления (научным, детским, инженерным, проектным, конструкторским и т. д.) в разных областях деятельности (наука, педагогика, дизайн, архитектура, инженерные изыскания, социально-экономическое планирование и т. д.). В работе с этими типами мышления базовым в подходе был принцип ортогональности отношения между объектно-онтологическим представлением мыследеятельности и организационно-деятельностным планом той же мыследеятельности. В разворачивании исследовательской программы ММК можно выделить условные этапы работ с материалом мышления:

1 — исследование ставших форм (в смысле — закончивших свое становление) рафинированного мышления (мышление философской, научной или инженерной школы или направления, активное развитие которой уже закончилось, например Галилей, Маркс, Выготский, Кюльпе и т. д.) [2,3,4,5];

2 — исследование становящихся форм профессионального мышления, в становлении которых методологи принимают непосредственное участие (системное движение в методологии и науке 50-60-х годов, дизайн-программирование, разработка автоматизированных систем управления, теория архитектуры и градостроительства, теория развивающего обучения, рефлексивные игры и т. д.) [6,7,8];

3 — исследование и проектирование междисциплинарных разработческих коллективов с необходимостью комплексирования профессиональных форм мышления и кооперации деятельностных позиций (работы первого периода организационно-деятельностных игр (ОДИ) с 1979 г. по 1985—1987 гг.)²;

4 — исследование рефлексивного включения собственно методологического мышления в популярную рациональную ситуацию демократизирующегося общественного сознания (квази-ОДИ «на перестройку», консалтинговая и экспертная работа методологов в постперестроечные годы)³;

5 — формирование новой программы с рабочим названием «культурная политика» [9,10]⁴.

До четвертого этапа в методологической работе было вполне достаточно трехмерного пространства, образуемого двумя ортогональными плоскостями организационно-деятельностной схемы и рефлексивным полем, в

² Материалы ОДИ редко публиковались в развернутом виде, несколько примеров таких публикаций (книга Ю. Громыко о серии игр в образовании или книга В. Попова и П. Щедровицкого о конкурсе руководителей) показывают, что собственно методологическое содержание требует изложения безотносительно к описанию игры. Накоплен большой архив материалов и стенограмм игр, на который приходится ссылаться, хотя он почти недоступен широкой публике. Авторские публикации по материалам игрового периода регулярно появляются в альманахе «Кентавр» (выходит с 1989 г.) и в журнале «Вопросы методологии» (с 1991 г.). — (далее примечания автора помечены годом, когда они сделаны 1996).

³ Снова приходится ссылаться на архив игр и на материалы ежегодных методологических съездов 1989—1993 гг. (1—3 — Киев, 4 — Самара, 5 — Москва) и 1—2 конгрессов 1994 и 95 гг. (1996).

⁴ Дискуссии о культурной политике ведутся с 1988 года, наиболее полно они отражены в материалах семинаров Школы культурной политики и ее ежегодных «семейных игр» с 1989 по 1995 годы. (1996).

которое они помещены. Но включение методологии в популятивную деятельность, где работать приходится не только с нормированным рафинированным профессиональным мышлением, а с формами рациональности, не рефлектирующими сами себя, с креативным сознанием, балансирующим на грани рационального и иррационального, требует расширения мерности рабочего пространства. Необходимость расширения мерности рабочего пространства (более подробно автор обосновывает это в докладе «История и эпистемология: пространства манифестации и развития метода» [11] на методологическом конгрессе — февраль 1994 г.) ставит проблему рационализации той части сознательного отношения человека к деятельности, которая до этого удерживалась только рамочным и ценностным образом в формах нравственности и аксиологии. В вышеназванном докладе автор воспользовался традицией изучения речезыковой деятельности в лингвистике, в которой речевая и языковая действительности описываются трехмерными координатами: парадигма, синтагма и прагма. При некотором абстрагировании парадигма, точнее — парадигматика, может быть поставлена в соответствии с объектно-онтологической плоскостью методологической работы, синтагма, или синтагматика, — с организационно-деятельностной, а прагма, или прагматика, в ней никак не представлена. Парадигматика, синтагматика и прагматика ортогональны между собой и помещены в поле рефлексии, что делает рабочее пространство четырехмерным.

Как парадигматика, так и синтагматика СМД-подхода предполагают в себе функциональные места для прагматических элементов мышления и деятельности: целей, ценностей, этических норм и императивов, но рабочий процесс сосредотачивается на формальном оперировании с функциональными местами, а не с их содержанием. Элиминация содержания прагматики вполне законна в методологической работе до тех пор, пока исследователь мышления имеет дело с таким объектом исследования, который ухватывается в доподходящих категориях, т. е. с такими формами мышления, которые полностью укладываются в один подход. В этом случае категория подхода выступает предельной рефлексивной рамкой, для работы в которой достаточно системы парадигматики и синтагматики, или организационно-деятельностной схемы с двумя ортогональными плоскостями. Когда методология начинает работать с категорией подхода [12, 13, 14], а не в подходе, когда объект полиподобен или объектом выступает катастрофическое (революционное) мышление, все, что относится к прагматике, начинает требовать схематизации и объективации. Отдельные аспекты прагматики автор прорабатывал на конкретном материале и раньше [15, 16, 17], но тогда это выражалось в анализе и критике некоторых прагматических доктрин или в прагматическом обосновании проектных предложений.

Выходя, таким образом, на исследование прагматики мыследеятельности, автор встает перед необходимостью локализации такого типа мыследеятельности, который был бы адекватен исследовательской задаче, соразмерен исследовательским средствам подхода, доступен для работы.

При внимательном отношении к задаче оказывается, что выбор зоны исследования не так велик, в сфере мыследеятельности не так много регионов, где пересекаются и комплексировются различные типы рациональности, альтернативные подходы. Чаще всего типы рациональности исключают друг друга, различные подходы вытесняют друг друга в конкуренции. Решающим аргументом в такой конкуренции становится как раз прагматика, к которой апеллируют как к данности без рефлексии, поэтому прагматические объекты выступают фигурами умолчания или недостойными внимания исследователя, как не относящиеся к объекту исследования реалии, лишённые действительного существования. Введение прагматики в действительность исследования предполагает комплексирование номиналистической и реалистической установок [15] и, в конечном итоге, проблематизацию любого подхода.

ОДИ перестроечных лет оказались в эпицентре взаимодействия сложных популятивных процессов мыследеятельности, где разные типы рациональности сосуществовали, но не комплексировались, а иногда просто игнорировали друг друга. ОД-играм как методу СМД-подхода был брошен вызов: способен ли СМД-подход рационализировать эту ситуацию. Ответом на вызов была формулировка программы культурной политики. Школа культурной политики в 1989 году в Москве и Агентство гуманитарных технологий в 1994 году в Минске институционализировались для продолжения программы исследования мышления и культурной политики в описанной ситуации полирациональности. В отличие от «игр на Перестройку», институты функционирования современной демократии не только допускают сосуществование различных форм рациональности, но позволяют комплексировать их и строить причудливые мыследеятельностные конструкции из подходов и программ. Поэтому функционирующие институты современной демократии представляются полноценным плацдармом для исследования прагматической стороны мыследеятельности. Деятельностная методологическая установка предполагает введение исследуемой сферы в качестве элемента программы мыследеятельности исследователя. С позиций исследовательской программы в зоне прагматики мышления ниже приведенный текст представляет только материал, организованный в той минимальной степени, которая не навязывала бы предвзятую исследовательскую парадигму и метод. Хотя собственной прагматической предвзятости автор маскировать не пытается, так как выступает непосредственным участником демократического процесса. В отличие от природы, которая незлонамеренна, поэтому и от науки требует непредвзятости, мышление и деятельность интенциональны, поэтому и от методологии они требуют интенциональности и предвзятости, без этого ничего нельзя понять в мире мышления и деятельности. При переходе от натуралистической парадигмы к деятельностной меняются объекты прагматики: этика, ценности, интенции и цели. Сохранение исследовательского отношения к материалу гарантируется только рефлексивной способностью автора и ею же ограничивается.

Литература

1. Щедровицкий Г. П., Алексеев Н. Г. О возможных путях исследования мышления как деятельности. // Доклады АПН РСФСР. — 1957. — № 3.
2. Щедровицкий Г. П. Строение атрибутивных знаний. Сообщ. I-VI. // Доклады АПН РСФСР. — 1958. — № 1, 4. — 1959. — № 1, 2, 4. — 1960 — № 6.
3. Щедровицкий Г. П. Проблемы методологии системного исследования. — М.: Знание, 1964.
4. Педагогика и логика. — М.: Касталь, 1993.
5. Проблемы исследования структуры науки. — Новосибирск, 1967.
6. Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании. — М.: Стройиздат, 1975.
7. Лефевр В. А. Конфликтующие структуры. — М.: Советское радио, 1973.
8. Теоретические и методологические исследования в дизайне. Избранные материалы. Части 1 и 2. // Труды ВНИИТЭ. — № 61. — М., 1990.
9. Мацкевич В. В. Полемические этюды об образовании. Часть 2. — Липя, 1993.
10. Мацкевич В. В. Беларусь: вопреки очевидности. Разделы «Методологическая проблема» и «Культурная политика». // Культурная политика. — № 0 — Минск, 1994.
11. Материалы 1 методологического конгресса. — М., 1994.
12. Щедровицкий Г. П. Методологический смысл оппозиции натуралистического и системодействительностного подходов. // Вопросы методологии. — 1991. — № 2.
13. Щедровицкий Г. П. Схема мыследеятельности — системно-структурное строение, смысл и содержание. // Системные исследования. 1986. — М.: Наука, 1987.
14. Щедровицкий Г. П. Мышление по схемам многих знаний. // Вопросы методологии. — 1991. — №3.
15. Мацкевич В. В. О стандартизации и стандартах образования. // Образование и повышение квалификации работников образования. — Выпуск 4. Методологические основы повышения квалификации. — Минск, 1993. (См. также 9.)
16. Жук А. И., Мацкевич В. В., Пальчевский Б. В., Фридман Л. С. Методология разработки стандартов образования. // Тезисы докладов международной конференции «Образование XXI века. Проблемы повышения квалификации работников образования». — Том 1. — Минск, 1993. (См. также продолжение этой темы в статье «Прагматика стыда, христианские стандарты», авторы те же и Усова Т.Л. // Настаўніцкая газета. — 19.05. 1994.)
17. Мацкевич В. В. Чего не хватает, чтобы ответить на вопрос, как нам обустроить Россию? // Бизнес и политика. — №1. — М., 1995.
18. Беларусь: вопреки очевидности. Раздел «Философская проблема» // Культурная политика. № 0 — Минск, 1994.

Второе введение

О МЕТОДЕ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Проблема метода гуманитарных наук была поставлена в XIX веке сразу в нескольких методологических подходах. Классическим является различие *Naturwissenschaft* и *Gaistwissenschaft* Вильгельма Дильтея, в котором наукам о природе ставится в соответствие процедура объяснения, а наукам о духе — процедура понимания. Закладывание основ науки истории, социологии, психологии, экономики и т. д. потребовало проработки методологических вопросов. О. Конт, Д. С. Миль, И. Герbart, К. Маркс, Г. Спенсер, Ф. Гальтон и многие другие предложили свои версии построения гуманитарного знания и варианты метода гуманитарных исследований. Наиболее перспективными автор считает марксистский и неокантианский подходы к этой проблеме. Не претендуя на проработку всего культурного материала, который имеет отношение к данной теме, ограничимся кратким очерком того, о чем помнит автор настоящего текста, что влияет на нашу работу.

МЕТОД ИНТРОСПЕКЦИИ В ГУМАНИТАРНОМ ИССЛЕДОВАНИИ

История психологии ведет отсчет научной психологии и объективного (читай — естественнонаучного) метода от Вильгельма Вундта и его Лейпцигской лаборатории. Но объективная психология составляла только половину работы самого Вундта. Вторая половина, которую Вундт называл «психологией народов», основывалась на альтернативном методе — интроспекции, или самонаблюдении. Альтернативность объективного и интроспективного метода ярче всего проявляется по отношению к кате-

гории опыта, которая разрабатывалась в английском сенсуализме и эмпиризме. Ценности, установки, цели, интересы и нравственные императивы оставляются эмпиризмом за пределами рационального отношения как не представленные в чувственном опыте. Такой подход делает невозможными телеологию, аксиологию и герменевтику. А поскольку, выходя в гуманитарную сферу, сенсуалисты и эмпирики постоянно сталкиваются с «человеческим фактором», то они разрабатывают палиативные концепции для элиминации гуманитарного материала, рассматривая его как исследовательские помехи, артефакты, эпифеномены. Самыми яркими из таких концепций являются: философия здравого смысла Томаса Рида, утилитаризм Иеремии Бентама, прагматизм Чарльза Пирса, бихейвиоризм Джона Уотсона и разновидности механицизма. Вундтовская интроспекция, задуманная для работы с явлениями «внутреннего опыта» в духовной сфере, впадает в противоположную механицизму крайность — в психологизм. Попытку преодоления психологизма в самой психологии предпринимает Вюрцбургская школа (Освальд Кюльпе с целой группой талантливых учеников), культивировавшая систематическую интроспекцию в изучении мышления. Но более плодотворное развитие метода осуществлено Эдмундом Гуссерлем в рамках феноменологии и феноменологической критики.

Интроспективный метод интересует нас в той части, в которой постулируется недоступность целого мира явлений внешнему наблюдению или наблюдателю, чей исследовательский подход базируется на сенсуалистической категории опыта. Этот постулат требует включенности исследователя в исследуемый мир, иначе его феномены не доступны исследователю. Гуссерлианские феномены присутствия, *dasein*, здесь-бытия доступны только «интенциональному» исследователю, инсталлированному на работу с ними. Признавая справедливость всей критики метода интроспекции, нельзя не считаться с аргументами Вундта, Кюльпе, Гуссерля и с постулатом о недоступности духовных феноменов внешнему наблюдателю. Решением дилеммы, как нам представляется, является введение рефлексии в исследовательскую деятельность. Содержательное наполнение категории «рефлексия» и ее методическое употребление строится на феноменологической критике Гуссерля и оргдеятельностных исследовательских схемах, наработанных Московским методологическим кружком. При таком отношении принцип рефлексии можно рассматривать как развитие старого метода интроспекции. Введение принципа рефлексии в исследование снимает противоречия и устраняет недостатки интроспекции.

Разработанные в XX веке представления о рефлексии меняют способ употребления интроспекции в гуманитарном исследовании. Коротко это изменение можно охарактеризовать, перефразируя Станиславского: исследователь наблюдает не мышление и деятельность в себе, а себя в деятельности и мышлении.

ПРИНЦИП ПРАКТИКИ В ГУМАНИТАРНОМ ИССЛЕДОВАНИИ

В «Тезисах о Фейербахе» Карл Генрих Маркс почти дильтеевскими словами утверждает, что ошибка всех его предшественников состояла в том, что они лишь объясняли мир, но дальше продолжает уже по-своему: задача же состоит в том, чтобы его переделывать, тогда как Дильтей предлагал его понимать. Т. е. Дильтей и Маркс согласны в квалификации «старого» метода как объяснительного, но расходятся в интенции на построение нового. Альтернатива в том, нужно ли переделывать мир человека или его необходимо понимать. К Дильтею мы еще вернемся, а сейчас нас интересует марксовский принцип практики как фундамент гуманитарного знания. Марксизм настаивает на том, что практика — критерий истины, и собственной же практикой доказывает истинность этой методологической посылки. Необходимо иметь в виду, что основания для введения принципа практики как критерия истины в исследовательский метод (мы исходим из того, что поиск истины является прагматической детерминантой исследовательского отношения к миру) у Маркса те же, что и у Вундта, настаивавшего на интроспективности «психологии народов». Это констатация непригодности сенсуалистической категории опыта для работы в области гуманитарного знания. Но Маркс, в отличие от Вундта, не противопоставляет два метода, а комплексирует естественнонаучный метод со своей деятельностной установкой. В учебниках диалектика это формулируется очень лапидарно: от непосредственного созерцания (эмпиризм) к абстрактному мышлению, а уж только от него к практике. Таким образом, практика по Марксу ничего общего не имеет с естественнонаучным опытом, она отделена от него целым уровнем, да еще каким — уровнем мышления.

Опосредованность перехода от опыта к практике мышлением создает большие трудности в анализе и критике марксизма. Эти трудности, как нам представляется, лежат в неартикулированной Марксом прагматической плоскости мышления. Синтагматика и парадигматика марксизма достаточно хорошо изучены, на них базируется почти вся современная мыследеятельность. Инсталлированность же марксизма на революционное преобразование мира, как правило, игнорируется критиками марксизма. Она либо безоговорочно принимается (коммунизм и большевизм), либо отвергается. Нам представляется, что без критики прагматической установки Маркса марксистский метод и подход не восстанавливаются в полной мере и принцип практики не находит должного употребления в исследовательской деятельности. Но нас сейчас занимает более узкая задача — методологический смысл принципа практики в гуманитарном исследовании. Учет этого принципа приводит к необходимости включенности исследователя в сферу исследуемой мыследеятельности с особой деятельностной позицией. Так, хоть и с другой стороны, чем при рассмотрении развития интроспективного метода, мы выходим на констатацию невозможности исследования гуманитарной действительности с позиции внешнего наблюдателя. Исследовательская позиция

является элементом исследуемой системы, частью исследуемого мира, а особость этой позиции определяется специальной организацией рефлексии исследователя.

Такая трактовка принципа практики предполагает комплексирование предвзятости (интенциональности) участника мыследеятельности, которая неизбежно присутствует (*dasein*), с организацией систематической исследовательской рефлексии. Способность к такому комплексированию давала большевикам ту силу, которую они догматически и неоправданно обосновывали в тезисе, что «учение Маркса всеильно, потому что оно верно». Введение принципа практики в метод исследования придает рефлексивным суждениям деятеля исследовательский характер в большей степени, нежели объяснительным конструкциям внешнего наблюдателя.

ГЕРМЕНЕВТИКА В СТРУКТУРЕ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Обозначив понимание сверхзадачей наук о духе, Вильгельм Дильтей легитимизировал герменевтику как возможный метод гуманитарного исследования. Но его апелляции к истории и литературоведению указывают скорее на древнюю герменевтику, представляющую собой искусство толкования и понимания текста. В качестве текста в широком смысле может выступать любой семиотический комплекс, например исторический персонаж или представитель иной культуры или социальной страты. В таком виде герменевтический метод выступает в очень редуцированной форме, в половинчатой функции. Такая герменевтика применима в монологической или риторической (по Сергею Аверинцеву) культуре. Развитие представлений о понимании после Дильтея значительно расширяет и сферу применения герменевтики. Мартин Бубер и Михаил Бахтин ввели в гуманитарное знание и концептуально построили категорию диалога. Категория диалога и принцип диалогичности культуры и в буберовском, и в бахтинском смысле заставляют трактовать понимание не как усилия и способность индивида или его сознания, направленные на внешний объект (текст или «другой» человек), а как поле (среду, эфир), в котором обретают свое действительное существование гуманитарные и духовные явления и объекты. Тогда и герменевтика как деятельность понимания и как работа с пониманием становится чем-то большим, чем индивидуальное искусство или техника, она приобретает статус метода. Разработку герменевтики в качестве метода вряд ли можно считать законченной, несмотря на участие в ней Хайдеггера, Гадамера и многих других философов и методологов. Герменевтика в ММК разрабатывается на базе онтологической схемы мыследеятельности в комплексе с другими составляющими метода. Мыследеятельностная герменевтика была реефицирована в организационно-деятельностных играх без достаточной идеализации и объективации, что ограничивает ее употребление в более

широких масштабах. Эту задачу методологии еще предстоит решать.

В рамках настоящего введения автору достаточно только указать на требование, которое вытекает из схемы мыследеятельности (или из введения герменевтики в метод гуманитарного исследования), — необходимость понимать, а не объяснять исследуемую действительность, необходимость выражать исследовательские результаты в «понимательной» форме. Выполнить это требование можно только одним способом: поместить исследователя в одну деятельностную ситуацию с исследуемым, вступить в диалог с исследуемой реальностью, погрузиться в поле (среду, эфир) понимания, в котором только и возможен диалог, будь то «диалог культур» или диалог понимающих друг друга людей.

АКСИОЛОГИЯ КАК РАМКА ГУМАНИТАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Основы аксиологии заложили неокантианцы баденской и других школ. Применительно к методу гуманитарных исследований аксиология выступает как рамочное знание. Рамка ценностей есть то условие, в котором явления, вещи и объекты духовного и гуманитарного мира обретают статус существования или утрачивают его. Протогоровский человек только тогда есть мера всех вещей, существующих в том, что они существуют, несуществующих в том, что не существуют, когда есть гуманитарная исследовательская установка и исследователь владеет рамочным аксиологическим знанием. Поэтому нас интересует именно аксиология, а не аксиометрия. Андрей Вардомацкий⁵ и его аксиометрическая лаборатория дают богатый материал для гуманитарных исследований в Беларуси, но сами ис-

⁵ Упоминание имени Андрея Вардомацкого в тексте, где все остальные имена являются хрестоматийно известными, требует пояснений. В Беларуси совершенно отсутствует инфраструктура интеллектуального обеспечения процесса демократизации общества и просто политического процесса как такового. Может быть, автор незаслуженно обошел упоминанием те немногие структуры и имена, которые пытаются заполнить своей деятельностью существующую пустоту. Аксиометрическая лаборатория агентства «Новак», которым руководит доктор Вардомацкий, — одна из таких структур, работающая на весьма высоком уровне. Но при отсутствии инфраструктуры ее деятельность мало эффективна, как и всех остальных. Части обретают свое настоящее место только в структуре целого. Хрестоматийность остальных упомянутых имен, наверное, тоже нуждается в пояснениях. Беда в том, что белорусские гуманитарии, в большинстве своем, с этой «хрестоматией» не знакомы. Они учились по другим «учебникам». Качество этих «учебников» ниже всякой критики, как следствие этого — состояние белорусского гуманитарного знания и положение дел в стране. Если бы автор принадлежал к академической традиции и разделял ее ценности, то следовало бы дать ссылки на литературу всех упомянутых персонажей. Но автор не разделяет академических ценностей, по крайней мере, на этом этапе исследования. Опыт работы Агентства гуманитарных технологий в сфере гуманитарной подготовки различных слоев и страт белорусского общества свидетельствует, что актуальным в настоящей ситуации является гуманитарный ликбез, а не академическое образование. Одно другого не исключает, актуальность ликбеза и образования определяется этапами деятельности. Всему свое время. Отсюда очерковость и лапидарность авторского изложения. «Хрестоматии» нужно знать (1996).

следователями не являются, поскольку в аксиометрии производится редукция ценностей до «мнений по поводу». Ценности и аксиология утрачивают, тем самым, рамочный характер, а сама «х-метрия» — характер гуманитарных измерений. Проблематика гуманитарных измерений и шкалирования является особой темой, как и место измерений в структуре исследовательской деятельности. В порядке упоминания можно сослаться на известные психологам и социологам феномены измерения ценностей в области расовых предрассудков Богардуса и Ли, на хоторнский эффект. Эти феномены свидетельствуют о рассогласовании измеренных «мнений по поводу» и наблюдаемых регулятивов поведения людей. Через три десятилетия после того, как были описаны эти феномены, в американской психологии была сформулирована теория когнитивного диссонанса для их объяснения. Причем область определения этой теории ограничивается лабораторными эффектами и искусственными ситуациями.

К нашим проблемам ближе лежит другой прецедент аксиометрии в американской психологии. Это сходные различия между методикой семантического дифференциала Осгуда и теорией личностных конструкторов Келли. Процедура заполнения репертуарных решеток Келли и выявления личностных конструкторов сложна и трудоемка, а результат внешне похож на то, что получается в семантическом дифференциале Осгуда, который прост и доступен в исполнении. Но по методике Осгуда респонденту навязывается культурно-нормированный стереотип ценностных оценок, в которых испытуемый легко ориентируется на уровне знания, если он хорошо учился в школе, а по процедуре Келли испытуемый восстанавливает свою личную картину ценностей. Поэтому испытуемый Осгуда легко отступает от императива, который он обрисовал в семантическом дифференциале, когда оказывается в лично значимой ситуации, а у испытуемых Келли такого рассогласования нет. Только учитывая тонкости подобных различий типа этих, можно пытаться понять избирателей 221 округа Минска, которые в один и тот же день на референдуме отдавали свои голоса Лукашенко, а на выборах — Пазыняку, без всякого когнитивного диссонанса⁶. Понять и объяснить — две большие разницы.

Еще в большей степени нас интересуют собственно аксиологические работы, которые мы упомянем в беглом очерке.

Важнейшим образцом для гуманитарных исследований являются работы Макса Вебера по протестантской этике и по профессиям или призваниям (Beruf). Это был первый прецедент, когда аксиология действительно предложила рамку понимания актуальности XIX века.

Еще более яркий пример дает И. Шумпетер, предложивший экономическому мышлению в 1911 году новый идеальный объект — предпринима-

⁶ Речь идет о майских выборах 1995 года в парламент (тогда — Верховный Совет 13 созыва), совмещенных с референдумом по изменению государственной символики. — Прим. ред.

теля. Введенная в «Теории экономического развития» фигура предпринимателя изменила прагматику экономического мышления, что дало возможность, в свою очередь, ввести мышление в экономическую теорию. И вот уже Л. Фон Мизес начинает говорить о плате за мышление, за правильный прогноз, которую получает предприниматель и которая становится значимым фактором экономического развития. В плане гуманитарных исследований это смена аксиологической рамки, новое понимание, снимающее марксовскую прагматическую конструкцию антагонистических интересов пролетария и капиталиста (согласно столь почитаемому марксистами закону отрицания отрицания).

Опуская множество других значимых рамочных сдвигов в мышлении XX века, вспомним только «новое мышление» Горбачева. Оставив нетронутыми парадигматику и синтагматику советского мышления, Горбачев только слегка затронул ценностные категории социализма, а эффектом стало отрицание социалистического и имперского подхода. Общество, еще недавно толпившееся «по одну сторону баррикады», оказалось столь разнородным, что понастроило множество баррикад, стало активно спорить и выяснять, где истина.

Аксиология задает рамки гуманитарного исследования, рамки делают существующими и значимыми те или иные реалии и объекты исследуемого мира, они же организуют результат исследования в том, как он достижается, и каким этот результат может и должен быть.

МЕТОД И ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

Все сказанное далеко не исчерпывает того, что нужно было бы сказать о методе гуманитарного исследования. Принцип остановки состоит в том, что для фрагмента исследования достаточно фрагментарной характеристики метода. Как естествознание в исследовании природы формировалось с установкой на неисчерпаемость исследовательских задач, так и исследование деятельности и мышления бесконечно. Локализация в исследовании определяется возможностями и ресурсами исследователя и исследовательской задачей.

Если исследователь принял все, что изложено в этом предисловии, он не может удовлетвориться социологическими опросами, политологическими спекуляциями, психоанализом персоналий, экономической статистикой и т. д. Ведь исследование уже должно быть: интроспективным (рефлексивным), практичным, герменевтичным (понимающим) и аксиологичным (рамочным). Исследовательский плацдарм задан в первом введении, это мыслительность в функционировании институтов современной демократии. В зоне доступности исследователя находятся демократические институты Республики Беларусь. Значит:

— нужно войти в функционирующие институты демократии;

- произвести там определенное действие;
- рефлексивно отделиться от этого действия и встать в исследовательскую позицию;
- понять само действие и изменения, произведенные им в исследуемой системе деятельности;
- рамочно оформить это понимание;
- фальсифицировать или верифицировать это понимание в спроектированном и произведенном новом действии.

В оптимальном варианте такая задача решается при наличии пары деятельностных позиций: действующий политик и консультант-исследователь. Реалии Беларуси далеки от оптимальности. В президентских выборах 1994 года была предпринята попытка именно такого пути решения задачи. По разным причинам (описание их уже есть исследовательский результат⁷) пары политик — исследователь образовать не удалось, поэтому был выбран компромисс — комплексирование двух позиций на одном деятеле. В таком варианте можно говорить об исследовании действием. Исследователь, руководствуясь принципом минимакса, экономит ресурсы, сам становится участником демократического процесса (кандидатом в депутаты парламента), сохраняя исследовательскую установку. В этом есть даже некоторое преимущество, у политика и исследователя прагматика очень различается. Политик априорно отвергает то, что больше всего интересует исследователя (так, например, невозможен был бы выбор описанного во Введении 3 округа для такого типа исследования, поскольку любой политик оценивал этот округ как совершенно бесперспективный), и, напротив, исследователю незачем заниматься тем, что наиболее актуально для политика (политики порой требуют от экспертов высокой квалификации такой чепухи, что исключает исследовательское отношение).

⁷ Алексей Толстой заканчивал свою иронично-историческую поэму словами: «ходить бывает склизко по камешкам иным, итак, о том, что близко, мы лучше умолчим». Исследование — это не расследование, хотя и то и другое может опираться на один и тот же материал, а место материала — в архивах (1996). Приходится констатировать, что за прошедшие 12 лет не были предприняты ни серьезные исследования, ни расследования (2006).

Третье введение

ДЕЙСТВИЕ АВТОРА В ИССЛЕДУЕМОЙ СИТУАЦИИ

В соответствии с изложенным в двух других предисловиях настоящее исследование можно охарактеризовать как исследование действием. Ниже предлагается краткое описание самого действия.

Автор был кандидатом в депутаты Верховного Совета по 221 Ангарскому избирательному округу г. Минска. Выдвинут от Объединенной демократической партии. Занял по округу 4 место (при семи кандидатах) с 11 % голосов (1667), отстав меньше чем на сотню голосов от 3-го и на три сотни от второго в первом туре голосования. Среди кандидатов от ОДПБ по городу Минску по абсолютному числу полученных голосов на третьем месте из 28 (или на пятом, если считать двух непартийных кандидатов, которых ОДПБ поддерживала на этих выборах).

В первом туре выборов по 42 округам Минска в среднем баллотировалось 14 кандидатов. 10 из 14 не набирали по 1000 голосов, а 6 из 14 не выходили за 500 голосов, необходимых для выдвижения по подписям избирателей округа.

Для выдвижения был выбран один из самых трудных округов (трудных с точки зрения политика). По этому округу проходил лидер оппозиции Зенон Пазыняк, который всеми признавался безусловным фаворитом и «проходным» кандидатом. На предыдущих выборах он стал депутатом ВС от этого же округа, хотя тогда округ был несколько меньше по размерам и численности избирателей. Выбор округа был сделан не без внутренних колебаний. Как исследователь, автор понимал, что округ очень удобен, так как шансы Пазыняка на выход во второй тур очень велики, но шансов на победу во втором туре нет

никаких. Выход автора во второй тур был бы трудной задачей, зато потом все становилось проще. В то же время, автор не имел никаких доводов, чтобы убедить в этом политиков. Все, кто предложил помощь автору на выборах, отказывались от предложения, как только узнавали о сопернике, либо исходя из политических пристрастий, либо, чаще всего, исходя из оценки вероятности успеха как близкой к нулю. Было несколько предложений сменить округ. Колебания автора были вызваны не политическими соображениями, а утилитарными. 221 округ очень интересен и перспективен, но, выбрав его, автор оставался один на один с сильнейшим соперником и мог рассчитывать только на свои средства и бескорыстную помощь близких друзей. Кандидат, имеющий только политические цели, посчитал бы риск совершенно невозможным для себя (см. окончание Введения 2), автор же пожертвовал потенциальными ресурсами в исследовательских целях и получил подтверждение своей версии.

До этих выборов автор не был известен как политик (к тому же только год, с апреля 1994 г., живет в Минске). По проведенному за два месяца до выборов опросу на основе репрезентативной выборки известность кандидата на округе составляла 0,3 %, или его мог опознать один из 300 живущих на округе избирателей, что можно признать совершенно случайным явлением. До начала избирательной кампании автор (кандидат) никогда не бывал в пределах округа. Независимый опрос службы «Общественное мнение», проведенный за две недели до выборов, показал индекс узнаваемости 4,3 % (что по прогнозам могло дать около 12 % голосов) при 12 % (36 % прогнозируемых голосов на выборах) у лидера, остальные кандидаты имели нулевой индекс. Голосование 14 мая подтвердило эти прогнозы.

Поражение (невыход во второй тур) было обусловлено тремя причинами:

— Автор был единственным кандидатом в Минске и, соответственно, на округе, о котором в избирательном бюллетене написано, что он не живет в Минске (понятия «живет» и «прописан» не различаются ни в избиркоме, ни избирателями). Это обстоятельство лишило кандидата голосов всех избирателей, которые делают свой выбор только в кабинке для голосования.

— Стабильный электорат коммунистов был выше числа набранных кандидатом голосов, что сыграло свою роль даже при полной неизвестности избирателям личности вышедшего во второй тур коммунистического кандидата.

— Политическая программа кандидата была близка программе фаворита на округе и противопоставлялась в глазах избирателей программам пяти остальных кандидатов. А стратегические разногласия кандидата с Пазыняком избирателей не интересовали. Левые отождествляли кандидата с БНФ, в то же время сторонники БНФ боролись с ним как с основным соперником.

— Недостаток ресурса. Кандидат располагал только своими личными средствами и шестьюстами тысячами официально выделенных рублей и мог опираться только на помощь друзей.

Правильным оказался прогноз автора о том, что во втором туре на этом округе победит любой оппонент Пазыняка. В первом туре Пазыняк опе-

режал ближайшего конкурента на 20 % голосов, а во втором туре отстал более чем на 10 %.

Автор склонен считать результат участия в выборах при таких исходных условиях вполне удовлетворительным. Главным же результатом является обоснованность полученного через участие в выборах знания.

Все вышеизложенное не следует понимать так, что автор только симулировал политическую позицию в исследовательских целях. Автор действительно разделяет те убеждения, с которыми шел на выборы. Но автор не считает наличие политических убеждений достоинством как для исследователя, так и для политика. Убеждения должны быть, но их наличие не хорошо и не плохо. Та же политическая позиция, на которой стоит автор, вообще не может рассматриваться как достоинство, поскольку она стандартна и типична для Восточной Европы конца века. В ней нет ничего оригинального, это просто единственно разумный путь преодоления кризисной ситуации. Уклонение Беларуси от этого пути не может быть оправдано ни отсталостью избирателей, ни «полевением» электората, ни тупостью политических лидеров. Нужно делать то, что нужно делать. Реформы в Беларуси будут делаться по той же схеме, что и в соседних странах, но чем позже начнутся реформы, тем труднее их будет делать. Что касается конкуренции с Пазьняком, с которым у автора совпадают многие программные положения, то критика лидера БНФ как политика неоднократно публиковалась автором еще до выборов.

Но реформы не могут начаться сами, их нужно спроектировать и запустить. Без знания и понимания всего того, о чем идет речь в настоящем тексте, в Беларуси не будет настоящей политики. Прагматика сознания Шушкевича, Кебича, Пазьняка и прочих политических лидеров искорежена истматом и диаматом, они советские люди. Сегодня политик должен знать другое. Весной 1994 года Станислав Шушкевич сказал автору, что не нуждается ни в каких консультациях, ни в новом понимании, потому что знает белорусский народ и свою страну. Наверное, он ошибался?!

ПО БЕЗДОРОЖЬЮ К ДЕМОКРАТИИ: БЕЗ ВЕХ

Принято считать, что Беларусь — бессобытийная страна, поэтому каждое событие привлекает к себе всеобщее внимание и становится материалом для многочисленных обсуждений и интерпретаций. Проходившие в мае этого года⁸ выборы в Верховный Совет и референдум стали общенациональными событиями, о которых много говорят. И чего только не говорят? Но не все сказанное имеет смысл и значение. Говорить можно правду, а можно ложь. Можно анализировать суть дела, а можно «наводить тень на плетень». Можно высказывать умные и полезные суждения, а можно глупые и вред-

⁸ Речь идет о парламентских выборах 1995 года — Прим. ред.

ные. Герман Гессе в тридцатые годы охарактеризовал XX век как фельетонную эпоху. Эта характеристика означает, что в наше время каждому позволено говорить обо всем на свете, даже о том, в чем он ничего не понимает. Балерина или писатель судят о политике, полковники о культуре, полицейские о демократии и т. д., часто не имея ни малейшего понятия о том, как о таких вещах можно судить. Переполненность газет, эфира, лекционного материала, докладов на конференциях такими фельетонными рассуждениями создает «белый шум», в котором тонут здравые профессиональные и компетентные суждения. От такого шума возникает только усталость, «обалдевание знаниями» и нежелание разбираться в сути дела и размышлять. Продолжается и культивируется «разруха в головах», которая и порождает разруху в мире, если соглашаться с Михаилом Булгаковым. А мне хочется соглашаться с ним, а не с Владимиром Заметалиным⁹ и не с Василем Быковым¹⁰. Почему речь идет именно о них? Просто, чтобы далеко не ходить, возьмем произвольно две точки зрения (на сленге наших семинаров о таких мнениях говорят — «кочки зрения»). Утром того дня, когда пишется этот фрагмент текста, я купил две газеты: «Знамя юности» и «Свободу», где нашел два замечательных образца суждений фельетонной эпохи. Оба «фельетониста» — авторитетные люди, пользующиеся властью или влиянием на умы белорусов и на ход событий, хотя и по-разному. Но каково качество их суждений? Можно ли доверять их способности суждения? Если ограничиться оценкой только качества текста, то было бы жалко тратить время и силы на их анализ и критику. Но, увы, при чтении текстов приходится учитывать и то, кто их пишет.

Посмотрим на «наивного» Заметалина, которому «остается до конца не ясным, что конкретно понимать под якобы «недемократическим» характером прошедших выборов». Если человеку, возглавляющему информационную службу президента, «до конца не ясно», что написали десятки авторов во многих белорусских газетах, что сформулировали иностранные наблюдатели, что говорят участники предвыборной кампании, то может быть нужно сделать вывод о беспорядке в понимающей способности этого человека или он просто «валяет ваньку». А если он всерьез считает существующий Закон о выборах и особенно Указ президента об обеспечении равных возможностей¹¹ демокра-

⁹ И В. Заметалин был главным идеологом В. Кебича, основного соперника Лукашенко на выборах 1994 года. После короткой отставки он сменил А. Федуту в администрации президента, и во время описываемых событий Заметалин уже отвечал за идеологию и подготовку к референдуму и парламентским выборам (2006).

¹⁰ Василь Быков в это время дал несколько пафосных, но поверхностных, с аналитической точки зрения, интервью по актуальным политическим вопросам (2006).

¹¹ Этим указом определялись: а) порядок предоставления кандидатам места в средствах массовой информации, б) СМИ, в которых такая информация могла быть размещена, в) выделяемая сумма на проведение предвыборной кампании. Особенно умиляла сумма 600000 рублей, при курсе 11500 за доллар. В размерах этой суммы можно было сфотографировать кандидата и напечатать несколько десятков черно-белых листовок формата А4. За расходы сверх этой суммы кандидата могли снять с кампании (2006).

тически и адекватными ситуации, то он просто понятия не имеет о демократии. А значит, не имеет права о ней судить. Заметалин некомпетентен. Речь необходимо вести не о «неумении» народа выбирать или о «несостоятельности некоторых кандидатов в депутаты», как пытаются это изобразить, а о неспособности властей организовать и обеспечить выборы. Да и откуда взяться такой способности у властей, если этим занимается человек некомпетентный, в лучшем случае, или злоумышленный, в худшем? В потоке фельетонных рассуждений заметалинская некомпетентность замаскирована общей некомпетентностью, но для понимающих людей в Беларуси и за ее пределами — все видно. Понятно, что для полковника Заметалина важны оценки начальства, а насмешки специалистов — пустяки. Стыд не дым, глаза не выест.

Другой образец фельетонного «анализа» демонстрирует Василь Быков. Среди прочих рассуждений доминирует простая мысль: «Выбары сфальсіфікаваныя ад пачатку да канца». Остается спросить, где доказательства и аргументы, с которыми нужно поторопиться в суд? Как осуществлялась фальсификация выборов? На это господин Быков сам и отвечает: об этом «мы ніколі не даведаемся, таму што гэта абсалютна закрытая для публікі і журналістаў справа». Очень удобная позиция. Мы хорошие, умные и талантливые политики, мы не проиграли, поэтому нам нет нужды анализировать собственные ошибки и промахи. Во всем виноваты они — плохие и глупые политики. Они не выиграли — они фальсифицировали выборы, да так хитро, что мы об этом знаем, но не знаем только как. Это говорит человек, авторитет которого в оппозиции очень высок, суждения которого было бы достаточно, чтобы оппозиция стала критичнее к себе относиться, а он разрешает ей и дальше самообольщаться.

Самое безнадежное дело в мире — учить интеллигентов. Особенно тех, кто оказался в сфере действия российской ментальности. Интеллигенцию российского образца не смогли пронять «Вехами», ее ничему не научили десятилетия гугаговского опыта. Полузнание, демонстрация поверхностной образованности, ощущение себя «на службе» были и остаются отличительными чертами этой разновидности затронутой окультуриванием части человечества. Заметалин служит хозяину, не разбираясь, кто этот хозяин. Служа Кебичу, он боролся с Лукашенко, ничего не имея против него самого, теперь он служит Лукашенко. И на той, и на другой службе он оказывает «медвежьи услуги», но ценится услужливость сама по себе, а не качество услуг. Быков служит высокой и благородной цели, но лучше бы он делал это как писатель. В этой деятельности из его рук выходят качественные продукты, художественное творчество ему удастся, а публицистика и околполитическая активность — нет. Многим интеллигентам неуютно от того, что «служить бы рады» — да патрон попался нынче уж больно одиозный, а помыслить себе иной формы существования и активности, кроме службы, они не могут.

Не будем же учить интеллигентов, лучше спокойно разбираться и размышлять, доводя дело до элементарности, расчлняя сложное и трудно постижимое до максимально простых (по мере возможности) элементов, связей

и отношений. Выборы — это только один такт демократического политического процесса, элемент политической системы или искусства ведения общих дел. Как бы ни был важен этот элемент — вне системы он сам по себе ничего не стоит. Вся система может быть обозначена как система человеческого мышления и деятельности в локальном пространстве отдельной страны. Самым важным в таком понимании являются: расширение рамок понимаемого явления до человеческого мышления и деятельности; ограничение сферы существования понимаемого явления (бытия-для-нас) до отдельной страны; и то, что все это берется как система. Главная методологическая ошибка мышления о системных объектах состоит в редукции системы к одному или нескольким аспектам и забывании обо всех остальных аспектах и сторонах, т. е. в упрощении сложного. Элементы должны рассматриваться на элементарном уровне — просто, а система в целом на системном уровне — сложно. Простота хуже воровства — это особенно справедливо применительно к системным объектам. Начнем с ряда элементарных связей и отношений.

АВТОР И СИСТЕМА

Тот, кто рассматривает и описывает систему, является только автором описания или изображения системы, но не автором, создателем или собственником ее. Он несет авторскую ответственность (поскольку авторское право — это, прежде всего, ответственность за сотворенное, а только потом потребление благ и пользы или пожинание зла и вреда от сотворенного) за качество описания, т. е. за обоснованность описания с позиций истинности, разумности, культуросообразности и целесообразности. В предельном случае описание системы может быть сведено к суждению о ней. Но тогда автор суждения попадает в сферу действия того, что Кант назвал критикой способности суждения. Право на суждение должно быть обосновано и доказано, способность суждения не является безусловной принадлежностью человека. Не нужно требовать суждения свиньи об апельсинах, физика о налоговом законодательстве, политика об отправлении религиозных обрядов. Хотя физик может быть недоволен налогами, которые ему приходится платить, но по отношению к налогам он выступает не в позиции физика, а в функции работника, предпринимателя или простого налогоплательщика. Политик может быть примерным прихожанином церкви, но мнения свои об обрядности он оставляет при себе, поскольку это дело специалистов — священников. Способность суждения, которая может быть подвергнута критике и может выдерживать критику, — это профессиональная способность или принадлежность знающего подхода. Любое суждение может само стать объектом другого суждения, может стать объектом профессионального знания эпистемолога, логика, филолога, методолога и т. д.

Тогда основной проблемой элементарного отношения «автор — описание системы» становится самоопределение автора. Если автор не может отде-

лить себя от избирателя, то в описании системы выборов непременно будут содержаться избирательские политические и личные пристрастия. Такое описание неизбежно будет однобоким, предвзятым, а потому не выдерживающим критики как системное описание. Автор исторического романа о первом президенте Беларуси имеет право на личные симпатии и политическую пристрастность текста, от него даже ожидают этого, но историк — нет. Политическая ангажированность и личные симпатии и антипатии исключены из норм профессиональности историка. Такое суждение историка может быть хорошим политическим памфлетом, фельетоном, но не может быть признано историческим трудом. То же самое можно сказать о политологическом профессионализме. Если суждение не выдерживает профессиональной критики, то уж судить его приходится не с профессиональных позиций. В приведенных выше примерах Заметалина и Быкова нет ничего, что могло бы выдержать критику с профессиональных позиций. А как рядовые избиратели они оба ничем не интереснее, чем все остальные семь с половиной миллионов. Их личные возможности донести свое суждение через газеты не могут делать эти суждения более ценными, чем суждения старушек на парковых скамейках. Но суждения старушек на скамейках не выходят за пределы круга личного общения, а суждения Заметалина и Быкова становятся фактом общественной жизни нации. Поэтому я с полным основанием могу сказать, что авторы этих суждений — люди безответственные. Когда в кругах интеллигенции ругают люмпенов, то это должно относиться к Заметалину и Быкову, но не к тем, кто имеет такие же суждения в пределах круга личного общения. В заводской курилке или на скамейке в парке содержание таких суждений соразмерно месту и требованиям на способность суждения, а у Заметалина и Быкова — нет. От этих авторов суждений требуется и ожидается другое качество суждений.

Автор должен быть самоопределенным по отношению к своей работе по продуцированию суждения. То, что позволено кесарю, не позволено быку, но то, что позволено слесарю, не позволено Заметалину и Быкову. Не позволено это и мне, автору этого текста. Садясь писать текст, я должен знать, что требуется от моего текста. Должен и требуется, но не хочется и можется. Такая постановка вопроса об отношении автора и текста глубоко противна интеллигенции российской выучки, она готова признавать требования начальства, готова следовать лирическим импульсам своей души, но не признает требований и долженствования культуры и критики способности суждения.

Такой текст, как этот, должен быть написан, если его не пишет никто другой — значит, его должен написать я. В этом состоит одна сторона авторского отношения.

Другая сторона (второй аспект) состоит в том, что данный текст предназначен не только философам и специалистам по общей теории систем, а для широкой публики, иначе в нем нет смысла. Но тогда автор попадает в сложную ситуацию. Однажды в такую ситуацию попал Фихте, задумавший популяризацию своего наукоучения. Он написал книгу с очень длинным названием, из

которого я приведу только начало: «Ясное как солнце изложение для широкой публики...». Даже Фихте не удалось достичь желаемой ясности, я же, не обладая его гениальностью, и вовсе не могу претендовать на «ясное как солнце изложение», поэтому буду делать это в меру своих способностей и рассчитываю на усилия при чтении со стороны «широкой публики». С этой стороны суждение автора может быть сформулировано в тезис: один из главных пороков «широкой публики» или белорусского менталитета состоит в том, что всего хочется достичь без труда и без усилий. Быков и его сторонники ругают Лукашенко за люмпенство и примитивность решений белорусских проблем, а сами предлагают «широкой публике» столь же примитивные сентенции, позволяя публике оставаться в том же состоянии. Им крайне обидно, что у Лукашенко есть Заметалин, который превосходит их по простоте и доступности при обращении к «широкой публике». Необходимо прекратить гонки и состязания в примитивизме. Общественная жизнь требует усилий от всех участников. От рядового избирателя — маленьких усилий, а от Быкова, Заметалина и автора — больших, и даже очень. А также от тех, кто из «широкой публики» претендует на потребление суждений, способных выдержать критику.

Третий аспект моего отношения к описанию состоит в том, что все это описывается не для того, чтобы объяснить, но — чтобы понять. Я отдаю себе отчет в том, что все изложенное может иметь мало общего с тем, как все обстоит «на самом деле». Поэтому я не объясняю, «как на самом деле», я предлагаю свое понимание. Это понимание обосновано теми усилиями и действиями, которые я совершал (на практике и теории), чтобы придти к такому пониманию. У этого понимания есть свои достоинства. Мне они представляются ценными.

Четвертый аспект требует от автора учета того, что ни одно описание не может быть полным. Автор должен держаться в некоторых концептуальных рамках, которые определяются рефлексивностью его подхода. Адекватность описания (тому, что описывается) определяется с точностью до рамок. Развернутое до описания суждение справедливо, полно, истинно или практично только в тех или иных рабочих рамках. Рамки моей работы задаются прагматикой мышления людей, участвующих в том или ином качестве в политической деятельности, т. е. наделенных избирательным правом жителей Беларуси. В определенном смысле эти рамки могут быть поняты как интерес ко всему, что может пролить свет на вопрос: почему и зачем белорусы думают и действуют в политическом пространстве так, как они думают и действуют? Суждения о том, что и как думают и делают белорусы, присутствуют в моем описании политической системы, но как бы на периферии авторского интереса, поскольку они занимали меня в прошлом году. В рамках интереса к тому, что и как было сделано, описание в первой части текста «Беларусь: вопреки очевидности»¹². Но, даже взаимодополняя

¹² См. настоящее издание — С. 14 — Прим. ред.

одна другую, первая и вторая части не дают полноты описания, ведь эти же вопросы могут быть рассмотрены в других модальностях. Что и как можно думать и делать по-другому? Зачем и почему не делается и не думается по-другому? Почему и зачем нужно думать и делать по-другому? Время и место этому в других частях текста и в других рамках.

ВЫБОРЫ И ИЗБИРАТЕЛИ

Наивно думать, что избиратели реагируют на разные суждения, которые предлагают кандидаты, эксперты, журналисты и прочие в предвыборный период так, как предполагают те, кто эти суждения высказывает. В отношении избирателей выборы могут рассматриваться как очень специфическая коммуникация. В обобщенном виде ее можно схематизировать следующим образом: избирателей спрашивают — избиратели отвечают; вопросы избирателям задают закрытыми, на которые есть только два варианта ответа — да или нет. На выборах (не на референдуме) вопросы задаются в свернутой форме — имена кандидатов; имена кандидатов прочитываются избирателями как совокупность мнений о месте и положении кандидата в обществе, разделяемых кандидатом представлений о добре и зле, о путях развития страны и просто высказываемых кандидатом мнений обо всем, о чем он посчитал возможным сказать или умолчать. Все это избиратель и говорит «да» или «нет». Избиратель не имеет возможности вступить в более развернутую коммуникацию, но это не означает, что такая коммуникация не нужна, что для нее нет места в демократическом обществе. Такие места и такая коммуникация должны быть, но не на выборах, не во время выборов, но в других местах, в другое время, в других формах и коммуникативных ролях. Если это есть — есть демократия, если нет — нет демократии, а вне демократии нет избирателя.

В конституциях большинства государств верховным сувереном называется народ. Очевидно, что категория «народ» является абстракцией, за которой не стоит конкретной субъектности, и поэтому то, что называется волей народа и выражается в результатах выборов, не может быть спрошено у абстрактной категории. Нельзя вопрошать народ о его воле непосредственно. Поэтому, для технической стороны организации волеизъявления верховного суверена в стране, институт современной демократии изобретает особую форму придания народу субъектности — некоторые категории жителей или обывателей страны наделяются избирательным правом, или правом голоса. Именно некоторые, а не все. Изобретается специальная процедура разделения обывателей на тех, кому делегируется право голоса, и на тех, кому в нем отказано. Основания для отказа в праве голоса могут быть разными, но все они исходят из той или иной версии признания способности суждения. Первые европейские демократии старались не допускать права голоса у неграмотных, у людей без собственности (значит у безответственных), у женщин и т. д. Постепенно мно-

гие ограничения устранялись. К середине XX века везде сохранились только возрастной ценз и условие гражданства. В некоторых государствах обывателей лишают права голоса за уголовные преступления или служащих армии и полиции, каждый из таких цензов требует специального рассмотрения и критики. Общая тенденция состоит в максимальном расширении категории обывателей, наделенных избирательным правом.

При этом понятно, что расширение круга лиц, владеющих правом голоса, не является автоматическим отказом от принципа критики способности суждения. Право голоса не тождественно признанию права на суждение. Поэтому процедура выборов строится технически таким образом, что голоса избирателей (из которых складывается *vox populi*) принимаются к рассмотрению без обоснований и аргументации, что является обязательным для суждения. Значит, голос избирателя выражает собой нечто меньшее, чем суждение, а именно мнение. Таким образом, в современной демократии избиратель — это обыватель страны, за которым признается право на собственное мнение, и общество в лице государства принимает на себя обязательство считаться с этим мнением, если оно высказано по принятой процедуре (на выборах). Во всех остальных случаях мнение обывателя есть его частное дело и не принимается в расчет в общественных делах. Обыватель становится избирателем только в отдельных случаях: в день выборов или референдумов, в период сбора подписей под документами, предусмотренными законом (документы о выдвижениях кандидатов или заявления об общенациональных инициативах), в процедурах, когда обыватель хочет потребовать отчета у человека, которого он избирал или собирается избирать, и того субъекта, который спрашивал мнение избирателя и обязался его учитывать в своей деятельности. Во всех остальных случаях избирателей не существует. Тем более не существует признания мнения избирателя суждением. Право на суждение обосновывается не институтом демократии, а институтами профессии и образования. Все эти институты могут мирно уживаться друг с другом, но организованы по разным принципам. В отличие от демократии в профессии и в образовании не работает принцип равенства. В профессионализме и в образованности люди не равны друг другу. Школьник и доктор математики могут братья за решение одной и той же задачи по собственной инициативе, но шансы ее решить у них разные. Любой может стать свидетелем события, разбираемого на суде, но не каждый сможет выступить защитником в качестве адвоката. Любой обыватель, имеющий право голоса, имеет и право быть избранным, но не каждый должен баллотироваться в депутаты. Политика — это профессия. Любой избиратель может теоретически освоить профессию политика, но не каждый осваивает. Любой политик — избиратель, но не каждый избиратель — политик. И политик, и избиратель могут иметь свое мнение. Демократия ставит политика в зависимость от совпадения мнений самого политика и мнений большинства избирателей. Все дальнейшее зависит уже не от мнений, а от профессионализма политика, т. е. от способности политического суждения. Политик профессионально обязан иметь обоснованное суждение. Критика и анализ обоснован-

ности суждения осуществляются в профессиональной среде, а будучи высказанным за пределами профессиональной среды, суждение приобретает форму (вид) мнения, и уже в виде мнения предлагается избирателю. Избиратель ориентируется во мнениях и имеет право на ошибку. Но он должен быть уверен в том, что прежде чем мнение, персонифицированное в том или ином конкретном политике или кандидате, вынесено на суд избирателя, оно проверено как суждение в профессиональной среде на предмет обоснованности, реалистичности и разумности. Избиратели и политики могут иметь совпадающие мнения о том, что есть добро и зло для страны, но суждения о том, как, какими путями и средствами достигается добро и избегается зло, — это дело профессионалов, а у избирателя нет возможности судить о степени профессионализма.

Таким образом, вышеизложенное позволяет сформулировать проблему идеального избирателя, или парадокс демократии:

— Фигура избирателя есть техническое средство демократических институтов придать субъектность безличному конституционному суверену — народу.

— Институт демократии в законодательно фиксированных ситуациях спрашивает народ посредством избирателей о совпадении политических суждений с мнением большинства.

— Выносимые на суд избирателя суждения в виде мнений политических деятелей, партий и кандидатов подвергаются критике и проверке на обоснованность в профессиональной коммуникации.

— Профессиональную коммуникацию, организацию критики и анализа политических суждений осуществляют в демократических институтах до выборов или в процедурах демократии, которые не являются выборами.

— Внутри демократических институтов, помимо выборов, избиркомов, органов и средств предвыборной агитации и пропаганды, должны функционировать другие механизмы для обеспечения критики способности политического суждения.

— Такими механизмами демократических институтов являются: свободные СМИ, политические науки, независимые от партий и государства, экспертные и аналитические центры, процессы образования и внутрипрофессиональной конкуренции и борьбы.

— Функционирование всех перечисленных механизмов института демократии оформляется в законодательстве государства и в традициях общества.

— Существование избирателя как необходимого элемента демократического института возможно только при реализации всех перечисленных механизмов, т. е. в системе демократического института. Будучи вырванным из системы, системный элемент перестает быть самим собой. Избирателя нет вне системы (полного комплекса механизмов и элементов) института демократии.

— Если в стране запущено функционирование механизма выборов, но не запущены механизмы профессионального отбора политиков и критики спо-

собности политического суждения — системы демократии нет. Есть только отдельные элементы, выступающие в ложном или двусмысленном статусе.

Из всего этого следует простой вывод: в Беларуси нет института демократии, а значит, нет и не может быть избирателей. В чем же тогда участвовали обыватели 14 и 28 мая 1995 года? Безальтернативные «выборы» советских времен продолжались десятилетиями. Советская интеллигенция настолько свыклась с их критикой «на кухне», что стала думать очень просто: стоит привнести альтернативу выбора в процедуру, и все будет правильно и демократично. Накапливая естественнонаучные знания, образованная советская публика растеряла не только знания о человеке и обществе, свела гуманитарные науки к самым примитивным схемам, но лишилась элементарного здравого смысла в этой области. Советские представления о демократии не простираются дальше Гайд-парка, афинской охлократии или новгородского вече. Советское гуманитарное мышление пытается втиснуть все разнообразие и сложность демократического устройства общества в категориальную сетку из двух-трех понятий: гласность, многопартийность и разделение властей. Поэтому «бедный» Василь Быков думает, что вся проблема в фальсификации выборов «нехорошими людьми» из президентской вертикали. Блаженны нищие духом, ибо их царствие небесное. Несчастливы нищие знанием, ибо их удел — жить при коммунизме.

ВЫБОРЫ И ЗНАНИЕ

Отношение между выборами и знанием в системе демократических институтов само является не элементарным, а сложным. Это отношение необходимо рассматривать как систему или подсистему в составе демократических институтов. Можно отдельно выделять для рассмотрения: знание тех, кто организует выборы, о выборах; знание кандидатов о положении дел в стране и путях решения проблем; знание избирателей о положении дел в стране и о перспективах развития страны; знание избирателей о кандидатах и многое другое. Кроме того, необходимо рассматривать истинность всех этих знаний и их ошибочность, искажения или заблуждения, полноту и фрагментарность. В определенном отношении демократия может быть представлена как эпистемическая машина, спроектированная и построенная с целью употребить все имеющееся в обществе знание на пользу этому обществу. В философском или методологическом тексте именно так и нужно было бы строить теорию и задавать практику демократии. Именно так исторически разворачивалось демократическое мышление от Френсиса Бэкона с его тезисом «знание — сила» до Пьера Бурдьё с его трактовкой власти как функции номинации — обоснованного права называть вещи в обществе и в политике «своими именами». В тексте для «широкой публики» можно только популярно изложить топику знаний, которые необходимо учитывать при организации выборов.

В предыдущем разделе уже говорилось о том, что упрощенные, редуцированные схемы, которыми пользуются в Беларуси для описания, понимания, анализа и проектирования выборов, заведомо недостаточны. Известная банальная максима, что все знать невозможно, не является оправданием того, что организаторами и участниками выборов являются лица, очень много не знающие о том, чем занимаются. Нельзя знать все, но нужно знать все, что необходимо. Почему-то никому не приходит в голову доверять школьнику, выучившему на отлично урок по анатомии об устройстве пищеварительной системы человека, операцию по удалению аппендикса. Понятно, что, кроме схемы пищеварения, хирургу нужно знать многое другое. А вот выборы доверяют организовывать людям с очень локальными и фрагментарными знаниями. Фрагментарность и локальность знания — норма для индивидуального деятеля, именно поэтому по мере усложнения деятельности растет роль кооперации и технологических форм деятельности. В кооперации и технологии субъектом деятельности выступает не индивид, а коллектив или организация. Организация человеческой деятельности в популярном изложении может быть описана как знание каждым членом организации того, что он сам знает некий фрагмент деятельности организации, знает, что его партнеры знают другие фрагменты, и знает, как строить взаимодействие с этими партнерами. Общим для всех членов организации является знание в самом обобщенном виде об объекте деятельности и знание схемы взаимодействия с партнерами. Если все это есть — существует субъект деятельности, адекватный самой деятельности, существует организация или кооперация деятельности.

При таком понимании организации деятельности можно построить простую диагностическую процедуру проверки того, насколько работа в организации соответствует системе объекта деятельности. Если некий деятель принимает решение, выходящее за пределы компетенции того локального знания, которым он владеет, без согласования с партнерами, владеющими другими фрагментами необходимого знания, то мы имеем дело не с реальной эффективной деятельностью, а с фиктивно-демонстративной. В фиктивно-демонстративной деятельности происходит подмена цели. Целью является не эффективный результат, а либо псевдоработа ради самого функционирования, либо некий заранее заготовленный результат, который пытаются выдать за продукт именно той деятельности, которая фиктивно демонстрируется. Проиллюстрируем сказанное белорусским материалом.

Зимой президентская администрация проводит совещание с руководителями существующих в стране партий, в которых, как известно, концентрируются люди, готовящие себя к политической деятельности. Темой совещания является определение типа предстоящих выборов в Верховный Совет. Все партии высказались за пропорционально-мажоритарную систему проведения выборов, при которой половина состава Верховного Совета избиралась бы по партийным спискам, что позволяло бы повысить профессионализм депутатского корпуса, а другая половина избиралась бы по

одномандатным округам, что дало бы возможность представлять в высшем законодательном органе государства местные интересы. Такой подход не соответствует представлению администрации президента о государственном устройстве, по которому все должностные лица, включая депутатов, должны быть подчинены главе государства. Такое положение может быть достигнуто только при назначении депутатов всех уровней от имени президента. Порядок назначения полностью исключает демократические выборы. Советская имитация выборов полностью отвечала бы такому представлению о государственном устройстве, но вернуться к ней уже не так просто, для этого нужен государственный переворот и запрет политической деятельности. В такой ситуации избирается «третий путь».

— Мнение партий игнорируется, и принимается мажоритарная система выборов. Это исключает для партий возможность сформировать партийные списки профессиональных политиков и представить их на суд избирателей вместе с партийным подходом к решению общенациональных проблем, но не исключает элемента самостоятельного выбора избирателями кандидатов, которые не будут подчиняться президенту. Запретить партиям выдвигать своих кандидатов, которые тем скорее составят конкуренцию президентским ставленникам, чем сильнее партийные структуры, их выдвигающие, без нарушения закона нельзя. Поэтому необходимо лишить кандидатов преимуществ, которые может дать партийная поддержка и организованность предвыборной кампании.

— Массовое выдвижение кандидатов до двух десятков на один округ позволяет растворить профессионалов среди «серой» невыразительной массы людей с ничего не говорящими избирателю именами. Спринтерский срок проведения предвыборной кампании лишает избирателей времени для того, чтобы успеть разобраться, кто есть кто. Поэтому избиратели будут ориентироваться только на формальные признаки, скупо изложенные прямо в избирательном бюллетене.

— Сведение к минимуму ресурсов, которыми могут распоряжаться кандидаты в проведении кампании по Указу «О равных возможностях ...», действительно уравнивает кандидатов, у которых есть партийные, финансовые, организационные ресурсы и личные способности, с кандидатами, у которых «ничего нет за душой». Умные и талантливые поставлены с дураками и бездарями не просто в равные условия (что само по себе безнравственно), но в условия, при которых невозможно воспользоваться преимуществами ума и таланта.

— Предложение избирателям не разбираться с кандидатами, а решать в один день с выборами «судьбоносные» для страны вопросы на референдуме.

— Когда все выше перечисленные факторы введены — все остальное дело техники, а она очень проста: закрытие нескольких средств массовой информации, несколько пропагандистских трюков с очернением одних и выпячиванием других кандидатов — и все «законно». Нет никакой необходимости фальсифицировать выборы. И на исход выборов уже мало влияет и требо-

вание 50-процентной явки списочного состава избирателей, и прочие положения Закона о выборах.

Все это было проделано так безупречно, что для аналитика остался только один вопрос. Все это делалось сознательно, и результат совпадает с целью, поставленной организаторами этих выборов? Или цель была другой, а то, что произошло, есть результат контаминации случайностей вместе с тупостью и бездействием? Таким образом, этот вопрос выворачивается в две плоскости: нравственную и логическую.

В логической плоскости вопрос состоит в установлении детерминации результата выборов знанием технологии выборов и системы демократических институтов. Если исполнительные власти получили именно то, что хотели, то они превосходят в знаниях всех своих противников так, как профессионалы превосходят любителей и дилетантов. Если цель и результат не совпадает, то причиной произошедшего следует признать необразованность и темноту всей белорусской политической тусовки.

В нравственной плоскости вопрос может быть поставлен либо о моральности или преступности целей, подобных результату майских выборов, т. е. моральности власти, имеющей целью провал демократических процедур, лишение страны законодательной власти, манипулирование информацией и т. д., либо о моральности незнания или полужнания, имеющегося у политиков (находящихся в оппозиции в первую очередь), то есть о том, морально ли заниматься тем, в чем так плохо разбираешься.

Кооперативная организация знания в системе современной демократии предполагает развитую инфраструктуру различных механизмов и процессов получения необходимого знания, распространения и взаимного употребления знания, полученного в разных областях и зонах. Эти процессы реализуются в механизмах исследований, разведки, соблюдения секретности и конфиденциальности, экспертизы, критики, общественных слушаний и дискуссий и т. п. С развитием, усложнением и совершенствованием деятельности возрастает доля коммуникации в совокупных затратах рабочего времени. Многие цели могут быть достаточно просто и быстро достигнуты, если рассматривать только техническую сторону дела. Но поскольку они достигаются коллективами и кооперативами (в широком значении этого термина), то большая часть времени уходит на согласование, переговоры, разбор конфликтов между участниками и достижение компромиссов, обучение и разъяснение (public relations), лоббирование и т. п. Примитивные подходы, мыслящие человеческую деятельность по-крестьянски и по-пролетарски как обработку полей или металлов резанием, в лучшем случае как толоку, не могут признать урегулирование конфликтов и согласование интересов, а тем более приобретение знаний, работой. В таких подходах все это кажется либо злом, либо пустой тратой времени, либо развлечением. Из примитивного подхода представляется более прагматичным, моральным и разумным игнорирование чужих интересов, суждений и мнений, если они мешают достижению целей и результативности, изоляция инакомыслящих или уничтожение

их как врагов. Такие подходы не в состоянии подняться до осознания самоценности человеческой личности со всеми ее интересами, мнениями. Человек рассматривается через призму материальных ценностей, потребностей и успехов.

Ценностная несовместимость этих подходов, зафиксированная Карлом Поппером и Джорджем Соросом в схемах открытого (развивающегося) и закрытого (традиционного и застойного) обществ, проявляется на знаниевом, техническом, логическом уровнях, на личностном и идеологическом противостоянии. Необходимо признать, что застойные простые общественные отношения устойчивее и стабильнее, чем отношения демократии в открытом обществе. Все сложное уязвимее простого, чем сложнее система — тем больше энергии, труда и заботы, знания и интеллекта требует она для поддержания себя в нормальном состоянии. Поэтому сторонники открытого развивающегося общества в Беларуси должны быть на порядок выше по знанию и интеллекту, чем их оппоненты, во много раз возрастает требование к организации их деятельности, поскольку кооперироваться на базе сложных идей неизмеримо сложнее, чем на базе простых и очевидных. Вместо того чтобы «учиться демократии настоящим образом», как их оппоненты делают по отношению к своей парадигме, выполняя завет своего вождя, белорусские демократы упрекают оппонентов в злокозненности и народ Беларуси в «неготовности к демократии» (т. е. в недостатке знаний и нравственности). Тем самым они расписываются в своем бессилии, в своей безграмотности. Возможно ли себе представить политических оппонентов в здравом уме, которые будут подыгрывать противоположной стороне? Разумеется «партия власти» использует все возможности, чтобы победить. Возможно, что она готова на все, но там, где ей хватает ума, она старается держаться в рамках закона и приличий. Она пользуется слабыми местами и ошибками своих оппонентов. Причина слабости и ошибок оппозиции — в недостатке знания и в неверном знании. Если оппозиция и дальше будет основывать свои действия на неверном знании, «партия власти» будет выигрывать. Знание — сила. Сейчас эта сила на стороне президентской вертикали.

Сила сама по себе безразлична к добру и злу, она аморальна, также как и знание. Тот, кто хочет употребить силу и знание на добро, должен накапливать силу и знание, должен пользоваться верным знанием. Большевицкий вождь, который делал с Российской империей все, что хотел, как-то сказал: «Учение Маркса всеильно, ибо оно верно». Это суждение в своей абсолютной безапелляционной форме давно опровергнуто, как в обобщенном, так и в конкретном виде. В методологическом отношении (см., например, принцип фальсификации Карла Поппера и его же критику историцизма) показано, что нет и не может быть абсолютно верного и всеильного учения, всякое учение локально и относительно со стороны истинности, всякое учение имеет ограниченную реализационную и прагматическую силу. В конкретном случае, применительно к Марксу, суждение Ленина опровергнуто по

марксистскому же критерию: практика — критерий истины. И историческая практика социализма и коммунизма подтвердила силу учения Маркса в определенной историческую эпоху и показала полное его бессилие в другую эпоху и в других ситуациях. Но в своей релятивистской форме суждение Ленина по-прежнему актуально. Тот, кто хочет победить оппонента, вооруженного марксистским методом, должен овладеть более сильным, верным и практичным методом (не абсолютно истинным, но практичным в конкретной ситуации постиндустриального и открытого общества). Такой метод есть, дело только в лени, полуграмотности и нарциссизме белорусских интеллектуальной, предпринимательской и политической элит.

ВЫБОРЫ И ЛОГИКА

Разумеется, мы не можем в этом тексте рассматривать все логические аспекты и проблемы, даже применительно только к выборам. Системы логики, в которой можно было бы рассмотреть все проблемы гуманитарных технологий, просто не существует. Сфера гуманитарного всегда будет определяться и регулироваться паралогическими формами мышления, логика будет расширять свою область бесконечно и бесконечно будет отставать от постоянно накапливающегося многообразия человеческого мира. Люди жили и будут жить в мире только отчасти разумном, только отчасти охватываемом мышлением в логических формах. Это не повод для переживаний, не повод для отказа от логики. Логике — логическое, все остальное свободе воли людей и воле Божьей.

Логическая сторона вопроса в первом приближении может быть развернута вокруг категории следования, т. е. построения суждений по принципу: если..., то... Логическое следование строится на разных принципах, логик может быть много. Не вдаваясь в перечисление существующих и возможных логик, можно ограничиться каузальным (причинным) и целевым (телеологическим) подходами к детерминации логического следования. Общая схема работы состоит в том, что первичным фактором в анализе и критике суждений является само отношение следования. Т. е. ни посылка, ни следствие в логическом суждении не являются безусловными и объективными, они только переменные, сотворенные разумом человека. Если обосновано отношение логического следования, но посылка и следствие (или причина или цель, с одной стороны, и результат, с другой стороны) противоречат друг другу в рамках этого отношения, то возможны варианты:

- мы неправильно задали посылку, т. е. результат имел другую причину или цель, а не ту, что мы думали;
- мы плохо понимаем, в чем состоит следствие, не учитываем все последствия, принимаем следствие не за то, что оно есть;
- мы выбрали не ту логику.

Применяя такое рассуждение к современной белорусской феноме-

нальности, можно сформулировать несколько тезисов, которые могут быть несогласованными друг с другом или взаимоисключающими:

— результат майских выборов в Верховный Совет не являлся целью администрации президента, поэтому она не может нести ответственности за отсутствие в стране законодательной власти, эти выборы — ошибка власти;

— результат майских выборов есть государственный переворот, организованный администрацией президента с целью концентрации власти в одном месте, проведенный безупречно чисто под прикрытием выборов, эти выборы — преступление;

— результат майских выборов имел своей причиной не действия властей, а нечто иное: заговор спецслужб, происки России, козни оппозиции, умонастроение народа, игнорирующего белорусскую государственность, тупость организаторов и т. д.;

— никто не понимает, в чем состоит результат выборов, все выводы и заключения от непонимания того, что произошло.

Продолжая восстанавливать в разных логиках посылки и следствия, отталкиваясь от очевидности причины (или приписываемой цели) и результата, можно наплодить множество версий, с которыми невозможно будет разобраться. Некритический ум не выясняет достоверность посылок и следствий, не анализирует логику, в которой посылки и следствия связываются, а останавливается на одной из версий, которая первой приходит ему в голову. Все дальнейшие суждения и планы действий он строит исходя из этой случайно подвернувшейся версии. Так появляется огромное разнообразие мнений о сложившейся политической ситуации. Подавляющее большинство этих версий и мнений ничем не обосновано. Они представляют собой простой набор логически правильных грамматических конструкций, никак не связанных с реальностью или не признающих реальности. Можно даже классифицировать основные заблуждения, с этим связанные.

Непризнание реальности денег. В Беларуси по-прежнему распространено представление о том, что реальностью являются материальные продукты, а не товары, имеющие потребительскую стоимость. Все мнения, построенные на таком представлении, от неспособности понять, что производство может работать тогда, когда есть служба сбыта, которая превращает произведенную продукцию в товар, который кому-то нужен. Нужность или потребительская стоимость вещей выражается в деньгах, которые люди готовы заплатить за нужные вещи. Поэтому деньги являются логической причиной производства. Если вещи (ковры или трактора) никому не нужны, их не покупают, значит, они не являются товаром. Тогда работа состоит в том, чтобы создать потребность в этих вещах (т. е. научиться превращать их в деньги), или в том, чтобы перестроить деятельность на производство нужных вещей. Такая простая мысль может присутствовать только в критическом уме, который признает деньги первой реальностью, а вещи только второй. Вещи реальны только тогда, когда они что-то стоят, удовлетворяя чью-то потребность. Не затраты материала и труда определяют ценность вещей и производства, они определяют только

себестоимость. Если себестоимость выше в денежном выражении продажной цены, то производство есть воровство и преступление. Признание реальности вещей и признание реальности денег являются не логическими, а онтологическими полаганиями. После сделанных полаганий, которые исключают друг друга в реальности и онтологии, можно строить логически правильные рассуждения, но не ими определяется истинность суждений. Коммунисты логичны, но их логика не приближает их к реальности и обоснованности суждений. Если деньги реальны, то нужно устранять коммунистическую логику, а если большинство обывателей разделяет коммунистическую логику, то нельзя принимать решения об организации производства на основе мнений большинства. У большинства нужно испрашивать разрешения отдать этот вопрос компетентному меньшинству. Логично? Разумно? Да. Как это сделать? Это вопрос гуманитарной технологии.

Непризнание реальности государственности Беларуси. Есть мнение, признающее Республику Беларусь *de facto*, но не признающие ее *de jure*, — Славянский Собор «Белая Русь»¹³ и его электорат. Они участвуют в выборах, считаясь с феноменальностью, чтобы восстановить правовую ситуацию «до Вискулей». Есть мнение, признающее Республику Беларусь *de jure*, но не *de facto*, — БНФ, его электорат и бизнес, хотя и из разных соображений. Они участвуют в выборах, чтобы сделать существование Беларуси реальным, но они не могут быть успешными на выборах, поскольку они проводятся в придуманной ими реальности. Есть мнение, признающее реальность белорусского государства и так и этак, есть, наоборот, не признающее никак. Основывающиеся на этих мнениях, как правило, не участвуют в выборах, либо потому, что не видят, из кого выбирать, либо потому, что им безразличен исход. Это электорат центристских политических партий. Все эти мнения могут быть положены в качестве посылок в непротиворечивые логические умозаключения, но все они ошибочны в онтологическом отношении.

Можно рассматривать непризнание реальности права, гражданских свобод, свободы воли людей и многие другие предвзятые онтологические полагания. Все они могут стать членами логических конструкций. Поэтому основной упор в системе демократических институтов нужно делать не на логический анализ, а на логическую критику. Только тогда вырисовываются истинные проблемы современной социокультурной ситуации, только тогда можно построить разумные суждения и реалистичные планы действий.

Логическая критика выводит нас в пространство метода, и только здесь мы видим порочность метода и мышления, доминирующих в Беларуси. Дело в том, что марксистские метод и мышление базируются на гегелевском принципе тождества логики, онтологии и теории познания. Этот принцип ограниченно справедлив в определенных рамках, но как фундаментальный принцип подхода к проблемам мышления и к задачам реального действия

¹³ Это инициированное спецслужбами политическое образование прекратило свое существование тихо и незаметно, не оставил ни следов, ни наследников (2006).

он несет в себе антикритическую установку и догматическую покорность тоталитаризму. Этот принцип может работать в условиях, когда существует одна логика, одна онтология, один единственно верный подход в познании мира. Он и придуман как обоснование единственно верности диалектики Гегеля, а потом учения Маркса. Мир устроен так, как об этом думает Гегель (или Маркс), а Гегель (или Маркс) думает так, как устроен мир. Поэтому «все действительно разумно, а все разумное действительно», поэтому Гегель (Маркс) всегда прав, а если «факты противоречат правоте Гегеля (Маркса), тем хуже для фактов». Дело остается за малым: все должны освоить логику Гегеля (Маркса), его представление о мире (онтологию) — и жизнь и деятельность потекут так, как им велено. Отсюда один шаг до следующего огрубления такого подхода: если некто думает не так, как я, то он неправ, если он упорствует в своем «заблуждении», то он враг, если враг не сдастся, его уничтожат (Иосиф Сталин). Некритическая установка по отношению к логике логически приводит к сталинизму. Портреты Сталина 9 мая, за 5 дней до выборов в Верховный Совет Республики Беларусь появляются как логическое следствие некритической установки белорусских элит¹⁴. Поэтому занятие логикой в современной политической ситуации есть основное дело политиков, как финансовые схемы, учетные и процентные ставки — дело банкиров. Логично? Да, и никак иначе.

Планы строятся разумом, а разум устроен логически. Не знающего логики нельзя допускать до построения планов. Это один из цензов допуска к политической деятельности. Сформулируем основные требования к политической логике. Все политические планы и проекты строятся в условиях неполноты знания. При неполноте знания невозможно учесть все посылки и все следствия из них, даже при пользовании самой правильной логикой и при самой совершенной проработке категории следования. В ситуации неполноты знания нельзя вставлять в планы один-единственный вариант исхода событий и результата действия. Мы не знаем всех действующих причин (и не можем знать) и целей, поэтому не можем гарантировать определенность исхода. Мы не можем вставлять в планы один-единственный вариант описания исходной посылки, в политике не бывает одного деятеля, и все они делают разное, это нужно учитывать в разработке планов. Как же тогда можно строить планы и действовать? Очень просто, *не нужно путать политические действия и гуманитарные технологии и вещественные преобразования*. Нужно осваивать многозначные логики и принципы системной организации деятельности. Планы должны быть формальными. Нельзя проводить выборы с планом получить определенный состав парламента, но можно проводить с целью получить работающий парла-

¹⁴ Многие белорусские политики любят заигрывать со сталинистскими симпатиями ветеранов, не задумываясь о последствиях. Последствия же не заставляют долго ждать, молодежь усваивает из этого не культ мертвого Сталина, а только симпатии к твердой руке власти в любых идеологических формах. Почему бы и не сильная власть Гитлера? (2006).

мент. Он будет больше или меньше отличаться от желаемого, ну и пусть, зато он будет работать. Стремление получить строго заданный состав парламента приводит к срыву выборов, и страна остается без законодательной власти, т. е. продолжает жить в беззаконии. *Dura lex, sed lex*. Форма и буква закона, формальная цель должны доминировать в политических институтах над узкопартийными интересами. И это вполне осуществимо в открытом обществе, если политики освоят многозначные логики и приобретут критическую установку.

ВЫБОРЫ И НРАВСТВЕННОСТЬ

Нравственные отношения представлены в знании этикой. Этика может быть дескриптивной (описательной или объяснительной) или нормативной. Обычно дескриптивная этика — занятие для философов и ученых. Те же, кто обращается к проблемам нравственности с практическими целями, пытаются работать в рамках нормативной этики, впадая тем самым в безмерную гордыню и прочие грехи. Можно быть сколь угодно недовольным принятыми в некотором обществе и в некоторую эпоху нормами и запретами, которыми руководствуются люди, но пытаться их исправить и изменить прямолинейными действиями — гиблое дело. После того, что в этой области сделали Моисей и Христос с Божьей помощью, обычным людям делать нечего. Но сфера нравственности — это не природа, где действуют незыблемые законы, не знающие исключений и не терпящие изменений. Нормы нравственности и определяемое ими поведение людей меняются от народа к народу, от эпохи к эпохе, от поколения к поколению. Изменения в нравственном состоянии общества производятся самими людьми, но не прямолинейно, а рефлексивно, через размышление о нравственности и морали, о том, что такое хорошо и что такое плохо. А размышлять можно по-разному:

- можно с пафосом, восклицая «*o tempora, o mores*»;
- можно морализировать, наставляя заблудших на путь истины и обличая погрязших во грехе;
- можно реконструировать прагматику действия, т. е. нравственные основания действия, которыми руководствуется деятель, делать их видимыми для всех, а все сами решают, как к этому относиться.

При системном рассмотрении демократических институтов я не могу избежать восстановления и анализа мотивов и ценностных оснований действий участников процессов демократизации. Важно при этом избежать пафоса морализаторства и обличительства порока. Без этого восстановления нравственных оснований невозможно понять, почему действия президента ориентированы на образцы Вьетнама и Китая, чем эти образцы для него и его сторонников привлекательнее образцов Чехии, Польши и Прибалтики? Невозможно понять, чем руководствуются избиратели в своих предпочтениях.

Нравственная атмосфера белорусского общества не представляет собой ничего уникального и особенного, она проявление известного типа нравственности. Существует множество имен для обозначения этого типа нравственности: коммунистическая мораль, коллективизм, атеизм, традиционализм — схватывающих различные аспекты типического и по-разному высвечивающие целое. Существует большой корпус культурных текстов, посвященных этой проблеме. То, что я могу сформулировать в качестве авторского суждения по этой проблеме, не может быть понято без учета теоретических и фундаментальных работ М. Вебера, В. Лефевра, Э. Каннети, К. Поппера, Ф. Хайека, М. Мамардашвили и многих других, без феноменологических описаний А. Солженицина, В. Шаламова, А. Адамовича и других представителей целого поколения советских писателей, предметных разработок А. Маслоу, В. Франкла, Л. Гумилева, антропологических предпосылок антиутопий Е. Замятина, О. Хаксли, Дж. Оруэлла, без текста Библии наконец. Для меня лично наибольшее значение в понимании места нравственности в системе общественных отношений имеет опыт взаимодействия с моими учителями Г. П. Щедровицким и А. Е. Алексейчиком, сопричастность их деятельности и жизни. Самым правильным действием с моей стороны была бы отсылка читателей ко всей этой литературе, потому что все, что я могу сказать, будет только иллюстрацией, белорусским материалом к перечисленным работам.

1. Коллективизм. Все цели, ценности и дела тонут в коллективной безответственности. В Беларуси «нет места подвигу» личности и индивидуальности. Нравственность не терпит коллективной собственности, она есть неотъемлемая принадлежность индивида. Нравственный индивид соотносит свои ценности и дела с системой нравственных норм, а не с мнением большинства и не с силой обстоятельств. Коллективизм же не оставляет места для существования системы нравственных норм, независимой от мнения и воли коллектива.

Альтернативой коллективизму может быть только допущение императива «существуют ситуации, когда ОДИН прав, а ВСЕ неправы». Удивлявший Канта «нравственный закон во мне» служит единственной силой, способной противостоять коллективной безответственности, лени и глупости. Так стояли, один против всех, Сократ, Ян Гус, Андрей Сахаров и многие другие. Они жили, а иногда и умирали в одиночку. В Беларуси же культивируется невозможность жить по «нравственному закону в себе». Живи и умирай как все, «на миру и смерть красна». Даже Алесь Адамович уехал жить туда, где он мог быть не один. Лидеры БНФ не могут быть нравственными ориентирами общества, поскольку постоянно стремятся быть с коллективом. Их целью является не индивидуальность с «нравственным законом в себе», а смена доминанты коллективистской морали. Весь их расчет строится на том, что, когда физически вымрут носители старой коллективистской догмы и морали, их сторонников станет больше, и они займут лидирующее положение в коллективе и сменят коллективистскую доминанту. Те же, кто способен прислушиваться к «нравственному закону в себе», никогда не станут сторонниками

«смены шила на мыло», одной коллективистской догмы на другую. БНФ, возможно, за счет «естественной смертности» сможет когда-нибудь стать коллективистским большинством, но никогда не сможет привлечь на свою сторону действительно талантливых людей и яркие индивидуальности. Поэтому никогда не окажется правым в нравственном отношении. С коллективистскими ценностями в сложной ситуации нет шансов «быть правым, когда все неправы». Всегда будет доминировать стремление следовать за большинством, а не за правдой, даже если это локальное большинство, так называемые «свои» или «мы». Всегда инакомыслие будет расцениваться как предательство. Шушкевич, Карпенко, Булахов, Гончар и некоторые другие политики в Беларуси носят на себе несмываемое клеймо предателей. Я не берусь судить о том, на ком из них это клеймо лежит «по справедливости». Я знаю только, что это клеймо они получили от носителей коллективистской морали, заслужили его (независимо от того, справедливо или нет) своей недооценкой влияния коллективизма и недостатком гуманитарного знания. Знание анравственно, но без знания невозможно жить нравственно (см. раздел о знании в настоящем тексте).

2. Атеизм. Достоевский сказал об этом все, что необходимо: «если Бога нет, то все позволено». Нет и не может быть «нравственного закона во мне», если нет Бога, если человеку нет дела до Бога, а Богу до человека. Через Моисея Бог заключил Завет с народом в виде Закона Божьего, через пророков Бог распространил этот Завет на индивидуального человека, через Иисуса Христа Бог и люди стали исполнять Закон Завета Любовью, которая сильнее, крепче и важнее формального Закона и страха Божьего, через Павла Бог распространил Закон и Любовь Завета на всех людей без различия социального положения, этнической и конфессиональной принадлежности. Нынче «нет ни иудея, ни эллина» перед лицом «нравственного закона в себе». Гарантом соблюдения этого является только Бог. Если Бога нет, нет «нравственного закона во мне», нет его нигде, поскольку его место только «во мне» и в Боге. Тогда вместо нравственного закона существуют только коллективистские эрзацы. Вместо категорического императива вытаскивается наружу нравственный релятивизм — классовая или национальная мораль, цинизм и прагматизм, ситуативная выгода. Народ, живущий так, не имеет своей истории, не имеет ни прошлого, ни будущего, ни национальных символов, ни Родины, ничего святого.

К атеизму в Беларуси добавляются проблемы конфессиональной морали. Среди христианских конфессий противостоять имморализму коллективизма в полной мере могут только протестантские церкви, но не православие и католицизм. (Хотя это вопрос дискуссионный. Такое суждение более справедливо в подходе Макса Вебера, правда, и он допускал исключение для старообрядческих общин православия. Менее справедливо оно в других подходах, например Игоря Шафаревича, который описывал зараженность протестантских ересей коллективизмом, правда, он рассматривал древних предшественников протестантов, до Лютера и Кальвина, а также учения таборитов и Тома-

са Мюнцера.) И католицизм, и православие используют вместо категорического императива и нравственного индивидуального закона авторитет церкви и клира. В первую очередь Церковь, как идеализированная субстанция, выступает гарантом нравственного закона, и в меньшей степени реальный клир. Именно эти конфессии преобладают в Беларуси, именно они противостоят здесь атеизму, но имеют общую с атеизмом этическую установку — коллективизм. Не случайно, что коммунизм не смог добиться сколь-нибудь заметных успехов ни в одной протестантской стране (Восточная Германия, Латвия и Эстония почти не испытывали нравственных конфликтов, когда ослабло силовое поле, державшее их в коммунизме), а католические и, особенно, православные народы переживают на фоне социальных конфликтов перестройки также и нравственные конфликты, пафос которых состоит в невозможности отказаться от коммунистических идеалов и догм коллективизма.

При этом существует большое различие между католической церковью и православной. Являясь верховным нравственным авторитетом и судьей в глазах своих приверженцев, они по-разному относятся к социальной и политической действительности. Отношения светских властей с католической церковью и авторитетом строятся на принципе конкордата, или формального договора о разграничении сфер влияния и о невмешательстве в дела друг друга. Тогда как основной принцип православия с константинопольских имперских времен в отношениях светского и духовного — это симфония, или созвучие светской и духовной властей. Соблюдение этого принципа в православии всегда ставило патриархов под власть императоров, а низший клир — под власть мелких светских начальников. Православное духовенство «плывет под дуду» светских властей — так реализуется византийская симфония во всех православных странах. Именно поэтому все православные народы, стремившиеся к независимости, добивались автокефалии для своих церквей. Иначе их национальное духовенство выполняло бы волю правителей той страны, где находится резиденция главы церкви. В нашем случае православие, вторая по идеологическому воздействию сила после коммунизма в преимущественно атеистической стране, является региональной ветвью русской церкви, духовенство выполняет волю Патриарха всея Руси, которая находится в полном созвучии (симфонии) с имперскими интересами московских светских властей. Вопрос об автокефалии белорусской православной церкви даже не ставится. Это создает для священнослужителей белорусского православия нравственную коллизию и заставляет их поддерживать двоемыслие у прихожан. Так атеистический коллективизм находит полное созвучие у основной массы верующих белорусов.

3. Пролетаризация и люмпенизация. Без собственности нет нравственности. Истина банальная для всех исследователей, политиков и мыслителей. Именно с учетом этого простого суждения большевики формировали «новый класс — номенклатуру» (по Миловану Джиласу). Им нужны были чиновники на всех уровнях, лишённые собственности, а значит «нравственного закона в себе», чтобы не было никаких нравственных препятствий для реа-

лизации любых решений. Чтобы не возникало даже мысли о нравственной критике. Чтобы не задавалось вопросов, что позволено, а что нет. Противостоящая коллективизации приватизация, кроме всего прочего, является условием распространения нравственности в Беларуси. При этом материальная приватизация только частично способствует этому. Главной составляющей является интеллектуальная приватизация, т. е. создание профессиональных гильдий и сообществ, независимых от государственного «права на труд» и основных свободных профессий: юристов, врачей, ученых, политиков, священнослужителей, артистов и художников. А в сфере остальных профессий — свободных профсоюзов. Именно профессиональные сообщества защищают интересы интеллектуальной собственности на профессиональное знание, поэтому культивируют у своих членов профессиональную этику, гильдийную гордость, честь и достоинство. Именно эти нравственные категории, а не материальные интересы дают силу и волю добиваться правды и справедливости, а не терпеть беззаконие и ущемление прав, свобод и достоинства людей. Члены профсоюза — это уже не люмпены, даже не пролетарии. У них есть собственность, профессиональная честь и человеческое достоинство, «им есть что терять, кроме своих цепей». Мелкий люмпенский бизнес, не допускающий у своих наемных рабочих профсоюзной деятельности, плодит из своих работников только люмпенов, таких же, как мелкие хозяева этого бизнеса. Без крупной приватизации не преодолеть люмпенизацию белорусского населения. В крупных частных корпорациях могут формироваться свободные профсоюзы, а в государственном секторе они сформироваться не смогут. Крупные корпорации являются условием нравственного оздоровления общества тогда, когда возникают и становятся на ноги сообщества, профессиональные объединения и гильдии как собственников, так и наемных рабочих. А мелкий и средний бизнес становится таковым либо в кооперативных формах своего существования, либо когда формируется на базе развитого среднего класса, где собственность уже стала нормой жизни, предметом наследования и культивирования. (Эти вопросы требуют специального отдельного рассмотрения, настоящее лапидарное рассмотрение их диктуется рамкой избранной темы и характером текста.)

В «Трехгрошевой опере» Бертольда Брехта рефреном повторяются слова: «Сначала хлеб, а нравственность потом». Как ни печально, но это похоже на правду. Тотальная пролетаризация обывателей оставляет актуальными только две ценности, на которые ориентированы люмпены и пролетарии, — «хлеба и зрелищ». В пространстве, координатами которого являются эти две ценности, нет места долгу, чести, достоинству, всему, что дает возможность реализоваться «нравственному закону в себе». Одна из посылок Абрахама Маслоу в его теории самоактуализации состоит в том, что мотивы, потребности и ценности более высокого порядка, чем физиологические (к ним относятся и «зрелища», а не только «хлеб»), возникают на базе удовлетворения низших потребностей. Промежуточным уровнем между физиологией и духовной жизнью, по Маслоу, выступают потребности в безопасности, которые он

трактует как уверенность в том, что низшие потребности не только удовлетворены, но и их удовлетворению в будущем ничего не угрожает. Сытый и «развлеченный» люмпен не способен приобщиться к более высоким ценностям, поскольку его сытость ему подарена кем-то, хозяином, начальником, государством. Как подарена, так может быть отнята. Чувства безопасности у него не возникает. Советский чиновник может пользоваться всеми желаемыми материальными благами, пока «ведет себя хорошо», если он перестанет себя так вести, то может всего лишиться. Чувство безопасности дает только неотъемлемая собственность. Если государство гарантирует «священное право частной собственности», обыватели начинают приобретать чувство безопасности за собственное будущее и будущее своих детей. Кроме собственности как таковой, они передают это чувство безопасности по наследству своим детям. Это справедливо и по отношению к интеллектуальной собственности. Человек должен быть уверен, что если он что-то делает хорошо, то это его умение и профессиональное знание может его прокормить. А если в стране не ценится хорошая работа? Если хорошего работника могут не допустить к выполнению работы по причине «плохого поведения» или инакомыслия, а отдать работу дураку и лодырю с хорошим поведением и немыслием. Какая уж тут безопасность и нравственность?

Чувство долга, чести и собственного достоинства являются принадлежностью людей, чей социальный статус и материальное благополучие не зависят от действующих властей, т. е. они принадлежат аристократам по рождению или людям, живущим в обществе с гарантированной неприкосновенностью частной собственности. Коммунистическая пропаганда сознательно вульгаризировала это этическое суждение через подмену терминов. Пусть читатель попробует поупражняться сам в таких логических задачках. Замените в предыдущем предложении выражение «люди, живущие в обществе с гарантированной неприкосновенностью частной собственности» на выражение «частные собственники» и прочтите начало абзаца. Смысл (в сокращении) получится такой: «чувство долга, чести и собственного достоинства есть только у частных собственников». Это уже кардинальным образом отличается от того, что я сказал, но продолжайте дальше. Замените слова «частные собственники» на «богатые». Получится: «честь и собственное достоинство есть только у богатых». В таком виде подобное суждение и подается коммунистами обывателям, после чего говорится: «разве можно верить тем, кто так думает?». Нехитрая логическая процедура и — электорат на стороне коммунистов. Объяснения о том, что дело не в «богатстве» отдельного человека, а в гарантиях неприкосновенности собственности, в чувстве безопасности, выражающемся в уверенности, что заработанное тобой в прошлом и то, что ты сможешь заработать в будущем, будет твоим, никто слушать уже не будет. Обыватель не занимается логическими изысканиями, но классики коммунизма ими занимались и оставили белорусским коммунистам готовые формы и мнения, полностью отвечающие чувству опасности и самодовольства люмпенов и нравственным координатам пролетариата. Нравственный ре-

зонанс (симфония) коммунистических лозунгов и люмпенских установок базируется на «благородном негодовании»: «Мало того, что богатые присваивают «наш хлеб» и наслаждаются «зрелищами» без нас, они присваивают себе еще и нравственные достоинства. Нам они «даром не нужны», но и им не дадим, будем жить в безнравственном мире с гарантированной «пайкой» и без гарантий для «их» собственности».

Такое длинное рассмотрение только нескольких сторон нравственных отношений необходимо для того, чтобы понять некоторые проявления белорусской политической жизни. Политические конфликты между добром и злом, между преступлением и правом, между общенациональными интересами и шкурными интересами отдельных политиков являются вызовом для людей с чувством долга, чести и собственного достоинства. Руководствуясь «нравственным законом во мне», такие люди принимают сторону добра и права в политическом конфликте и усиливают позиции этой стороны. Тогда общественность не дает свершиться злу и преступлению. А для люмпенов, не чувствующих «нравственного закона в себе», все политические конфликты представляются «зрелищами». Они проявляют к ним только «зрительский» интерес (в лучшем случае интерес болельщика), но не могут увидеть себя участниками конфликта. Отсутствие чувства долга, чести и собственного достоинства оставляет людей не только безразличными к преступлениям и злу, творящимся на «сцене политических зрелищ», но не позволяют различать добро и зло.

Те, кого в Беларуси считают избирателями, т. е. участниками политической коммуникации, участниками политического процесса, таковыми не являются по нравственным основаниям в том числе. Когда горел костер Яна Гуса в Констанце, бедная старушка подбросила в него вязанку хвороста. Она проголосовала за решения Констанцкого собора, считая их добром. Ян Гус отреагировал словами: «Святая простота». Белорусские избиратели не похожи даже на эту старушку, они вообще не рассматривали майские выборы и референдум как нравственный выбор. Они не рассматривали свой голос как вязанку дров, которая добавит жару в костре преступлений или даст энергию силам добра и права. Люди отдавали свои голоса как аплодисменты актерам на сцене политических зрелищ. Овации не получилось, но ведь овация творится зрительской массой, значит, никто индивидуально не отвечает за это. Посредственное зрелище — жидкие аплодисменты. Если Бога нет, то все позволено. Если нет «нравственного закона во мне», все позволенное на политической сцене позволено и по отношению ко мне самому.

ВЫБОРЫ И СЕМИОТИЧЕСКАЯ СРЕДА

Говорят, что по одежке встречают, по уму провожают. Одежкой в поговорке метафорически называются знаки, позволяющие отнести объект к какой-либо известной категории. По визуально наблюдаемым знакам человека относят к интеллигентам или пижонам, номенклатурным работникам

или к чернорабочим. Сам человек тоже умеет читать знаки, которые несет на себе, зная, как прочитываются эти знаки другими. Поэтому люди чувствуют себя по-разному в зависимости от того, соответствуют ли они впечатлению, которое восстанавливается за знаками, которые на них написаны. В смокинге уютно на светском рауте, но плохо в рабочей столовой. Рабочему же в смокинге неуютно везде. Все сказанное справедливо и по отношению к стране, а не только к человеку. Впечатление от встречи со страной формируется по знакам, только потом проявляется ум, менталитет народа, его духовный мир и нравственное состояние.

Беларусь в глазах иностранца — это страна Хатыни, курганов славы всех степеней, танков, фаллических обелисков на площадях и в скверах, множества Ленинов во всех позах. В глазах самих беларусов то же самое. Судя «по одежке», Беларусь совершенно новая страна, заселенная во время последней войны. У нее нет истории, нет памяти. Углубляя первое впечатление, мы обнаружим, при обилии парадных мемориалов погибшим во время войны, совершенно неухоженные кладбища, как частные, так и военные, разрушающиеся объекты старинной архитектуры, искореженные мелиорацией ландшафты. Возникает гипотеза, что народ, живший здесь раньше, вымер, и страна заселена другим народом, причем «без роду, без племени», без родины, который начал формироваться только 50 лет назад. Этот народ забыл даже о том, что флаг, за который он проголосовал на референдуме, возник из ниоткуда только в 1951 году, он думает, что этот флаг был у него всегда. Это похоже на правду, если «всегда» для этого народа укладывается в 50 лет. Народ чувствует себя очень неуютно с *бел-чырвона-белым* сцягам, нагруженным историческим смыслом, примерно так же, как мистер Дулитл (из «Пигмалиона» Б.Шоу) чувствовал себя во фраке. Не по Сеньке шапка. Примерно так же должен чувствовать себя человек во фраке и сандалиях на босу ногу.

Знаковая среда должна быть согласована сама в себе. Бело-красно-белый флаг и герб «Погоня» никого не раздражают на денежных знаках, на логотипах официальных документов и т. д. Но есть другая сторона употребления государственной символики — это массовые собрания, митинги и демонстрации. Несколько последних лет люди в Беларуси выводятся на улицы по случаю различных юбилеев и торжеств, связанных с победой над фашизмом и освобождением Беларуси во Второй мировой войне. Все эти массовки проводятся в знаковой среде исторической эпохи, которой они соответствуют. Присутствие национальной символики в таких местах вызывает эмоциональный диссонанс. Этот диссонанс переносится на саму символику. Люди хотят чувствовать себя «уютно» в ситуации, бездумно отдаваться праздничному настроению, а наличие в одной ситуации двух типов знаков заставляет их помнить о сложности времени, в котором они живут, заставляет задумываться, что портит праздник. Голосование против государственной символики есть протест против «испорченного» праздничного настроения. Идеологический «фон» политического процесса отторгает чуждые ему знаковые элементы. Несовместимы в одной семиотической среде Ленин и Погоня, колхоз

«Серп и молот» и приватизация земли. Популист Лукашенко интуитивно ориентируется в семиотическом пространстве. Он и его команда в полной мере эксплуатируют объективные законы функционирования знаковой среды, а их «интеллектуальные» оппоненты слепы и нереклексивны. Они нечувствительны к вопиющей несогласованности знаковых элементов друг с другом. Необходима специальная работа, которую можно было бы назвать семиотической экологией. Снос памятников Ленину, переименование улиц, возведение новых памятников — все это действия в рамках семиотической экологии. Эта работа должна быть систематически и программно организована.

Государственные символы, памятники и имена колхозов, заводов, улиц и площадей не исчерпывают элементный состав семиотического пространства. Основным знаком цивилизованного общества являются деньги. Посмотрите на деньги той или иной страны, и многое станет заметным. Например, как может быть оценен уровень жизни в стране, где самая крупная денежная купюра «стоит» меньше двух долларов¹⁵? Ясно, что это страна — невероятной нищеты. Нельзя отрицать нашу нищету, но нищета «на показ», которая зафиксирована в знаках Республики Беларусь, и реальное положение дел мало соответствуют друг другу. Мы стремимся «производить впечатление» более нищих, чем есть на самом деле. Мы могли бы «купить себе» нормальную «одежку» по средствам, но предпочитаем, чтобы «нас встречали по лохмотьям», надеясь, что так больше «подадут». Самое противное, что это правильный расчет. Так «подают» больше, но именно подают. Нищий не может рассчитывать ни на что другое, кроме подачек. Сотрудничества в плане совместного зарабатывания денег, повышения богатства никто с нищим заводить не будет. Мы создали такую знаковую среду в стране, которая воспитывает иждивенцев и попрошайек. Нищие и попрошайки не заинтересованы в реформах хозяйства. Нищета — это особый образ жизни и деятельности, Беларусь специализируется в этой деятельности в рамках мирового разделения труда. Именно так она предстает перед всем внешним миром. Мы просим кредиты и отсрочки платежей, не собираясь их возвращать. Поручителем и гарантом перед кредиторами, «подающими» Беларуси, мы пытаемся выставить Россию. Это удастся сделать на уровне СНГ. Из такой версии исходят российские кредиторы из СНГ. С такой версией считаются западные инвесторы, поэтому не вкладывают в Беларусь ни гроша и даже не обсуждают всерьез инвестиционные проекты.

Такая самоподача Беларуси в знаках находит свое выражение даже в прямом значении этих знаков. В Беларуси почти нет рекламы уровня жизни выше того, который могут себе позволить люди, живущие «от получ-

¹⁵ С купюрами ситуация изменилась, но представление о себе как о нищих, «бедных на показ» — остается; вспомнить хотя бы вечные вопли о российском газе. Хотя в XXI веке привычка демонстрировать сою нищету странным образом уживается с официальными заверениями о процветающей Беларуси. В зависимости от ситуации можно выдавать Беларусь либо бедной и несчастной, либо процветающей и могучей (2006).

ки до аванса». Беларусский обыватель не стремится зарабатывать деньги, потому что не видит, зачем они ему нужны. Уровень жизни и стандарты потребления, из которых исходит обыватель в планировании своего потребительского бюджета, формируется знаковой средой, рекламой, светской хроникой, уровнем жизни «звезд» и популярных людей. Правительство «воюет» со «сверхдоходами» коммерсантов и банкиров (которые бедны даже по восточноевропейским и российским меркам), политики и другие популярные личности выпячивают свою бедность, рассказывая к месту и не к месту о том, чего у них нет (дачи, машины и т. д.), телевидение каждый час эфирного времени рекламирует ковры брестского комбината, гниющие на складах, являющиеся знаком «хорошей жизни» и мечтой домохозяйек тридцатилетней давности. Обывателю в Беларуси не о чем мечтать в смысле улучшения своей жизни. Он живет в таком семиотическом пространстве, в котором ему «для полноты жизни» не хватает всего лишь сотни-другой «зайчиков». Зачем ему экономические реформы? Чего там добиваются противные «демократы»? Почему они мешают «нашему» президенту дать народу то, что он хочет?

То, о чем идет речь в этом разделе, кажется простым и очевидным. Но, чтобы работать с семиотической средой, необходима хорошая гуманитарная подготовка и образование. Политики в Беларуси не обладают такой подготовкой и образованием. Горизонты их размышления сильно заужены, а перспективные планы крайне примитивны. Имея все возможности для «экологической» работы с семиотической средой, в первые годы правления Шушкевича «демократы» не сделали ничего, гордясь при этом своей *памяркоўнасцю і талерантнасцю*. А это просто гуманитарное невежество. На этом же невежестве базируется «критика» понятия «культурная политика». Прежде чем выносить на суд избирателя либеральные, неоконсервативные, национальные и демократические идеи, придется заняться культурной политикой и экологией семиотической среды. Иначе кандидатов с реформаторскими идеями «встретят по одежке», которая «сидит, как на корове седло», и «проводят по уму», который в явном дефиците.

ВЫБОРЫ И КАНДИДАТЫ

Демократические традиции дают возможность любому, кто наделен правом голоса, претендовать на выборные должности в государстве, стать кандидатом в депутаты, президенты, судьи и т. д. Претендовать может любой, но не каждый может эту претензию реализовать. Существует законодательно установленный ценз на обоснованность таких претензий. Например, ограничен список субъектов (организаций), которые могут выдвинуть кандидата на ту или иную должность, претенденту, который собирается выдвинуть себя сам, необходимо собрать некоторое количество подписей избирателей определенного округа и т. д. Но главную роль в ограничении

возможностей претендентов играют не законодательные нормы, а неписаный обычай или политическая культура общества. Закон не препятствует выдвижению в кандидаты лиц без начального образования, но им просто не преодолеть обычную процедуру оформления необходимых документов. Существует множество зафиксированных в обычае ограничений на выдвижение в кандидаты. Можно рассматривать их как дискриминацию (если эти ограничения касаются цвета кожи, вероисповедания, образования, возраста или пола), а можно как самозащиту общества «от дураков» (если речь идет о способностях, интеллектуальных и моральных качествах). Традиция и обычай могут тормозить демократизацию и воплощение в жизнь принципов права и справедливости, с одной стороны, и могут защищать общество от непредусмотренных законом неприятностей и неожиданностей, с другой стороны. Такие защитные механизмы можно рассматривать как показатель устойчивости и нравственного здоровья общества. Они же являются гарантией того, что управление жизненно важными функциями общественного процесса не попадет в руки некомпетентных людей. Прошедшие выборы дают возможность сказать (передразнивая булгаковского кота Бегемота): «Знаем мы эту страну, в ней любой проходимец и прайдзісвет может стать кандидатом!»

В майских и июньских выборах 1995 года в Верховный и местные советы Республики Беларусь участвовали люди, понятия не имеющие о государственном устройстве и принципах местного самоуправления, неспособные «двух слов связать» в публичной речи, запятанные в связях с преступным миром, резонеры и пустозвоны. Вообще был представлен весь спектр человеческих достоинств и пороков. Белорусское общество не имеет защиты от некомпетентности, глупости и безнравственности. При нормальной политической культуре, устоявшихся политических традициях и обычаях все сомнительное с точки зрения профессиональной компетентности, личных способностей и нравственности отсекается на ранних подготовительных этапах избирательных кампаний. В Беларуси же все было сделано для того, чтобы достоинства и пороки были замаскированы, не могли проявиться. Знаменитый указ президента о равных возможностях для кандидатов «дал фору» серости и проходимцам всех мастей, свел на нет даже тот минимальный уровень политической культуры, который был достигнут в Беларуси к прошлым президентским выборам. Политические партии пошли на поводу у президента, «клюнув» на его антикультурный, разрушительный для здравого смысла и нравственности Указ, думая, что смогут «поймать свою долю рыбки в мутной воде». В результате сами оказались той самой «рыбкой», «всплывшей кверху брюхом» после выборов, «оглушенные» взрывом «бомбы референдума».

Необходимо отметить, что *памяркоўныя* обыватели крупных городов в некотором смысле оказались «на высоте» как избиратели. Они отказались выбирать в таких условиях. Бессмысленно вылавливать сигнал в белом шуме. Власть предрежающим в Беларуси хотелось этот белый шум на выборах создать, и они его создали, многим деятелям хотелось «на халяву» этим белым шумом

воспользоваться, но у них ничего не получилось. При этом и власть, и «халявщики» действовали против своих собственных интересов. Им не достаёт дальновидности, способности видеть даже на шаг вперед. Когда Бог хочет наказать людей, он лишает их разума. У нынешней белорусской власти разума отродясь не бывало, а «халявщики» предпочли им не пользоваться и руководствовались жадностью, алчностью и прочими страстями. Власть потеряла на выборах меньше, чем кандидаты, поскольку выгодно отличается от них двумя преимуществами: наличием здорового инстинкта и жажды власти, а также тем, что действовала не «на халяву», но трудилась для себя так, как умеет.

Сказанного вполне достаточно для квалификации кандидатского корпуса образца 1995 года. Нет необходимости рассматривать действия отдельных кандидатов. Подход кандидатов к выборам настолько однообразен, что может быть расценен как полное едино-не-мыслие. Выделять тех, кто приобрел несколько лишних голосов, выйдя из них ногами, но не утруждая голову, значит делать вид, нагрузка на ноги и пустая голова и есть норма белорусской политики. И хотя многие белорусские политологи приняли такую версию, профессиональная этика и патриотическое самоощущение не позволяют мне к ней присоединиться.

Существует только один концептуальный аспект, который необходимо обсудить, разбирая элементарное отношение в паре понятий «выборы и кандидаты» в системе современной демократии. Это связано с переосмыслением понятий «конкуренция» и «сотрудничество». Безусловно, отношения между кандидатами в демократических выборах должны описываться в категориях конкуренции. Но категория конкуренции не схватывает полной структуры целей кандидатов, если кандидаты самоопределяются как политики, а не как соискатели синекуры в парламенте — «халявщики». Политики заинтересованы в нормальном разворачивании политического процесса. В этом случае у всех кандидатов, кроме оснований для конкуренции за голоса избирателей, есть основания для сотрудничества. Все кандидаты, политические оппоненты, соперники заинтересованы в том, чтобы голоса получались не любой ценой, а в нормальном демократическом процессе и в том, чтобы голосов было достаточно для того, чтобы процедура выборов состоялась. Для этого кандидаты должны были бы «играть на повышение» цены голоса и «политических акций». Свободная конкуренция, которую так не любят коммунисты и неолевые, порождает особую форму сотрудничества соперников, которая выгодна наиболее талантливым и способным из соперников, а значит, всему обществу в целом, поскольку повышает уровень политической жизни и культуры. К пониманию этого могут приходиться только те, кто самоопределяются как политики, готовые делать политическую работу. Но никогда к такому пониманию не способны «халявщики». Могут ли сотрудничать те, кто не любит трудиться? Установка «халявщика» состоит в том, что «в коллективе сачкануть легче». Известные белорусские лидеры, крупные чиновники и бизнесмены привыкли думать, что у них есть неотъемлемые преимущества перед другими людьми. Пусть «кандидатская массовка» суетится и трудится, а мы на их фоне и так будем выглядеть

лучше — вот так формулируется подход «халявщиков». Чем ниже общий уровень и бледнее фон, тем легче на этом уровне и фоне выделиться. На безрыбье и рак рыба. В нищей стране и Мясникович — миллиардер, на фоне всеобщей серости и Карпенко — умница, и Климов — политик. Все раскрученные кандидаты на прошедших выборах «играли на понижение» (подробнее об этом в разделе «Выборы и персоналии»), снижали уровень политической культуры, «зажимали» деньги, поэтому избиратели проигнорировали эти жалкие выборы. Лукашенко — человек из народа, он сформулировал общее мнение: выбирать не из кого, все равно обманут. А ведь и правда.

ВЫБОРЫ И ДЕНЬГИ

Популяризаторы науки и романтики технического прогресса любят с пафосом объявлять то или иное техническое устройство (огонь, колесо, двигатель внутреннего сгорания, бумагу и т. д.) или научное открытие (законы диалектики, $E=mc^2$ и т. д.) величайшим достижением человеческого ума. Заимствуя этот пафос, я сказал бы, что деньги есть величайшее изобретение человечества. Деньги — это универсальная знаковая система, описывающая все многообразие мира людей. Все, что имеет значение для человека, может быть выражено в денежной форме, все ценности человечества обнаруживают себя через деньги в виде стоимости и цены. Говорят, что есть вещи, которые ничего не стоят, например дырка от бублика. Это иллюзия. Тот, кто перевозит бублики от производителя к покупателю, знает цену объема груза, для него дырки от бубликов, пустоты в объеме груза имеют конкретную стоимость, и он включает их в затраты. Поэтому, покупая бублики, потребитель оплачивает цену дырки в размере стоимости транспортировки пустот в объеме груза. Выгоднее возить в вагонах муку, а не дырки от бубликов. Тоталитаризм и демократия тоже имеют свою цену. Цена демократии во много раз превышает цену тоталитаризма. Есть люди, предпочитающие товар подешевле. Их выбор продиктован не ценой, но ценностью покупки. Тот, кто не ценит своего времени, может покупать муку и печь себе бублики в духовке. И почему это современные люди предпочитают покупать готовые бублики вместе с дырками? Наверное потому, что разница между потребительской ценностью и продажной ценой есть объективное условие существования рынка, всей человеческой деятельности и развития культуры. Люди покупают то, что можно потреблять, а не то, что меньше стоит. Те, кто этого не понимает, получают за малую цену не бублики, даже не муку, из которой могут сделать бублики, а только дырки от бубликов.

Беларусь — удивительная страна. Здесь рекламируется «прошлогодний снег» и покупатели выстраиваются за ним в очередь. Здесь указывается не цена бублика с зачетом цены дырки по умолчанию, а цена дырки без гарантии получить бублик. Цены на МАЗы, БелАЗы и трактора рассчитываются, исходя из себестоимости материальных и трудовых затрат, без уче-

та того, что их потребительская стоимость ниже себестоимости. Здесь верят, что многое в мире существует бесплатно. Бесплатны дары чернобыльских лесов. Бесплатны «ничейные» воздух, земля и вода. Бесплатны выращенные на шести сотках огурчики к самогонке. Бесплатны свобода, демократия и реформы. Результатом таких иллюзий являются огурцы по цене бананов, отравленные воздух, земля и вода (кто не понимает их цены в денежном выражении, расплачивается ценой здоровья, которое беларусами тоже мыслится как бесплатное), прожиточный уровень «ниже колен». Беларусы решили задарма получить парламент и получили дырку от бублика. Более двух тысяч кандидатов потратили по 600 тысяч рублей¹⁶ из карманов налогоплательщиков. Из тех же карманов оплачены моря лжи и океаны пустой трескотни в СМИ, зарплата и накладные расходы избирательных комиссий. Плюс деньги самих кандидатов и их «доброжелателей-спонсоров». Время кандидатов и членов их команд. Все это цена дырки от бублика демократии. Это цена, за которую беларусы купили прямые убытки от смены государственной символики и затраты на ее последующую смену (как в случае прихода нового правительства, так и в случае аннексии Беларуси Россией). Это цена многомиллиардных потерь в результате таможенного союза. Это цена дальнейшего развала экономики.

Скупой платит дважды. Те, кому нужна демократия в Беларуси, думают, что ее можно получить бесплатно. Тогда как демократия стоит дороже любого другого общественного устройства, именно поэтому демократию могут себе позволить только богатые страны. Стоимость демократии складывается из затрат на инфраструктуру поддержки процессов политической и общественной организации. Общественный порядок поддерживается искусственно, т. е. культивируется через сознательные усилия индивидов и больших групп людей и организаций. Если эти усилия ослабевают или осуществляются несознательно, то общественная организация редуцируется к примитивным и архаичным формам. Точно так же, как зарастают бурьяном и сорняками огороды и поля, если люди не прикладывают усилий для создания условий жизни культурных растений. Современный авторитарный режим, установившийся в Беларуси, — это бурьян в стране, где все заняты добычей средств на пропитание вместо культивирования цивилизации. Это аналогично тому, что люди, имея огород и сад, занимаются сбором лесных грибов и ягод, которые растут сами и не требуют пахоты, прополки, удобрений и т. д. Но ведь хорошо известно, что окультуренный, обработанный клочек земли способен прокормить людей больше, чем огромный дикий лес.

Цивилизация (от латинского *civis*, аналогичного славянским «город» или «место», со значением — огораживаться, выделять особое место) возникает как огороженное от дикого окружения место, где природа заключена в рамки

¹⁶ В мае 1995 года за доллар давали 11500 беларусских рублей (2006). См. С. 76 настоящего издания. — *Прим. ред.*

культуры. Где растет не все, что попало и где попало, а только то, чему позволено расти и там, где ему отведено место. Культура не отрицает природу — она берет ее в рамки. Искусственные формы организации общественной жизни не отрицают естественных стихийных, но берут их в рамки и отводят им соответствующее место. Первобытный земледелец изнемогал в борьбе с окружающей природой, выращивая примитивные злаки, которые требуют большего ухода за собой, чем дикие растения. Он мог рассчитывать только на свои силы и свой труд. На современного фермера работают агрономы, генетики, специалисты по защите растений, создатели сельхозтехники, метеорологи. Без всего этого современное сельское хозяйство невозможно. Хотел бы я посмотреть на страну, в которой фермеры отказались бы оплачивать всех упомянутых специалистов и соответствующие науки, отказались бы от услуг многочисленных институтов и соответствующей промышленности, ведь это так дорого обходится земледельцам! При некотором воображении Беларусь можно считать именно такой страной. Даже беднейшие племена африканских земледельцев пользуются услугами своих колдунов и заклинателей, удовлетворяя свою потребность в услугах, которые оказывает развитому сельскому хозяйству научно-техническая инфраструктура. Услугу заклинателя дождя можно купить за кулек риса, а для того чтобы пользоваться услугой метеорологической службы, необходимо не просто купить радиоприемник, нужно получить образование, наладить планирование своей деятельности в соответствии с получаемой информацией. Это стоит многие тонны риса. Африканские земледельцы выбирают одно, а европейские фермеры другое. Поэтому африканцы умирают от голода в засушливый год, а урожаи фермеров стабильны и застрахованы.

Столь длинная метафора нужна для иллюстрации различия между искусственным культивированием деятельности и стихийным самотеком процессов. Демократия в Беларуси не культивируется, а пущена на самотек. Те, кто заинтересован в знании об общественных процессах, в том или ином направлении их развития, не могут обходиться без обращения к общественной инфраструктуре. Но они считают, как африканские земледельцы, что привычные услуги «колдунов» и «заклинателей» обходятся дешевле, чем оплата функционирования профессиональной инфраструктуры. Содержание политиков-одиночек типа Карпенко, Шушкевича и Лукашенко обходится дешевле, чем стабильное финансирование партийных инфраструктур. А разорительные стихийные бедствия в лице ведомства Титенкова существуют в сознании тех, кто платит ему оброк, отдельно от политического процесса, отдельно от «заклинаний» Капитулы, Антоновича или Акулова¹⁷.

¹⁷ И. Титенков был управляющим делами при администрации президента, в просторечье — завхоз Лукашенко. П. Капитула руководил аналитическим центром администрации президента, затем был помощником президента, в те годы был главным экономическим советником Лукашенко. И. Антонович, как и В. Заметалин (см. примечание ⁹ стр. 76), работал на В. Кебича против А. Лукашенко, а в 1995 году стал заместителем министра иностранных дел. В. Акулов, профессор, в период Перестройки был демократом, а в описываемый период стал рьяным апологетом режима Лукашенко (2006).

Рядовые налогоплательщики, на деньги которых делается сегодняшняя политика в Беларуси, являются держателями столь мизерных средств, что в одиночку не в силах изменить ситуацию. Нужны специальные фонды и «страховые компании», которые могли бы концентрировать капитал для финансирования инфраструктуры. Даже самый богатый налогоплательщик в Беларуси не может сам финансировать политическую инфраструктуру, но это не значит, что он обязан обращаться к услугам «колдунов».

Давайте посмотрим, как «колдуют» в Беларуси на деньги ее обывателей.

Самый примитивный пример со спонсорством ветеранским организацией. Провинциальная коммерческая структура жертвует деньги ветеранской организации, которая покупает подарки живущим впроголодь ветеранам, не объясняя того, откуда деньги, а при этом проводит агитацию против коммерческих структур. Так предприниматель оплачивает идеологическую работу против самого себя. Когда объясняешь ситуацию такому спонсору, у него возникает «благородное возмущение»: что же не давать деньги ветеранам, таким же, как мой отец? Почему же не давать ветеранам? Но давать им нужно непосредственно, а не через идеологическую структуру «колдунов». Можно создать при фирме подразделение благотворительности и покупать ветеранам подарки от имени фирмы. Но в голове спонсора не помещается схема, при которой он может платить зарплату сотруднику фирмы, который не зарабатывает на фирму, а тратит. Он думает, что ветеранская организация все сделает бесплатно. Но, во-первых, часть спонсорских денег идет на укрепление самой ветеранской организации, во-вторых, оставшаяся часть идеологически работает против спонсора.

Другой пример касается государственных газет. Газеты вроде «Советской Белоруссии» содержатся правительством на деньги налогоплательщиков, т. е. предпринимателей и рекламодателей в том числе, они убыточны и нужны правительству для идеологической обработки читателей. Бюджет не в состоянии вынести столько убыточных газет, сколько их существует в Беларуси, но рекламодатели поддерживают их на плаву, работая строго против своих интересов. То же самое можно сказать о радио и телевидении. Чем это можно объяснить?

Граждане Беларуси относятся к существующим институтам общества как к инфраструктуре демократической страны, которая способна оказывать соответствующие услуги по цене этих услуг. Сама услуга стоит недорого только потому, что инфраструктура, эти услуги оказывающая, работает как массовое производство. Кинотеатр окупает себя при недорогих билетах, если зрители часто ходят в кино. В противном случае кинотеатру приходится зарабатывать каким-то иным образом (например сдачей помещений и зала в аренду), а кинопрокат становится побочной деятельностью. Беларусские инфраструктуры политики (наука, СМИ, рекламная деятельность, суд и надзор) работают как система дезинформации, пропаганды, цензуры и т. д., не выполняя своего прямого назначения. Вся инфраструктура нацелена на торможение

ние реформ и на сохранение status quo, поэтому не может оказывать демократических политических услуг. Туристы, платившие Остапу Бендеру за право полюбоваться «Провалом», не покупали услугу и уж тем более не инвестировали в реконструкцию туристского объекта (чтобы «Провал» не проваливался). Это было мошенничество чистой воды. Сегодня все деньги, уходящие в политику, идут на дальнейший провал, поскольку ценой покупки мнимой услуги не создать инфраструктуру услуг. Для этого требуются капитальные вложения, долгосрочные инвестиции. Попытки же купить услугу демократического характера у современных белорусских политиков или ее инфраструктурных институтов порождают только коррупцию и новых Бендеров (могу для желающих назвать несколько известных имен торговцев билетами в белорусский «Провал»).

Никто в одиночку не способен в Беларуси на капитальные инвестиции в политику и в демократическую инфраструктуру. Ни Климов, ни «самый богатый беларус» Мясникович, ни «Амкодор», ни «Пуше»¹⁸ не могут на свои деньги создать политическую инфраструктуру, так же как в свое время никто не мог построить в одиночку железные дороги, телеграфную линию через Атлантику, национальную телефонную систему. Это проекты для большого акционерного капитала. Капитальные инвестиции в инфраструктуру демократического общества способны сделать либо государство (например, Чехия у себя и ФРГ в ГДР), либо крупный консорциум, состоящий из акционерного фонда, политической партии, нескольких газет, профсоюза и проектно-аналитического центра (примерами могут выступить страны Балтии, Россия и некоторые страны Восточной Европы). Иностранцы общественные фонды типа Сороса или Эберта не могут выступать как катализаторы капитала для таких консорциумов, но кредиты МВФ, или ВБРР, или ЕБРР могут стать такими катализаторами, но нужна встречная капитализация в Беларуси. Только тогда, когда белорусский капитал станет выполнять функцию контрольного пакета акций в консорциуме по возведению капитального фундамента инф-

¹⁸ А. Климов в те годы занимался строительным бизнесом, но знаменит был тем, что издавал «Газету Андрея Климова», открыл «Банк Андрея Климова», т. е. был таким лубочным образом «нового беларуса». М. Мясникович в общественном мнении считался самым богатым человеком страны, так ли это было на самом деле, ни тогда, ни теперь никто не подтверждал, но и не опровергал.

«Пуше» — одно из крупнейших частных предприятий тех лет, занимавшееся всеми видами бизнеса, от оптовой торговли зерном и автомобилями, финансовых сделок до кредитования нефтяных и газовых поставок. Лидер «Пуше» А. Пулейко активно финансировал политиков и занимался расточительной благотворительностью, что можно видеть на примере комплекса церковных зданий на проспекте Притыцкого. После разгрома «империи» «Пуше» остался банк «Олимп», позднее — «Газпромбанк».

«Амкодор» — завод дорожной техники, остаток крупного советского ПО (производственного объединения), названного по первым буквам городов, где размещались его предприятия (Андропов, Минск, Кострома, Орел). Руководитель «Амкодора» В. Шлындиков создал и финансировал свою партию (Гражданская партия), которая позже стала частью Объединенной гражданской партии (2006).

раструктуры белорусских реформ, кредиты международных организаций начнут работать на белорусские реформы. Пока этого не произойдет, все деньги, поступающие в Беларусь, будут либо разворованы, либо растратены по мелочам. Деньги становятся производительной силой только в виде капитала. Капитал же не определяется суммой. Деньги становятся капиталом только в функции капитальных вложений, а не в функции оборотных средств или затрат на потребление. Именно поэтому «теневая» экономика даже при самых больших оборотах не может приносить пользу стране. А в Беларуси все затраченные на политику деньги (даже даваемые открыто и с лучшими намерениями) могут характеризоваться как «теневые» или «черный нал». Ничего капитального так создать нельзя.

ВЫБОРЫ И ПАРТИИ¹⁹

Наличие в политическом пространстве партий является столь очевидным признаком современной демократии, что за этой очевидностью забываются функции и назначение партий в системе демократии. В Беларуси партии созданы под очень узкое назначение и с ограниченным набором функций. Руководители и лидеры этих партий следят именно за реализацией этих функций. Члены партий и функционеры удерживают в поле внимания только эти функции. Все оказываются разочарованными и удивленными, когда реальность опрокидывает все партийные планы и замыслы, поскольку реальность сложнее и богаче в своих требованиях к партиям, чем партийные функционеры способны думать и понимать.

Есть партии, созданные только под участие в выборах, чтобы иметь легитимную возможность выдвигать кандидатов, осуществлять необходимые для этого бюрократические процедуры. С этой функцией они успешно справляются и в выборах поучаствовали. Если в политической деятельности был бы справедлив олимпийский принцип «не побеждать, но участвовать», все было бы отлично. Назовем условно эти партии «олимпийскими». В Беларуси к такому типу относятся несколько партий: Республиканская, Движение за социальный прогресс и справедливость (ДСПС)²⁰, Социалистическая²¹ и, как ни странно, Объединенная демократическая партия²², хотя она несет на

¹⁹ Эта наиболее историческая глава затрагивает ситуацию 1995-1996 годов, с 1999 все сильно изменилось, многие партии были ликвидированы, остальные исчезли как факт политической жизни страны. Кроме того, все последующие выборы были декоративными, их политический смысл стал совершенно другим. В целом, можно констатировать, что отсутствие рефлексивности и работы над ошибками привели в партийной жизни страны к тому, что мы имеем сегодня. — *Прим ред.*

²⁰ ДСПС — «Движение за социальный прогресс и справедливость», прокоммунистическая партия. (2006).

²¹ Республиканская и Социалистическая партии сегодня не существуют (2006).

²² В 1995 году произошло слияние ОДПБ и ГП, возникла новая партия — ОГП. (2006).

себе и черты других типов, и партия (не общественное движение) БНФ. Все эти партии «играли, но не угадали ни одной буквы», будучи при этом «незас-трахованы».

Есть партии монопольного лидера, созданные только для его раскрутки. Довольно долго в таком качестве функционировала Партия народного согласия (ПНС)²³. Так создавалась Гражданская партия²⁴. Были такие попытки у Карягина, Шеляговича, Гайдукевича, Евгения Новикова²⁵ и у некоторых других. У Булахова есть тенденция рассматривать таким образом свой ВЕС²⁶. Замысленные по такому типу партии не могут существовать долго. Они перестают интересовать лидера, как только цель достигнута, с одной стороны, или начинают автономизироваться от лидера, с другой. Ружье на стене в первом акте пьесы должно рано или поздно выстрелить. ПНС уже взвела курок, сменив лидера²⁷ и уходя в неясный пока популистский дрейф. Гражданская партия и ВЕС делают попытки преодолеть монофункциональность, их лидеры начинают смотреть шире на назначение и функции партий. Условно такие партии можно назвать «президентскими», поскольку их существование держится на притязаниях лидеров на первую роль в государстве. Только в рамках этих лидерских амбиций эти партии могут функционировать, невзирая на наивность самих лидеров и необоснованность амбиций. Вклад этих партий в капитальное строительство системы демократии в Беларуси минимален. Инвестиции в них есть рискованное дело, можно крупно выиграть, но вероятность этого крайне низка. Чаще это просто выбрасывание ресурсов (денег и энергии людей) на ветер.

Есть партии лоббистского типа. Они отстаивают интересы какой-то группы, клана или мафии или же пропагандируют модную, но ситуативную идею. К такому типу «лоббистских» партий в Беларуси относятся: Аграрная

²³ ПНС — «Партия народного согласия» (в просторечье «Згода»). В 1995 году раскололась, позже слилась с одной из социал-демократических партий. Пока «Згода» была живой партией, ее лидером был Г. Карпенко.

²⁴ См. выше комментарий про ОДПБ (2006).

²⁵ Персонажи белорусской политики, никогда не оказывавшие ни на что влияния, но иногда получавшие «хорошую прессу» и раскрутку. Н. Шелягович — лидер экзотического сепаратистского движения ятвягов. В. Карягин — выходец из стройотрядовского движения советских студентов, в те годы и теперь возглавлял различные союзы предпринимателей. С. Гайдукевич — председатель ЛДПБ, калькирующий лидера российской ЛБПР Жириновского. Е. Новиков — хирург-кардиолог, долгие годы возглавлял Лигу прав человека, потом Белорусскую гуманитарную партию, был депутатом, теперь известен как скандальный телеагитатор (2006).

²⁶ ВЕС — «Партия всебелорусского единства и согласия». Была создана по кальке с российской партией — ПРЕС. Сегодня пропрезидентская декоративная партия (2006).

²⁷ Летом 1995 в ПНС началась борьба за лидерство. Ее лидеры потеряли административный ресурс. Г. Карпенко был снят с должности председателя исполкома г. Молодечно, а В. Гончар потерял место в администрации Лукашенко. «Згода» раскололась. Остатки партии возглавил Л. Сечко, при поддержке А. Короля. Часть партии во главе с Г. Карпенко и В. Гончаром осенью вошли в ОГП на первом объединительном съезде (2006).

партия²⁸, женская «Надзея»²⁹, все «зеленые» и промышленные объединения³⁰, Славянский Собор «Белая Русь»³¹. Эти партии имеют некоторую перспективу, если они становятся инструментом манипуляций остающихся в тени сил и держателей ресурсов.

Более широкие горизонты и системная организация функций есть у коммунистов и социал-демократов. Но они имеют другие недостатки, о которых речь пойдет ниже.

Узкие партийные горизонты, функциональная однобокость существующих партий могут объясняться разными причинами. Определяющее место среди этих причин можно отнести тому, что в учебных заведениях КПСС преподавалось как особая дисциплина — партийное строительство. Тысячи людей прошли через партийную учебу в советские времена, но, видимо, все они были плохими учениками. Оказывается невозможным применить технические знания партийного строительства КПСС к строительству новых партий, критически переосмыслить знания в новой ситуации. Дело вовсе не в том, что принципы и формы партийного строительства КПСС неприменимы к новым партиям. Наверное, нельзя применить проект коровника или доменного цеха при строительстве жилищ или концертных залов. Но теория машин и механизмов, сопромат, строительные детали и конструкции являются общими в промышленном и в гражданском строительстве. Также и партийное строительство. Гуманитарно-инженерная дисциплина «партийное строительство» имеет свои общие постулаты и положения, которые адаптированы к типу партии и к социокультурным условиям и обстоятельствам места и времени. В открытом и в закрытом обществах понятие *партия* имеет разное содержание, различаются также партии в США и в Европе, отличаются друг от друга и европейские партии разной ориентации, а также одной ориентации (демохристиане или социал-демократы) в разных странах Европы. И все эти различия вполне укладываются в разделы дисциплины «партийное строительство». Белорусские же партии полностью манкируют знанием о партийном строительстве.

²⁸ Аграрная партия — сегодня пропрезидентская декоративная партия (2006).

²⁹ Казус женской партии «Надзея» состоит в том, что она много лет возглавляла рейтинг белорусских партий, хотя никогда не существовала. Это была чисто бумажная партия: женщин, членов профсоюзов, записали в партию, поставили во главе В. Полевикову, которая до выборов 2001 года была заместителем В. Гончарика в ФПБ. Когда Полевикова потеряла пост заместителя председателя ФПБ, партия оставалась зарегистрированной, без членов и без профсоюзного патронажа. Через некоторое время в ней произошел «аппаратный переворот» и смена лидера. Возглавившая «партию» В. Матусевич самой партии не обнаружила, но в качестве председателя женской партии «Надзея» вошла в коалицию 10+, созданную к президентским выборам 2006 года (2006).

³⁰ Белорусская научно-промышленная ассоциация (М. Лавринович и др.) пыталась играть политическую роль в те годы и иногда рассматривалась как самостоятельная партия «красных директоров» (2006).

³¹ см. комментарий ¹³ на С. 96 наст. изд.

В самом общем плане политическую партию можно рассматривать как машину по производству мнений в комплексе с устройствами по распространению определенного мнения в обществе. Это есть стабильный атрибут партийного функционирования. Когда выработанное партией мнение становится доминирующим в сознании демократического большинства, партия приходит к власти и формирует структуры власти и госаппарата. Формирование госаппарата и пребывание у власти есть временное состояние партийного функционирования, т. е. не атрибут партийного функционирования, а акциденция. Поэтому «государственное строительство» является важной, но все же только частью дисциплины «партийное строительство». В стабильных демократических странах «государственное строительство» выступает неизменной константной частью в различных партийных подходах. Республиканцы и демократы в США, ХДС и СДПГ в Германии, консерваторы и лейбористы в Великобритании, конкурируя в политике между собой, согласны друг с другом в принятии государственного устройства своих стран, конституций, традиций и обычаев. Поэтому отношение к собственному государству выступает и формально, и содержательно устойчивым и недискутируемым компонентом партийного строительства в пределах национального государства. Особняком стоят сепаратистские и компрадорские партии, которые не признают рамок той государственности, по законам которой они получают статус легитимного существования. Белорусский Народный Фронт возник как сепаратистское движение в Белорусской провинции Советского Союза. До сих пор атавизмы сепаратистского склада характерны и для партии БНФ, действующей уже в условиях национального государства Республики Беларусь. Этим объясняются многие неадекватности в стратегии и тактике БНФ. Коммунисты же, рассматривающие себя как наследников КПБ — региональной структуры КПСС, не могут избавиться от атавизмов компрадорской группы интересов. Поэтому ПКБ³² и БНФ живут как на разных планетах, в другом времени и в разных измерениях. Возможно, что после майских выборов может произойти изменение в подходах обеих противостоящих сил. Попавшие в Верховный Совет коммунисты, сталкиваясь с реальными проблемами государственной деятельности, смогут ассимилировать рамку белорусской государственности (как это произошло с Лукашенко после вступления в должность) и тогда окажутся в одном пространстве и времени с Пазыняком. Последний уже объявил, что готов к диалогу с коммунистами, разделяющими ценности государственности Беларуси. Только тогда ведущие силы (субъекты самых распространенных мнений в политическом сознании Беларуси) действительно станут партиями, т. е. частями одного целого — белорусской политики. Сейчас же они, партии (части) разных целостностей, движутся в параллельных пространствах. Оказавшись в одном политическом пространстве,

³² В 1996 году партия разделилась на пропрезидентскую КПБ-КПСС (В. Чикин) и оппозиционную ПКБ (С. Калякин) (2006).

они смогут стать реальной оппозицией неопределившемуся режиму, который пытается вести Беларусь «без руля и без ветрил».

Если отношение к собственному национальному государству выступает константой существования партий в одном политическом пространстве, то собственно партиобразующим атрибутом, фундаментом партийного строительства, является нечто иное. Фундамент, на котором воздвигается партийное сооружение, представляет собой двуединую субстанцию: онтологическое основание (метатеория, мыслительный подход, мировоззренческие принципы) и организационно-деятельностное основание (процессы и принципы функционирования, производства, организации, руководства, управления, воспроизводства, развития и избавления от всего устаревшего).

Посмотрим на существующие в Беларуси партии через призму этого двуединого фундамента. При таком взгляде становятся очевидными однобокость и инвалидность белорусских партий.

Начнем с онтологических оснований. Европейское гуманитарное знание культивирует несколько принципиальных автономных подходов к объективному рассмотрению общественных, хозяйственных, формально-правовых и культурных явлений. Каждый из этих подходов оформлен в своей философии и методологии. Сколь-нибудь значительные и долгоживущие общественные движения и партии базируются именно на этих философиях и методологиях.

Консервативные (демохристиане, консерваторы и неоконсерваторы) как наиболее стабильное явление европейской истории основываются на ценностях христианства и на критически-рационалистических философских учениях. Адепты консерватизма видят мир глазами Декарта, Фомы Аквинского, Канта, Поппера, Хайдеггера, признавая авторитет Библии. Это направление общественной мысли мало распространено в постсоциалистических странах, а в Беларуси не представлено вообще. Попытки отдельных сторонников БНФ и некоторых других интеллигентов в белорусских партиях рядиться в консервативные «одежды» не могут скрыть их «наготу», просвечивающую через зияющие прорехи в мировоззрении, образовании и показной религиозности. Одним из главных препятствий для возникновения собственно белорусского консерватизма и для его распространения является православие с его установками на соборность и симфонию (см. раздел «Выборы и нравственность»), хотя в случае принятия консервативного мировоззрения на государственном уровне православие стало бы одним из удобных проводников консерватизма в общественное сознание.

Другим по значимости подходом является либерализм. Либеральный подход имеет давнюю и почтенную философскую и методологическую традицию, построенную, в первую очередь, на английском эмпиризме от Гоббса и Адама Смита до Хайека. Там, где либерализм подкреплен сильным протестантским мировоззрением (например в США, Голландии, Шотландии, Швейцарии), он является господствующей политической силой. В католическом и православном мире либерализм выживает только в союзе с другими

общественно-политическими течениями. В Беларуси только ОДПБ пытается основываться на либерализме, но и в ней сама метатеория и подход разделяются только несколькими лидерами, вся остальная публика только «тусуется», поверхностно рассуждая вокруг да около либеральных тезисов. Дальнейшее существование ОДПБ³³ возможно только в союзе с более органичной для Беларуси политической силой. Правильный выбор союзника является основной проблемой этой самой «старой» и организованной, но обреченной на локальное существование партии. На поиск союзника и на переговоры с ним уходит вся партийная энергия. В случае несостоятельности союза ОДПБ с более массовой и влиятельной партией возможно вырождение ее в нечто, подобное на фабианское общество, бентамовский кружок утилитаристов или идеологический дрейф в сторону социал-демократии.

Более молодыми, чем либерализм, но более развитыми и сильными являются политические течения, выбирающие в качестве онтологического основания методологию марксизма. Это коммунисты, социалисты и социал-демократы. Марксизм не обошел своим влиянием ни одно из направлений общественно-политической мысли. Но в качестве фундаментального основания используется только указанными партиями. При этом различие между коммунизмом и социализмом лежит в методологических организационно-деятельностных установках — в догматизме и ревизионизме. Европейский коммунизм, ослабленный догматизмом, дожил до конца XX века только благодаря поддержке «империи зла», где он был господствующим учением. При свободном демократическом развитии общественно-политической ситуации коммунизм уже давно умер бы, утратив адаптивность. «Призрак коммунизма», бродивший по Европе, подвержен судьбе всех призраков: они исчезают, как только разум обращает на них свое внимание. Ревизионизм марксистов — это аналог критцизма и рационализма консерваторов. Чем сильнее ревизионистские тенденции в марксизме в той или иной европейской стране, тем сильнее там позиции социализма и социал-демократии. Жизнеспособность коммунизма «прирастать будет» также ревизионизмом. В тех странах, где бывшие коммунисты хотели сохранить себя как политическую силу, они эволюционировали в направлении либерализма. Промежуточной станцией на пути такой эволюции чаще всего становится социал-демократия. Несмотря на такие линейные аналогии, от коммунизма к либерализму, социал-демократию необходимо рассматривать как совершенно автономное движение. Социализм и коммунизм имеют одну из самых развитых методологий в современном мышлении, но различаются теми дефектами, которые пытаются культивировать в своих подходах. Коммунисты догматически относятся к экономическому материализму учения Маркса XIX века, кроме того, не разбираясь с основаниями своего мировоззрения, они поверхностно трактуют методологию и философию Мар-

³³ Книга вышла осенью 1996 года, большая же часть текста книги была написана летом 1995 года. Партия ОДПБ объединилась с Гражданской партией на объединительном съезде в октябре 1995 (2006).

кса в духе Спинозы, Платона и Гегеля. Большинство разделяющих коммунистическую метатеорию имеют настолько поверхностное образование, что не могут прочесть даже трудов своих классиков. Тожество спинозизма и российского марксизма большевиков хорошо показал еще в 1918-20 годах Георгий Челпанов, а запустил процесс вульгаризации и упрощения методологии своего друга еще Энгельс в своей адаптации марксизма для рабочих в «Диалектике природы». Но необходимо признать, что, как машина по производству мнения и распространения его среди обывателей, коммунистические партии работают лучше всех в условиях Восточной Европы. Только их собственные нескритичность и догматизм не позволяют им видеть, что, выигрывая в распространении своего мнения в широких слоях населения, действовать на основе своего методического подхода они не могут, поэтому вынуждены постоянно заниматься заимствованиями. Это обстоятельство и поддерживает миф о том, что беда коммунистов имеет своей причиной не заложенный в коммунизме порок самоотрицания, а является результатом «жидо-масонского заговора» западной цивилизации против славянских народов. Коммунизм чист и непорочен, это предатели чистоты учения и происки врагов все портят. Не умея привязать свое догматическое учение к реальным обстоятельствам жизни и деятельности, коммунисты действуют, «воруя» идеи и планы у других общественно-политических направлений, но образования не хватает, чтобы сделать «украденное» своим, поэтому действуют они все равно плохо. Чужим умом жить нельзя, а свой собственный они не развивают, ведь материализм так мало придает значения всему субъективному и идеальному. Беды белорусских социал-демократов аналогичны несчастьям коммунистов. Не имея традиции мышления и проработки методологии (точнее из-за более чем полувекового разрыва в традиции), Белорусская социал-демократическая Грамада³⁴ догматизирует европейский социализм. В тех странах, в которых социал-демократы выросли из ревизионистских коммунистов, сохранив структуры и институты партийной учебы, это направление становится ведущей политической силой. В Беларуси же социал-демократы и коммунисты догматически «упираются лбами». Принимая националистическую установку, Грамада поступает ситуативно правильно, но производит для избирателей так тщательно замаскированное социалистическое мнение, что в нем различается только националистическая составляющая, а социалистическая почти не различима.

В политическом пространстве Европы существует постоянная ниша для тех, кого называют правыми радикалами. Обычно правый радикализм основывается на «учениях» доморощенных харизматических лидеров. Все эти «учения» восходят к государственным идеям Платона и Гегеля. «Лидеры наций», из которых далеко не каждому «светит» судьба дуче или фюрера,

³⁴ С тех претерпела бурные трансформации — объединение с частью ПНС и смена названия на БСДП (НГ), раскол после парламентских выборов 2000 года (выход группы Короля), объединение с БСДП Шушкевича и смена Н. Статкевича на А. Козулина на посту лидера, смена названия на БСДП (Грамада) (2006).

вызывают для своих государств «духов», которые всегда пародируют абсолютный дух Гегеля. При всей авторитетности Платона и Гегеля учения «харизматиков» всегда остаются на периферии общественно-политического процесса или добиваются кратковременного успеха в периоды «разброда и шатания». (Тысячелетний Рейх в Германии просуществовал 12 лет.) В Беларуси есть два претендента на занятие такой ниши — Лукашенко и Пазыняк. Но первый Платона и Гегеля не читал, поэтому он даже пародию изобразить не в состоянии, он действует, основываясь только на интуиции. Это позволяет ему держаться на плаву, но не дает возможности создать партию или движение. А второй, при всей своей харизматичности, создал партию крайне халтурно, поэтому не может реализовать ни своих целей, ни цели партии. В этом отношении Пазыняк — политик вполне европейский, но упустивший свой шанс в период «разброда и шатания», поэтому обреченный занимать ту же нишу в политике, что и Жан Мари Ле Пен во Франции и ему подобные.

Все остальные партии не имеют онтологических оснований. ПНС, ВЕС, Гражданская партия, ДСПС, Республиканская и многие другие (в том числе и основная масса БНФ с его интеллигентским национализмом) — это ситуативные партии «на сезон». Они могут двигаться к основательности и артикулировать свою позицию. Тогда они будут иметь шанс на действительное участие в политическом процессе и закладывании основ демократии в Беларуси. Пока же их приходится рассматривать как издержки политической культуры в обществе. Иногда эти партии предпринимают попытки обзавестись собственным мировоззрением и метатеорией. Так было в ПНС, когда ее идеологом был Довгель³⁵, который хотел придать партии анархо-синдикалистский характер. Но это, как говорят, *смеху варта*. Доморощенное теоретизирование на базе знаний второкурсников провинциальных университетов.

На онтологическом фундаменте партии могут строить свою стратегию, выработать концепцию развития страны, налаживать взаимоотношения с электоратом. Партии и политические лидеры, не имеющие такого фундамента, становятся, по меткому выражению Ленина (хотя и не по адресу), «политическими проститутками». Достаточно посмотреть на идеологические и дипломатические кульбиты Карпенко, Гайдукевича, Шеляговича, «гоблинов»³⁶ и самого Лукашенко, чтобы сказать, что на «политической панели» в Минске становится тесно, предложение соответствующих услуг превышает спрос, некоторые «девочки» уже остаются «без работы».

Без фундамента не построить партию, но и наличия одного фундамента недостаточно для партийного функционирования. Партийное строительство в Бе-

³⁵ Е. Довгель — автор экономических концепций передачи собственности коллективам рабочих. В начале 90-х годов пользовался большой популярностью у растерянных «красных директоров» (из упомянутой выше БНПА) и обывателей, использовался правительством Кебича в качестве альтернативы либеральным экономистам (2006).

³⁶ ГоБЛины — использовавшееся в 1994 году публицистами название группы депутатов, образованное по первым буквам: Гончар, Булахов, Лебедейко и др. (2006).

ларуси — сплошная незавершенка и долгострой. На фундаменте онтологических оснований должны быть воздвигнуты теории среднего уровня, содержанием которых является объективное представление о современной Беларуси, о состоянии ее хозяйства, экономических и общественных отношений, культуры, международного положения, обязательств Республики Беларусь перед своим народом и другими странами. Только после возведения на онтологическом фундаменте стен, опор и перекрытий из теорий среднего уровня можно говорить о «крыше» — партийной идеологии, предвыборных платформ и совокупности мнений, выносимых на суд избирателя. Все белорусские партии стремились иметь идеологическую «крышу». У одних эта крыша лежала прямо на фундаменте, если таковой был, у других просто парила в воздухе, если фундамента не было. Теорий среднего уровня, т. е. знания реальной Беларуси, нет и не было ни у одной партии. Избиратели в Беларуси умнее белорусских партий. Они не согласны жить в «воздушных замках» ПНС, ВЕСа и других партий. Их не интересуют незавершенки ОДПБ, БСДГ, ПКБ, в которых придется жить придавленными крышей к сырому и холодному фундаменту. Людям для жизни необходимо нормальное пространство с твердым основанием, крышей над головой и прочными стенами, гарантирующими, что крыша не свалится на голову.

Если онтологические основания берутся партиями из культуры, то прочный фундамент можно обрести через образование и партийную учебу, тогда теории среднего уровня могут появиться только через систематическое и профессиональное исследование современных белорусских реалий. Последнее требует больших ресурсов и капитальных инвестиций. (О капитальных инвестициях в разделе «Выборы и деньги».) Историческое развитие, европейская культура и образование оставили для Беларуси прочные фундаменты, на которых можно возводить все необходимые институты демократии и открытого общества. Причиной того, что эти основания не используются, является лень, установки «халявщиков» от политики и местечковое мышление. А вот возведение стен, разработка теорий среднего уровня возможно только при капитальных вложениях и при наличии второй компоненты двуединого основания — организации работ по возведению этих стен. Ни одна партия не имеет «бригад» партийного строительства, не имеет прорабов (производителей работ).

Вторая организационно-деятельностная компонента основания партийного строительства — программа работ — есть только у двух структур из всего множества действующих в Беларуси субъектов политики: у ПКБ и у БНФ. При этом коммунисты пользуются пришедшими в негодность программными положениями КПСС, которые невозможно обновить из-за потери ВПШ, институтов истории партии, всей исследовательской инфраструктуры бывшего Советского Союза и, конечно же, из-за разрыва отношений между компартией и КГБ. Мы пытались найти у коммунистов новые разработки и современный анализ ситуации — ничего этого нет. Они полностью живут на знаниях семидесятих годов, даже не восьмидесятих. Организационный план в БНФ адаптирован под широкое общественное

движение с просветительско-дидактическими целями. БНФ подошел к майским выборам без налаженной аналитической службы, без системы партийной учебы. Его «теневой кабинет» состоит из «кабинетных полководцев», министров-мечтателей. Если бы такой кабинет был приведен к власти, то его уровень компетентности был бы не выше лукашенковского правительства. Все белорусские партии пытаются подменить систематическое закладывание оргдеятельностного основания дешевыми конференциями и «круглыми столами», где «политики» делятся друг с другом своим невежеством. В Беларусь, как и во все постсоветские страны, приезжает масса второсортных западных «учителей», которым нет работы у себя в стране и которые учат наших политиков банальностям. Продовольствие и промтовары «второй свежести», которые возят с Запада на наш рынок, бросаются в глаза. Но чтобы увидеть второсортность и бросовость интеллектуальной продукции, которую потребляют наши политические и государственные деятели, нужно иметь образование, которое у них в дефиците, и знать лучшие образцы, до которых они не доросли.

ВЫБОРЫ И ВЛАСТЬ

«Лучше большая власть, чем большие деньги», — так называлась статья с подзаголовком «Александр Лукашенко как зеркало белорусских перемен» в ноябрьском журнале «Деловые люди» за 1994 год. Такой тезис характеризует многие латентные аспекты белорусской действительности.

Есть предположение, что многие безобразия в нашей стране связаны с очень своеобразной трактовкой и концептуализацией власти. Пьер Бурдьё связывает власть с функцией номинации, т. е. с правом и возможностью давать имена вещам и явлениям, которыми по умолчанию пользуются те или иные социальные группы и субъекты. То, как Лукашенко стал президентом, хорошо объясняется через функцию номинации. Он называл все значимые для белорусского обывателя вещи и явления теми именами, которые в ходу у большинства. Когда употребляемое в каждой фразе выступлений Лукашенко слово «президент» в третьем лице является синонимом слова «батька», то этим он оправдывает все свои выходки, волонтаризм и вульгарность в глазах всех, для кого «президент» и «батька» семантически тождественны. На этом базируется право силы нашего президента. Сила оружия несоизмерима с силой слова. Слова, пусть примитивные и вульгарные, возвели Лукашенко, за которым не числится никаких дел, на вершину власти. Его же слова создают общественное мнение и резонируют с умонастроениями всех тех, кто предпочитает жить ничего не делая.

«Совесть для белоруса важнее благосостояния», — так говорит президент, и с ним согласны. Значит, все упреки президенту о том, что уровень благосостояния белорусов падает, отмечают простым аргументом: зато наша (моя) совесть чиста, мы не продаем «ворам-богатеям» землю и другую собствен-

ность, я (мы) буду беден, но честен. Это реалии власти в Беларуси. Когда подход ко всем вещам и явлениям, имеющим значение для жизни и деятельности, разделяется большинством, то тот, кто «приватизировал» право высказывать мнения от имени этого подхода, обладает реальной властью. Образная модель реализации власти предельно проста:

Подготовка властного акта³⁷.

— Мы живем хуже, чем раньше?

— Да. (Что имеется в виду под «хуже» и «раньше», не обсуждается. Каждый думает о своем, но согласие достигнуто.)

— Мы знаем, кто виноват в том, как мы живем?

— Знаем. (Правда ли то, что мы знаем, сомнению не подвергается.)

* На уровне открытых высказываний возникает полное согласие говорящего и аудитории, что дает возможность говорящему в дальнейшем исходить из пресуппозиции: мы друг друга понимаем, «мы одной крови». Эта же пресуппозиция есть и у аудитории, то, что достигнуто только мнимое понимание, выяснится гораздо позже, а теперь можно переходить к формулировке властного акта.

Формулировка властного акта, номинация.

— Виноваты спекулянты!

— Конечно. (Согласие с этим тезисом не вытекает из размышления и не есть взвешенная оценка, оно автоматически следует из пресуппозиции. Если «мы друг друга понимаем», понимали раньше, то и все последующие высказывания нам понятны.)

— От имени спекулянтов говорят демократы? (До этого момента говорились очевидные для обыденного сознания вещи. Последнее высказывание уже представляет собой вывод.)

— А ведь и правда! (Мысль высказана, она принимается по инерции согласия, поскольку не противоречит пресуппозиции. Дальше ее можно усиливать и развивать: «Они же и «великую страну» развалили!», и т. д. и т. п.)

— Значит, демократы «не нашей крови».

— Не-е, «не нашей».

** Теперь все готово. Можно выкрикнуть: «Держи вора!» или «Наших бьют!»

Акт власти.

— Я вообще не пойду голосовать, все равно обманут. (Долгих и продолжительных аплодисментов на такое высказывание нет, но большинство согласно и тоже не придет голосовать.)

*** Это и есть реализация власти. Вещи названы своими именами. Спекулянты — это демократы, демократы — это оппозиция, оппозиция виновата в нашей плохой жизни.

³⁷ Этот пример может быть иллюстрацией того, чем теоретические построения отличаются от аналитики. Теория содержит идеальные конструкции, которые можно использовать в различных ситуациях, т. е. имеет внеситуативное содержание, а аналитика вскрывает идеальное содержание ситуативных вещей (2006).

— Можно, я слегка побью депутатов оппозиции в Верховном Совете³⁸ — демократов, спекулянтов и виновников наших с вами бед?

— Валяй, только «не перегни палку».

— Мужики, вы ж меня знаете! Я — батька, строгий, но справедливый.

— Да уж видим, что не президент, но мы «одной крови».

Такая модель проста и очевидна, но полностью отсутствует в умах тех, кто обязан думать о власти. Беларусские политики начинают думать о власти с того места, которое помечено «* * *», т. е. тогда, когда их «будут бить». В этот момент ход событий уже необратим, то, что должно произойти, уже произойдет обязательно. События стали разворачиваться автоматически уже с места «*», в месте «* *» на ход событий еще можно попытаться повлиять.

Две с половиной тысячи лет назад Конфуций сформулировал главный принцип власти: «исправление имен», который должен быть усвоен политическим знанием так же, как математическим знанием усвоены аксиомы современника Конфуция — Евклида. В Беларуси установилась диктатура не штыками и танками, не большими деньгами. Основанием авторитарного режима являются «имена», которые не были «исправлены».

На выборах избиратель отдает свой голос тем, кто властен. Результаты выборов не наделяют властью победителей, они легитимизируют власть уже существующую, власть над умонастроениями избирателей, власть, заключенную в праве называть вещи их именами и возможности имен быть употребимыми.

Структура имени включает в себя много элементов, грамматическая категория имени собственного — только один из элементов. Каждый беларус знает имя собственное БНФ, каждый двадцатый беларус знает имя ОДПБ. Но пропагандистская машина государства приклеивает к аббревиатуре БНФ ярлычек «фашисты». Не все пользуются усложненным именем «бэнээфовцы-фашисты», но те, кто говорит на языке Лукашенко, говорят именно так и относятся к БНФ в соответствии с именем. Положение ОДПБ еще хуже, сторонники БНФ называют ее кандидатов коммунистами, только перекусившимися, сторонники коммунистов и президента, наоборот, скрытыми бэнээфовцами. За БНФ не будет голосовать никто из тех, кто разговаривает с использованием имен, которыми называет вещи Лукашенко. За ОДПБ не будут голосовать и те, кто говорит языком Лукашенко, и те, кто говорит языком Пазьняка. Использование имен и языка не обязательно делает человека сторонником тех идей, которые на этом языке излагаются. Многие противники коммунизма в Беларуси пользуются коммунистическими категориями просто потому, что не знают других. Наиболее характерный пример связан с национализмом. Национализм, как противостоящая коммунизму сила, использует коммунистическую категорию

³⁸ Имеется в виду случай избития депутатов парламента (Верховного Совета 12 созыва) спецназом по приказу президента А. Лукашенко во время их голодовки протеста в здании парламента 11 апреля 1995 года (2006).

национальности. По существу белорусский национализм говорит о своей идее языком Сталина, немного по-другому расставляя акценты, укрепляя тем самым основательность своих политических противников. Сталинская национальная политика до сих пор властвует над умами белорусов, поскольку не произведено «исправление имен».

Существуют в современном языке белорусов несколько категорий с двойным дном. Можно провести психо(социо)лингвистическое исследование семантики слов «республика» и «патриотизм» или контентанализ их употребления. Мы обнаружим, что слово «республика» употребляется не в значении формы правления в стране, в значении названия территориально-административной единицы. Латыши, молдоване, венгры говорят о себе как о стране, а белорусы как о республике в том же смысле, в котором слово «республика» стоит в словосочетании с прилагательным «союзная» или «автономная». То есть самоназвание страны несет на себе смысл части, а не целого. В общеупотребимом белорусском языке (русском разговорном) отсутствует обозначение страны как целого. Отсюда и умонастроения избирателей, проявившиеся в ответах на вопросы референдума. На уровне коммуникации и общения обыватели разделяют мнения сторонников суверенитета и сохранения государственности Республики Беларусь, соглашаясь с действиями Лукашенко на уровне действий и поступков. Власть находится в руках Лукашенко потому, что он слышит именно то, что говорят обыватели, а демократы и оппозиция слышат только то, что хотят слышать.

Беларусь и Лукашенко комплементарны друг другу, как Король из сказки Сент-Экзюпери «Маленький принц» был в гармонии со своей планетой. И Король, и Лукашенко отдают только те приказы, которые могут быть выполнены, обещают только то, что от них ждут. У Гегеля есть маленькая статья «Кто мыслит абстрактно?». Категории абстрактного и конкретного, как они вводятся в этой статье, многое объясняют в феномене белорусской власти. Те, кто пытается мыслить конкретно, когда слышат обещание запустить заводы к 1 декабря 1994 года, ждут, что с 1 декабря кончится власть президента, поскольку обещание не может быть выполнено, заводы не заработают. Но они мыслят не конкретно, несмотря на все свои старания. Лукашенко давал обещание не им, а тем, кто слышит все по-другому. Лукашенко обещал отдать приказ руководителям заводов, дожидаться 1 декабря и наказывать всех, чьи заводы не стали работать. Именно так понимал обещание президента электорат, именно в этом состоит диалектика абстрактного и конкретного, именно на этой диалектике стоит белорусская власть. Кто этого не понимает — тот мыслит абстрактно в смысле Гегеля. В Беларуси многие мыслят абстрактно, поэтому ничего не делается конкретно. Из всех политических деятелей только Лукашенко мыслит конкретно, он точно знает, что от него ждут абстрактной власти, он абстрактно и властвует. Приказывает солнцу всходить на востоке, экономике быть экономной, рублю стоять, республике быть частью России. В глазах его сторонников и тех, кто говорит на его языке, все происходит так, как сказал Лукашенко.

Отстоять суверенитет Беларуси можно только тогда, когда власть и народ Беларуси будут патриотичными. Беларусы очень патриотичны, но слово «патриотизм» в Беларуси понимается в смысле методичек по военно-патриотическому воспитанию. Семантическое поле этого понятия включает в себя память о Великой Отечественной войне и о том отечестве, которое дало название этой войне. Пока не начнут в Беларуси «исправлять имена», беларусы будут патриотами Советского Союза, а Лукашенко его вторым президентом³⁹. Он таким себя чувствует, так начинают думать и другие. Человек есть мера всех вещей, существующих в том, что они существуют, несуществующих в том, что они не существуют. Люди могут мыслить абстрактно, но деятельность мышления конкретна. А власть есть проявление этой конкретики, которая может проявляться даже помимо воли абстрактно мыслящих людей, вопреки этой воле. Номинальная власть Кебича была в прошлом году не меньше, чем власть Лукашенко в этом. Но Кебич имел абстрактные представления о стране, поэтому все, что происходило в Беларуси, было обратным тому, что он приказывал. На поверхностный взгляд Лукашенко поступает как Кебич, но его власть реальна и конкретна. Приказы Кебича дисциплинированно исполняли люди, которые думали иначе, чем он, использовали другие имена вещей. Приказы Лукашенко исполняют люди, думающие так же, как президент, пользующиеся теми же словами для описания реальности, поэтому эти приказы реализуются, несмотря на их «глупость» с точки зрения оппозиции.

ВЫБОРЫ И ПЕРСОНАЛИИ

Разбор и описание персональных действий и вообще участия личностей в выборах и в политической деятельности является самым распространенным литературным жанром, но содержательность таких опусов всегда оставляет желать лучшего. Есть несколько форм, в которых эта тема может стать содержательной. Эти темы имеют устоявшиеся культурные формулировки, например линия «Сравнительных жизнеописаний», тянущаяся от Плутарха и трансформировавшаяся в XX веке в социально-психологические портреты политических деятелей, которым с легкой руки Кречмера часто придают патопсихологический статус анамнеза. С подачи Плеханова другая линия называется «О роли личности в истории». Третья линия исследования персонального в политике задавалась мною в эссе «Беларусь: вопреки очевидности» в журнале «Культурная политика», а корнями своими она восходит к подходу Макиавелли и оформлена Лефевром в теорию рефлексивных игр в книге «Конфликтующие структуры».

³⁹ Имеется в виду вожденная мечта о восстановлении СССР во главе с Лукашенко, вторым после Горбачева его президентом (2006).

Полноценная работа с таким аспектом системы современной демократии, как «выборы и персоналии», была бы возможна при наличии материала, накопленного по всем трем названным линиям. Сейчас такого материала явно недостаточно, поэтому мы сконцентрируем свое внимание на тех вопросах, которые могут быть подняты при наличном материале и на проблемах, т. е. на знании о том, чего не знаем, но что необходимо знать.

Метод сравнительных жизнеописаний, или социально-психологических портретов политических лидеров, исходит из априорного предположения, что личность есть, что персональные действия имеют в истории какое-то значение и что это значение очевидно связано с характеристиками личности. Существует несколько психологических портретов Сталина, Гитлера и других деятелей XX века. Многие явления в жизни СССР и Германии объясняются для массового сознания через характеристики этих людей. Через соответствие патохарактеристик этих злых гениев умонастроениям своих народов и своего времени исследуется массовое сознание. Наверное, через несколько лет появятся психологические портреты Александра Лукашенко. Хотя уже сегодня можно представить себе основные версии таких портретов. Мания величия в сочетании с манией преследования, комплекс неполноценности, проявляющийся в истерическом желании заполнять собой все темы в СМИ, отметиться перед каждой социальной группой, до которой доходит воображение, во взаимоисключающих друг друга именах «старший брат» для России и «батяка» для себя, в гипертрофированной страсти к президентской атрибутике: охрана, эскорт, употребление существительных третьего лица там, где нормальные люди употребляют местоимения первого лица, «приватизация» наследства первых секретарей ЦК КПБ и многое другое. Очевидные акцентуации характера Лукашенко в сочетании с особыми условиями, в которые с неизбежностью попадает президент страны, дадут авторам таких портретов возможность трактовать личность первого президента Беларуси как психопатическую. Но какова ценность этого материала для анализа состояния демократических процессов в стране? «Сравнительные жизнеописания»: Лукашенко и Кебич, Лукашенко и Шушкевич (Пазыняк, Ельцин, Гамсахурдия, Караджич, Пиночет и т. д.) могут создать видимость анализа и правдоподобности выводов, но ничего не объясняют, поэтому к таким портретам можно относиться только как к материалу.

Несколько содержательнее рассмотрение линии «О роли личности в истории». Такая постановка вопроса исходит из проблемы включения идеи субъективности, фактора свободы воли в картину объективного описания исторических процессов. Идея прогресса, выводимая из гегельянской философии истории или гельвецианской детерминистской онтологии, предполагает, что история имеет конечную цель или определенное познаваемое будущее, рассчитываемое по жестким связкам причин и следствий, т. е. будущее может быть предсказано так же, как предсказывается погода, когда известны действующие факторы. В так понимаемой истории нет места индивидуальной воле, нет места персональным действиям, поскольку действия людей подчиняются объективным закономерностям. Исторических материалистов, Плехано-

ва например, их собственная концепция истории приводит в тупик, как только они сталкиваются с проявлением свободной воли личностей, которые, по их представлениям, ведут себя не так, как им предписано «объективным историческим процессом». Изначальная противоречивость исторического материализма в отношении свободы воли и проявлений персональности не делает бессмысленной саму постановку вопроса о роли личности в истории, поскольку в истории сосуществуют разные уклады и ситуации. Существуют (можно, по крайней мере, себе такое представить) такие ситуации и уклады, в которых роль личности минимальна. С евроцентристской точки зрения многие традиционные культуры не имеют института личности, каждый человек в таких культурах действует и поступает так, как ему предписано ролевым и социальным статусом. Личностный фактор там проявляется только на исторических разломах, в ситуациях культурных катастроф и кризисов. Так Петр I проявил свою индивидуальность на переломе российской истории, а все его предшественники из династии Романовых были марионетками в игре политических сил. По отношению к таким переломным периодам истории и обсуждается роль личности, и всегда это «роль» либо в героическом эпосе, либо в трагедии. Невозможно представить себе карьеру Лукашенко за пять лет от директора совхоза до президента в Советском Союзе. Такое становится возможным только потому, что «неладно что-то в Датском королевстве». Бытовая мелодрама с нудным сюжетом, которая сейчас разыгрывается на политической сцене, может легко стать трагедией. Лукашенко-президент — это диагноз стране и белорусскому обществу. В этом состоит роль его личности в истории Беларуси. Кто способен увидеть другое — пусть об этом напишет.

Третья линия анализа персонального в политике представляет собой разбор игр, в которые играют люди. Этим, собственно, я и занимаюсь в настоящей работе, а также все полтора года в Беларуси. Отдельные «репортажи с игр» составляют около трех десятков статей за это время в белорусской печати, с этой целью закладывалась репортажно-аналитическая идея в телепередачу «Проспект», совершались другие действия. В тексте «Беларусь: вопреки очевидности» в общих чертах обозначен мой подход к игре, а во 2-5 Аналитиках прошлого года анализировались отдельные игровые ходы кандидатов в президенты Беларуси. Выход на другой уровень анализа игр затруднен недостатком материала и отсутствием «профессиональных игроков». С Зеноном Пазыняком я попробовал сыграть самостоятельно, некоторые игроки «выбыли из игры», но основной разбор еще впереди. Пока ограничимся только краткими комментариями.

ГОФМАНОВСКИЙ ПЕРСОНАЖ В КАФКИАНСКОЙ СИТУАЦИИ

Что бы ни произошло с Беларусью в будущем, имя первого президента останется в истории навсегда. То, что история будет хранить в своих аналах о нем, формируется сегодня. «Беларусь! Ты сошла с ума», — воскликнул Александр Потупа, когда проиграл его протезе на президентских выборах. Если бы это сказал не сторонник Кебича, возможно, и я подписался бы под этими сло-

вами, хотя и тогда, и теперь думаю, что избиратели в 1994 году были в здравом уме, но под сильным влиянием аффекта. Юристы знают, что аффект необходимо учитывать в анализе действий, но его присутствие не дает оснований сомневаться во вменяемости субъекта действия. Кебича избиратели отвергли рационально, а Лукашенко выбирали эмоционально. Почему? Да потому, «что при всем богатстве выбора альтернативы нет».

Когда разум (логичный и дискурсивный) не имеет необходимого и достаточного материала для собственной работы, он уступает место сознанию (синкретичному и аналоговому). Когда целое не поддается анализу, сознание вынуждено работать с ним как с нерасчленимым целым, с тем, что немецкие психологи называли гештальтом (Gestalt). Гештальт-техники сознания описываются законами фигурно-фоновых отношений. Серое пятно на сером фоне в восприятии контрастно подчеркивается, оно воспринимается как более темное или, наоборот, светлое, чем есть. Для феноменов зрительного восприятия эти закономерности изучены достаточно хорошо, но то же самое проявляется в любой другой феноменальности. Герой Алексея Дударева в «Пороге» — серая личность в серых обстоятельствах, он привлекает к себе пристальное внимание именно как фигура на фоне. Популярность пьесы Дударева усиливалась еще и серым культурным фоном застойных лет, когда «Порог» обошел многие театры Союза. Мне довелось увидеть, как Георгий Товстоногов в ленинградском БДТ умело воспользовался этим обстоятельством. Когда БДТ в очередной раз остался без звезды (плеяду которых театр «вырастил» для Москвы, начиная со Смоктуновского, в тот раз это был, кажется, Олег Борисов), Товстоногов пригласил из Киева Валерия Ивченко. Необходимо было представить питерским театрам нового актера как достойную замену. Товстоногов дал Ивченко главную роль в «Пороге», критически настроенная публика всматривалась в актера. Спектакль выделялся на сером фоне культурной жизни, пьеса — на фоне репертуара, герой пьесы — на фоне серых обстоятельств, мастерски выписанных Дударевым, Ивченко — на фоне героя. Питерский бомонд остался доволен, новая звезда состоялась. Товстоногов вместе с Дударевым и Ивченко проделали все это искусственно, подчеркивая таланты талантами. С Лукашенко все то же самое случилось естественно и без таланта. Серая личность на сером фоне, но Лукашенко не актер, он герой этого спектакля.

Сейчас многие заняты поисками у Александра Лукашенко харизмы, политической интуиции, таланта демагога, некоторые даже находят. Но это самообман, эффекты фигурно-фоновых отношений. Президент находится у всех на виду, все его пристально рассматривают, но видят не то, что есть, а то, что привносится как артефакты деятельностью сознания тех, кто смотрит. Власть изначально гипнотична. Человек под гипнозом может увидеть на чистом листе все, что ему внушат. Ослепительных красавиц на сцене и на экране часто играют обычные женщины, не нужно мастерство гримеров, сценаристов, режиссеров и сценаристов принимать за свойства того, на ком это мастерство реализовано. Харизму и демагогический талант Лукашенко

придумал Александр Федута, он выдал комплексы своего интеллигентского сознания за характеристики персонажа. Эрудированный и начитанный Федута забыл, наверное, историю Гофмана про крошку Цахеса по прозвищу Цинобер. Там это все уже описано. Сам Лукашенко — типичный крошка Цахес. Все демоническое, харизматическое в нем — это болезненные комплексы, фобии и деформации сознания белорусской интеллигенции.

Крошка Цахес, голый король — вот сценарии, которые помимо своей воли разыгрывает Лукашенко. Эти сценарии трагикомичны. Рано или поздно крошка Цахес снова станет уродливым карликом, а «надутый» король окажется один на один перед хохочущей толпой. Я не могу знать, кто тот мальчик, который первым скажет правду, и где он. Я не могу знать, как окончится это наваждение, по Гофману или по Андерсену. Для Лукашенко это практически все равно, оба исхода ужасны, но для Беларуси и ее перспектив это важно. Эпоха романтизма, в которой жили Андерсен и Гофман, любила крайности от мрачной готической безысходности до светлого сказочного оптимизма. Через век наступило время Франца Кафки. Когда Лукашенко снова станет карликом, разрушится ли кафкианский замок в Беларуси?

ПАН ЗЕНОН, ИЛИ ПОСЛЕДНИЙ НАЕЗД НА ЛИТВЕ

Шляхетские безобразия, погубившие Великое княжество Литовское, на удивление подходящая архетипическая модель для понимания игр, разворачивающихся в демократическом движении Беларуси. Амбиции и шляхетский гонор Радзивилов, Сапег, Косаковских настолько исказили прагматику элиты ВКЛ, что они продолжали свои мелкие склоки в ситуации полного развала страны, после которого их передушили их же руками. Зенон Пазыняк — истинный литвин. Пламенные речи о любви к Беларуси, жесты самопожертвования и мелкие разборки, в которых он полностью увяз, — все это так похоже на поведение литоских магнатов и шляхты в XVIII—XIX веках.

Еще в прошлом году мне казалось, что Пазыняк — единственный в этой стране, кто разыгрывает современную игру, что исторические архетипы используются им сознательно, как запланированные ходы. Но теперь становится понятно, что Пазыняк гонится в романтические персонажи Мицкевича и что он так же далек от трезвой реалистичной оценки современной ситуации в Беларуси, как и предыдущий персонаж. Как самодовольный магнат мог увести свой отряд из армии перед решающим сражением потому, что полководец на него косо посмотрел или усомнился в древности его фамилии, так и Пазыняк способен испортить отношения со всеми союзниками по демократическому движению из-за вопросов, которые «яйца выеденного не стоят» перед лицом насущных задач.

Феодально-сословные предрассудки ВКЛ отдавали судьбу страны в руки чванливых бездарностей, которые имели «право» по признаку рождения. Фадею Костюшко невозможно было пробиться через магнатский заслон, пока магнаты были в силе. Когда они свою силу растратили во взаимных «наяздах» и интригах, было уже поздно. Сейчас Пазыняк выполняет роль «со-

баки на сене». Он находится в единственной позиции, из которой возможна консолидация сил для противодействия эскалации хаоса и энтропии. Не справляясь сам с решением этой задачи, он препятствует перенятию этой функции кем бы то ни было другим.

Роль личности Костюшко в эпоху разделов Великого княжеств Литовского могла бы быть аналогичной роли Минина и Пожарского в Смутное время Великого княжества Московского, но все вышло по-другому. Для Минина и Пожарского слабость княжеско-боярской московской элиты сыграла свою положительную роль, для Костюшко сила литовских магнатов — отрицательную. Фигура Пазьняка крайне интересна в этой схеме. Что в Беларуси можно сделать, пока он силен? Чем отвлечь «собаку от сена»?

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ МАССОВКА

Два персонажа, которых я охарактеризовал, мало интересны и невыразительны сами по себе, если бы не находились на тех местах, на которых находятся. В этих случаях справедлива инверсия известной поговорки: не человек красит место, а место красит человека. И Лукашенко, и Пазьняку «подфартило» оказаться в тех местах, которые были созданы для появления в них тех самых личностей, без которых история не может двигаться. Свято место пусто не бывает, если уж места созданы, то кто-нибудь их непременно займет. Заполнение этих мест в Беларуси крайне неудачно, поэтому история здесь не движется, время остановилось. Но были ли другие варианты?

Когда категория личности оказывается на принципиальной позиции в решении какой-либо проблемы, то феноменальность личности сама становится проблематичной. По Минску впору пускать Диогена с фонарем для поисков человека. При внимательном рассмотрении Беларусь выглядит удивительно безлюдной страной.

Уже сказанного про Лукашенко достаточно для того, чтобы понять, что выбор избирателей в 1994 году остановился на нем потому, что у него не было достойных конкурентов. Василия Новикова и Дубко⁴⁰ можно вообще исключить из анализа, возможно, они хорошие люди, но для занятия политической этого маловато. Об остальных сказать можно тоже немного.

Станислав Шушкевич. Массовые процессы в эпохи перемен втягивают людей в водоворот событий, и люди иногда оказываются в совершенно неожиданных местах. Кто-то из публицистов уже употреблял выражение «жертва перестройки», так это про Шушкевича. Вынесенный из болота академической жизни на вершину власти, Шушкевич не имел ничего, чтобы этой властью воспользоваться. Весь пафос его предвыборной агитации сво-

⁴⁰ Можно напомнить весь список кандидатов в президенты 1994 года: Председатель колхоза А. Дубко, премьер-министр В. Кебич, председатель колхоза, депутат А. Лукашенко, научный сотрудник, коммунист В. Новиков, лидер БНФ, депутат З. Позняк, профессор, экс-глава государства, депутат С. Шушкевич. Мэр Молодечно, профессор, футбольный судья, лидер Партии народного согласия, депутат Г. Карпенко не был зарегистрирован из-за того, что ЦИК забраковал часть собранных подписей граждан (2006).

дился к рассказам о том, что он ничего не мог сделать. Он постоянно сравнивал себя с председателями президиумов Верховного Совета БССР, которые были марионетками первых секретарей ЦК. Но в его время все уже было по-другому. Меня не занимает вопрос о том, много или мало власти было у исполняющего обязанности главы белорусского государства. Она у него была, а он ею не пользовался. Шушкевич не знал, как и на что ее употребить. Вся биография политика Станислава Шушкевича — это история о том, кто и как его обманывал и манипулировал им. Апофеозом его карьеры можно считать аферу, жертвой которой стал он и две поддерживавшие его партии во время президентских выборов⁴¹. Но этот сюжет достоин скорее уголовного дела, чем исследовательского интереса.

Геннадий Карпенко⁴². Что этот человек делает в политике, не знает никто. Хороший парень, которого приглашают на светские рауты и банальные выпивки. Его высказывания о политике, реформах и стране не содержат ничего интересного для заполнения рабочих пауз в институтских лабораториях. Гайдара в Москве дразнят «завлабом», а Карпенко и в самом деле завлаб, или завгор Молодечно, стал бы завгосом Беларуси с тем же успехом. Создается впечатление, что движущие мотивы Карпенко определяются исчерпанностью академической карьеры и «образцом для подражания» в лице коллеги по профессорскому цеху, Шушкевича. Если он может, то чем я хуже.

Узок круг «магнатов» белорусской политики, и слишком близки они по своему менталитету к коллективному бессознательному типичного советского человека. Мои суждения о персоналиях могут показаться злыми, но иначе нельзя. В мае прошлого года у меня состоялся показательный разговор с Александром Федутой, работавшем тогда с полной отдачей на кандидата в президенты. Речь зашла о задачах, которые я сформулировал как стоящие перед страной и которые придется решать первому президенту Беларуси. Федута не согласился со мной в оценке возможностей его протеже решать эти задачи. В частности, он заявил, что никто лучше Лукашенко не справится с задачей десоветизации. На мое сомнение: «ведь он же красный», Федута ответил, что политик говорит одно, а делать будет другое. В общем виде это правильно, но когда речь заходит о персоналиях в политике, нужно быть точнее и корректнее. Это я был не прав в своей робкой формулировке: «Лукашенко — красный». Вещи нужно было называть своими именами: Лукашенко — беспринципный демагог. Если бы Федута так

⁴¹ На самом деле было несколько таких афер. Например, показанный по БТ сюжет о передаче неким офицером спецслужб денег А. Добровольскому для кампании Шушкевича. Или то, как Г. Щербинин с группой борисовских комсомольцев распорядились бюджетом доверчивого Шушкевича и наивных партийных лидеров. О. Трусова и А. Добровольского (2006).

⁴² Следует признать, что после 1994—95 годов Геннадий Карпенко (1949-1999) существенно изменился. Потеряв должности и карманную партию, расставшись с номенклатурным наследием, он постепенно становился политиком национального масштаба. Это был один из немногих политических лидеров, сохранивших способность учиться и меняться (2006).

относился к личности в нужный момент, возможно, ему не пришлось бы брать на себя грехи президента. А может быть, чем черт не шутит, у нас был бы другой президент. Ведь не один Федута «заблуждался в свою пользу» в 1994 году, но и Мойсеня, Булахов, Гончар, Лебедько. А Добровольский и Трусов «заблуждались в свою пользу» относительно Шушкевича, Потупа⁴³ — Кебича и т. д. Природа всех этих заблуждений в том, что персоналии и личности мыслятся абстрактно, но их нужно мыслить только конкретно. А это значит нужно называть вещи своими именами: пустозвона — пустозвоном, а не дипломатом, вора — вором, халявщика — халявщиком.

Я не стану перебирать другие персоналии, тот же Александр Федута, Валерий Карбалевич, Роман Яковлевский и другие делают это более профессионально. Вопрос здесь может стоять о корректности разбора персонального фактора. Соблюдение этикета, конечно, необходимо, но кто посчитает, во что обошлись Беларуси такие «стихийные бедствия», как годы безвременья и бездействия под «кіраваннем» Шушкевича, Кебича и Лукашенко. Сейчас персональный фактор очень важен, от него многое зависит, поскольку только на личности можно собрать воедино волю к реформированию и знание того, как реформы делать.

В старой американской кинохронике есть сюжет, в котором леди в купальниках пытаются протиснуться через трафарет, вырезанный по, якобы, идеальной женской фигуре, этакий попкультурный вариант хрустального башмачка Золушки. Если воспользоваться этой метафорой, то в качестве трафарета (хрустального башмачка) для поиска персоналий, необходимых для решения актуальных задач в Беларуси, можно использовать Бальцеровича, Клауса, Гайдара. По ним необходимо проверять личности и персоналии для белорусской политики. Пока белорусские деятели выступают фоном для сравнений друг с другом, получают глупости. Как в «сказках» от Федуты: Шушкевич адекватнее Дементя, Гриб — меньшее зло, чем Шушкевич, сам Дементей⁴⁴ добрейшей души человек и так далее, а о том, что они делают или чего не делают, уже забыто. В Беларуси огромное количество «хороших» людей дружно творят зло. Все это зло остается безнаказанным, оно даже не квалифицируется как зло, потому что «люди все хорошие».

На весенних выборах кандидатами в депутаты выдвигались по принципу: чем я хуже других? Стандартный аргумент состоял в том, что половина депутатов старого состава ВС — дураки, поэтому господину (*спадару альбо таварышу*) N там — самое место. Увы, это не преувеличение. Термин «дурак» — слишком мягкое выражение для людей, которые сразу после незаконного избияния своих коллег, пользующихся депутатской неприкосновенностью,

⁴³ А. Потупа — профессор, предприниматель, издатель, в 1994 году работал в предвыборном штабе В. Кебича.

⁴⁴ Н. Дементей, С. Шушкевич, М. Гриб — первый, второй и третий председатели Верховного Совета 12 созыва, сначала последнего парламента БССР, затем первого парламента РБ (2006).

после вопиющего нарушения Конституции, принятой ими только год назад, сели выпивать на глазах у всей страны с человеком, который это все сделал⁴⁵.

ВЫБОРЫ И МАСС-МЕДИА

Известна притча о соцреализме. Хромой, сухорукий и кривой на один глаз король заказал художнику свой портрет.

Художник, испытывая почтение к своей модели и зная характер монархов, нарисовал короля не таким, какой он есть, а таким, каким он должен быть, исходя из идеализированных представлений: «орлом» о двух здоровых руках и ногах, с пронизательным взглядом. Король счел портрет искажением реальности и казнил художника. Так родился и умер романтизм в искусстве.

Второй приглашенный художник учел судьбу предшественника и нарисовал короля инвалидом. Монаршья благодарность была аналогичной, художника казнили за фотографическое изображение реальности. Так родился и умер критический реализм.

Столь печальные судьбы коллег пробудили творческий потенциал третьего художника, и он сохранил свою жизнь, нарисовав короля в профиль со стороны здорового глаза и руки, верхом на коне, круп которого скрывает протез ноги. Так родился и поныне здравствует социалистический реализм.

Однобокая полуправда является отличительным признаком всего социалистического, а не только направления в искусстве. Беларусские масс-медиа унаследовали все социалистические и советские особенности. Они редко врут, но никогда не говорят правду. Ложь и правда не могут располагаться как полюса на одной шкале, между ними нельзя установить отношения больше-меньше. «Больше правды!» — ложный лозунг и тогда, когда он не выполняется, и тогда, когда выполняется. Дозировка правды убивает правду, порция правды есть ложь. Не бывает «второй свежести», не бывает дозировки правды. Есть дозировка вранья. Когда я привожу подобные рассуждения, «здравомыслящие» говорят, что это схоластика, а «образованные» — что я нарушаю логику. Хотя с абстрактным утверждением и те, и другие готовы согласиться. При переходе к конкретике вытаскивается формально-логическая оппозиция «правда — ложь», понимаемая как антонимическая пара, когда все справедливое по отношению к одной части автоматически признается справедливым и по отношению ко второй. Но это ошибка «полуобразованности». Например, четыре стороны света не равноправны. Нечто относительно чего-то может находиться как на севере, так и на западе. Но про се-

⁴⁵ Речь идет о сюжете БТ, где председатель Верховного Совета М. Гриб был показан на банкете вместе с Лукашенко в день избития депутатов, что свидетельствовало об исчерпанности конфликта (2006).

вер можно сказать, что нечто к нему ближе или дальше, а вот про запад такого сказать нельзя. Потому что пара «север — юг» описывается дугой, имеющей два конца, а пара «восток — запад» описывается противоположными направлениями движения по бесконечной окружности. Так и члены пары «правда — ложь» неравноправны. То, что справедливо в формальных (логических или грамматических) описаниях правды, несправедливо применительно ко лжи, и наоборот. Лжи может быть много или мало, больше или меньше, но сколь бы мало ни было лжи, в правду она превратиться не может. Нельзя плавно перейти от лжи к правде.

Все сказанное нужно мне только как подготовка простого и банального тезиса: все белорусские масс-медиа лживы. Чтобы этого не понимать, нужно или не думать об этом вообще, или иметь соответствующую установку на непонимание. Этот тезис не допускает исключений, но составляет проблему. Проблема заключается в том, что высказанный тезис представляет собой логический тупик и нарушает принцип презумпции невиновности.

Любое обвинение (в том числе обвинение в лживости) должно строиться по факту (по факту лжи), любое обвинение должно быть обосновано и доказано обвинителем, но не обвиняемым. Поэтому если рассматривать сформулированный мною тезис в юридических рамках, то он весьма плох, я не могу доказать его на фактах при наличии огромного фактического материала. Олег Груздилович⁴⁶ или любой журналист, имея желание, может привести ряд доказательств, достаточных для обвинения любой газеты или иного средства массовой информации, но никто с фактами в руках не может доказать тезис целиком. Доказанный факт лжи или полуправды в одной газете или телепередаче ничего не доказывает относительно другой газеты, замеченная в одном номере газеты ложь не может распространяться на все остальные номера этой газеты, лживая публикация в номере не исключает того, что все остальные материалы номера правдивы. Понимая все это, я, тем не менее, не отказываюсь от высказанного тезиса, я его даже могу усугубить. Попытка доказательства лживости отдельной публикации или отдельного издания является косвенным признанием того, что другие издания и публикации правдивы. На вопрос Ивана Бездомного после критики Мастером его стихов: «А какие из моих стихов вы читали?» — Мастер ответил: «Никаких». — Так как же вы можете судить? — Что ж я, других не читал?»

Исследовательские приличия требуют фактических доказательств, так же как и расследовательские или юридические. Но я не вижу в этом необходимости. Т. е. любому желающему я могу привести массу примеров, но они не имеют цены. Ценность составляет другое — установка (инсталлированность) на правду или на ложь.

Белорусская пресса инсталлирована соцреалистически на показ одной стороны правды, а поэтому не может быть правдивой. Еще Ленин произвел

⁴⁶ О. Груздилович — в те годы журналист газеты «Свабода». И он, и его газета в середине 90-х годов еще могли выигрывать суды (2006).

эту инсталляцию, введя принцип партийности всей литературы, прессы в первую очередь. Принцип партийности логичен и органичен соцреализму, он расшифровывается как однобокость. Я не обвиняю белорусские масс-медиа во лжи, я отвергаю ленинский принцип партийности, которым они все руководствуются. Пока работает этот принцип, масс-медиа не могут быть правдивыми.

Сторонники справедливости и *памяркоўнасці*, возражая мне, могут сослаться на примеры закрывавшихся газет («БДГ», «Свабода» и др.), на демарш с «белыми пятнами», на радиостанцию «Беларусская маладзёжная» и телепередачу «Проспект». Но эти примеры, свидетельствующие о наличии в стране цензуры, говорят только в пользу моего тезиса. Пока в стране есть цензура, в ней нет непартийной прессы. Цензура онтологически исключает правду. При наличии цензуры термин «независимая пресса» становится эвфемизмом. Лживость этого термина применительно к нашей ситуации наиболее наглядно выражается в показательном названии одной «независимой» газеты — «Газета Андрея Климова». Разумеется, что газета, финансируемая из частного источника, имеет больше шансов быть независимой, чем государственная (государственная газета — это уже само за себя говорит), ну, а если тот, кто дает деньги на эту газету, сам балотируется в парламент? Допустит ли Андрей Климов в своей газете критику самого себя? Возможно, что он очень хороший человек, и нет никаких (?) поводов для его критики, всякое слово против него есть ложь, но если эту ложь нельзя опубликовать в его газете, она уже не независима. Государственная газета — государственная цензура, частная газета — частная цензура. Государственная цензура — тотальная, частная цензура — частная. Государственная цензура есть зло абсолютное, а частная цензура есть зло локальное и неизбежное. Частная газета (партийная) не может быть абсолютно независимой и объективной, но противоположные друг другу партийности и частности могут обеспечить объективность информационной среды.

Цензура может вылавливать в СМИ ложь, может иногда снизить уровень лжи, но никогда не способна обеспечить правду. Государственная цензура и вообще государственные средства массовой информации должны быть устранены. Только в этом случае можно будет говорить о том, есть ли в стране правдивые масс-медиа. Само по себе устранение цензуры не гарантирует правды, но ее наличие гарантирует отсутствие правды. Отношения между правдой и ложью неравноправны. Правда есть идеальная ценность, поэтому и пути к ней необходимо прорабатывать на идеальных объектах, в логике.

Я, как и любой другой человек, не могу претендовать на исключительную правдивость. Я могу заблуждаться и ошибаться, могу в силу предвзятости, основанной на собственных ценностных установках, неправильно воспринимать информацию, поэтому не имею оснований рассматривать себя как меру правдивости. Но я могу поставить себя в экспериментальную ситуацию, каковой и была для меня предвыборная кампания. В этой

экспериментальной ситуации обнаруживается парадоксальность неравноправия правды и лжи. Эта парадоксальность может быть сформулирована по-разному. Например: в апреле 1995 года в Кобрине на семинаре для кадрового резерва я изложил признаки фашизма и показал, что белорусский режим полностью подходит по этим признакам под такую квалификацию⁴⁷. Присутствовавший на семинаре известный московский методолог сформулировал свое возражение одним тезисом: если ты это можешь открыто говорить, то все, что ты говоришь, неправда. Получается почти античная апория. Критянин говорит, что все критяне лжецы. Он врет, поскольку критянин, а значит — критяне не лжецы, но если это так, то он не врет, тогда все критяне действительно лжецы. Если в Беларуси фашизм, то всякая критика его невозможна, но если несколько газет пишут об этом постоянно, то фашизма нет. Так и живем. В формальной логике этот парадокс неразрешим. Но в феноменологии члены парадоксального суждения спокойно существуют.

Соцреалистическое изображение белорусского режима подается читателям всех массовых газет, зрителям телевидения, слушателям радио со «здоровой» стороны, а «изнанку» видят только читатели 4-5 газет. Общее число читателей этих газет не превышает 20 000 человек. У меня не существует проблем с публикацией своих статей. Более трех десятков публикаций за год, с острой критикой и резкими суждениями увидели свет, но прочли их те, кто и так знает почти все, о чем я пишу. Тоталитарные формы общественной жизни эволюционировали за многие десятилетия своего существования, сейчас они располагают «клапанами для спуска пара» в виде «независимых» изданий, мимикрируют под демократию, дозируют свободу. Становится ли свободным узник, если ему удлиняют цепь, которой он прикован?

Отдельного разговора заслуживает телевидение, которое в Беларуси президентом и Конституционным судом рассматривается не как средство информации и коммуникации, а как «орган государственного управления». Наверное, с армейских времен своей карьеры Лукашенко помнит о селекторной связи в полку, так и телевидение считает аналогом «селекторной связи президента с народом». Начальник телевидения Григорий Кисель⁴⁸, приступая к исполнению своих обязанностей, собрал представителей частных агентств и телекомпаний и попытался провести производственную планерку. Когда ему сказали, что собравшиеся люди уже привыкли жить и работать

⁴⁷ См. В. Мацкевич «Апрельский катехизис» // <http://worvik.com/thinkbel/april.htm>. Речь идет об О.И.Генисаретском. Впоследствии это возражение повторяли очень и очень многие. Но одно дело — наблюдать зарождающийся фашистский режим в самом его начале и отрицать теоретические аргументы, и другое дело — наблюдать фашизм в его расцвете и отрицать очевидное (2006).

⁴⁸ Г. Кисель в 1994-2000 председатель Национальной телерадиокомпании — монополиста в телеэфире. С 2002 года возглавляет ОНТ — второй национальный канал (2006).

по-другому, что он не начальник «маленьких» телекомпаний, что частные агентства конкурируют друг с другом, а не являются звеньями производственной технологии, у «бедного провинциального репортера» Киселя «крыша поехала». Стиль, жанр и манера вести дискуссию в столице его шокировали, но это, по крайней мере, он понял, а содержание и смысл выступлений были для него запредельными. Приходится ли удивляться при таком руководителе, что белорусское телевидение зрители не смотрят. По рейтингу программа БТ идет на третьем месте после ОРТ и РТВ. Кроме того, в Минске есть еще НТВ, в Гродно — 5 канал и польское ТВ, аналогичная ситуация и в других городах. Сфера влияния БТ очень незначительна. При частоте своего появления на экране (учитывая участие в самой популярной информационно-аналитической передаче) я мог бы рассчитывать на достаточную известность у зрителей, а не такую, как указано в третьем введении. Рейтинги рейтингами, но есть практические показатели эффективности СМИ. Опыт моего личного участия для меня выступает таким показателем, но уж совсем бесспорным является критерий цены эфирного времени. Дешевле, чем в Беларуси, реклама на ТВ стоит только в Албании⁴⁹.

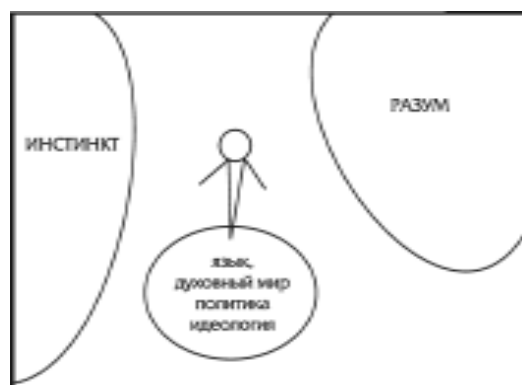
По сравнению с российскими программами белорусская выглядит хуже по всем параметрам. В смысле зрелищности и развлекательности БТ примитивно, в оперативности информации — отстает даже от газет, все новости жители Минска узнают из московских программ, даже белорусские. Комментарии и аналитика заменены выступлениями официальных лиц, как правило, некомпетентных, заинтересованных в сокрытии информации. Само существование белорусского телевидения есть нарушение прав человека, в первую очередь права на получение правдивой информации. С этической точки зрения БТ безнравственно, поскольку навязывает общественно-политическую позицию зрителям, создает в глазах самих белорусов имидж Беларуси как отсталой страны, где ничего не происходит и не может происходить.

Конкретные факты, имеющие отношение к нашей теме, хорошо всем известны (пасквиль «Дети лжи» Юрия Азаренка, почти по Кашпировскому построенные сеансы гипноза с «установкой»: зачеркнуть «супраць» и т. д.), чтобы их описывать. Я пишу текст не для иностранцев, поэтому не привожу общеизвестных фактов. У меня в тексте много общеизвестных истин, говорить о них я не ленюсь, потому что не понимаю... Я не понимаю, почему из общеизвестных фактов люди не делают выводов, ведь эти выводы так просты, на уровне общеизвестных истин. Но все делается строго наоборот.

⁴⁹ Сейчас ситуация с телевидением существенно изменилась. В техническом отношении все современные телекомпании очень хорошо оснащены, вырос профессионализм технических специалистов. Белорусские телестудии контролируют весь телеэфир, вклиниваясь на частоты российских каналов. Но в коммерческом отношении белорусские телекомпании по-прежнему несамостоятельны и нежизнеспособны. Как СМИ их вообще трудно рассматривать, это инструмент государственной пропаганды (2006).

БЕЛАРУССКАЯ МЕЧТА

Фридрих фон Хайек помещает «расширенный порядок» организации общественной жизни между инстинктом и разумом. «Человек естественный не вписывается в расширенный порядок» — заявляет он. Природа (натура) человека протестует против правил искусственной организации общественного бытия, принятых в современном мире, называемом Хайеком «расширенным порядком». Если, по Цицерону, «привычка — вторая натура», то общественная борьба разворачивается между первой и второй природой (натурой) человека, между естественным человеком и человеком культурным. В человеческом сознании борются между собой естественные инстинкты, с одной стороны, и категории рассудка и разум, с другой. Перенос этой борьбы за пределы сознания не ограничивается только социальным миром, общественными отношениями, как полагают марксисты и социологи. Когда индивидуальное сознание становится тесным для борьбы разума и инстинкта, ареной состязаний становится действительность языка (см. «Наш отравленный язык» Хайека или новояз-ангсоц Дж. Оруэлла) или духовная сфера, но чаще всего, конечно, политика и идеология.

Отношения между инстинктом и разумом не сводятся только к борьбе. Вступает в силу классический гегелевский принцип единства и борьбы противоположностей. Хайек отказывается принимать однозначную позицию на какой-либо одной стороне — инстинкта или разума, как это делают Жан-Жак Руссо, Зигмунд Фрейд, рационалистические ригористы или леди викторианской эпохи. Тогда он оказывается перед проблемой: как соединить несоединимое? Близкий к Хайеку по взглядам и установкам Карл Поппер, описывающий «открытое общество», представления о котором во многом совпадают с хайековским «расширенным порядком», занимает более однозначную позицию, поэтому и книгу свою называет «Открытое общество и его враги». Хайек и Поппер разделяют критическую установку, которая мало пригодна

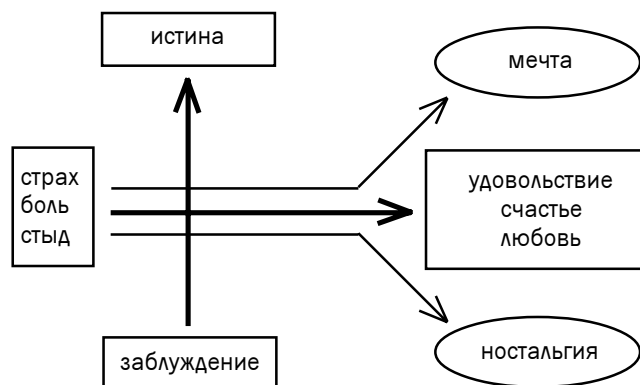

для работы с инстинктом. Критика отвергает инстинкт. Поэтому Поппер последовательнее Хайека, но Хайек тоньше и корректнее. Если он не собирается превращаться в своеобразного «бурданова осла» между инстинктом и разумом, то ему приходится решать более сложную задачу. Применительно к белорусским условиям задача Хайека весьма актуальна. Тем более что последователь Поппера Дж. Сорос и его деятельность убедительно показывают, что инстинктивные формы общественной жизни часто оказываются «сильнее» (живучее) разумных форм. Блат (это СПИД общественных организаций) разъедает созданные Соросом институции не только в Беларуси, но и в других странах с традиционалистским укладом.

В некотором смысле задачу Фридриха Августа фон Хайека можно сформулировать как поиск пути между Сциллой и Харибдой, между инстинктом и разумом, поиск того, что может выступать ориентиром на этом пути.

Неоднократно предпринимались попытки найти такие ориентиры в самих разуме и инстинкте. Понятно, что все эти попытки предпринимались исходя из примата разума. Ж-Ж. Руссо формулировал разумные основания для апологии инстинкта, то же самое делал Фрейд и многие другие. В семидесятые годы в СССР был большой интерес к концепции генетика Эфроимсона, изложенной в «Родословной альтруизма», где автор пытался найти генетические инстинктивные основания культурных ценностей. Инстинкт не способен таким же образом разбираться с разумом, у него нет для этого средств. Но это не мешает инстинкту определять поведение людей, так же как разум определяет их действия.

Регулятивами поведения и действий людей со стороны разума выступают ценности, выражаемые категориями истины, добра, красоты и справедливости, а со стороны инстинкта — мотивы и потребности, обозначаемые категориями гедонизма (стремление к удовольствию) и ressentiment (избегание неприятностей). В результате получается сложное пространство, задаваемое двумя измерениями: разумом и инстинктом. В этом пространстве можно векторами наметить результирующие пути людей: путь мечты и путь ностальгии. Проиллюстрируем это.

Горизонтальная ось изображает инстинкт и задает направление движения от неудовольствия (бегство от боли, страдания, страха, стыда и т. д.) к удовольствию (стремление к любви, счастью, здоровью и т. д.). Вертикальная ось изображает разум и задает направление движения от заблуждения и предрассудков к истине.

При очевидном упрощении такое изображение может выполнять функцию иллюстрации дальнейших рассуждений.

Я не стану выяснять этическую природу человека. Бесперспективность спекуляций о том, волк ли человек человеку или друг, товарищ и брат, давно понята, и писатели всех жанров вдоволь поиздевались на эту тему. Я согласен с высказыванием Хайека, что «множество добрых дел, совершаемых человеком в условиях расширенного порядка, совершается им вовсе не потому, что он добр от природы». Точно так же оставим в покое фольклорных и романтических злодеев. С этой стороны достаточно самохарактеристики гетевского персонажа: «я часть той силы, что вечно хочет зла, и вечно совершает благо». Примем как версию, что люди обычно устремлены к добру, чистому и светлому, и удовлетворимся этим. Но будем помнить, однако, что «благими намерениями вымощена дорога в ад».

Важным аспектом иллюстрации является ортогональность осей. Ортогональность иллюстрирует идею того, что направление от заблуждения к истине безразлично к инстинктивно ощущаемому благу (счастью, удовольствию, любви). Например, истинно, что при достижении критической массы обогащенного урана начинается ядерная реакция. Однако управляемая реакция приносит людям удовлетворение инстинктивных потребностей (свет, тепло, энергию), а неуправляемая — ядерные взрывы.

Возникает резонный вопрос: как возможно зло при всеобщей устремленности к благу? «Хорошо» было в советские времена. Кто не с нами, тот — враг народа, злодей, агент мирового империализма. Такое отношение и сейчас в ходу, оно всегда будет, поскольку оно инстинктивно. Но апеллировать к нему — дурной тон, даже в предвыборной борьбе. Так как же возможно зло при всеобщем устремлении к добру? Не претендуя на «правильный» ответ, я выскажу тезис: существуют два вектора устремленности к добру. Один из них истинный, другой ложный. Читатель, у которого хватило терпения дочитать текст до этого места, непременно должен иронично усмехнуться. Автор, с упорством выдерживавший критическую установку, «устал» и позволил себе столь догматическое суждение. Не нужно торопиться. Разделение на истинный и ложный пути в данном случае чисто формальное, а поэтому вполне укладывается в критический подход. Квалификация истинности и ложности здесь не содержательная, а логическая или инструментальная.

Инструментальная функция логической истинности и ложности названных векторов состоит в структурировании прагматики суждений о будущем, прагматики проектирования (или прожектирования), прогностики и аналитики. В первом приближении мне достаточно грамматического смысла прагматики. В грамматике возможно повелительное наклонение во фразах типа:

вымой дождь, зажги звезды и т. д. То, что семантически (парадигматически или содержательно) эти фразы бессмысленны, не является принципиальным. На рисунке истинный вектор помечен именем «мечта», а ложный — именем «ностальгия». Формально эти категории различаются по типу мышления о будущем. В мечте мышление о будущем требует (в логическом смысле требования) прогнозного и проектного отношения, оценки реалистичности, а в ностальгии мышлению места практически нет. Ностальгия довольствуется эмоциональным отношением: пожеланием, тоской, заклинаниями. Дело не меняется даже тогда, когда ностальгия принимает квазиполитическую или квазиправовую форму, например требование денонсации Вискулевских соглашений, индексация вкладов и сбережений, референдум о символике, возврат учебников «до 90 года».

Различительная способность рассудка позволяет выделить множество рабочих категорий. Теперь у нас есть еще две — мечта и ностальгия. Но нам они нужны не сами по себе, а в их инструментальной функции. Инструментальность этих категорий в нашем контексте состоит в том, что они выступают интегральным критерием выбора искомого хайковского пути между инстинктом и разумом.

Предположим, что у нас есть два альтернативных предложения обустройства будущего: P1 и P2. Каждое из этих предложений имеет собственную парадигматическую и синтагматическую конструкцию. Нужно выбрать одно из них. Как это делается?

Есть два типических (не альтернативных, а пригодных для синтеза) варианта решения: профессиональный и демократический.

Профессиональный вариант. Предложения обустройства будущего берутся в форме суждения и подвергаются критике и анализу. Проводится экспертиза предложений на предмет определения нормосообразности (культурности), целесообразности, логичности, экономичности (обеспеченности ресурсами и рискованности прибыли) и т. д. Проводится анализ актуальной ситуации и выявляются актуальные проблемы. Затем результаты экспертизы и анализа ситуации рассматриваются вместе на предмет установления комплементарности их друг другу. Профессиональное решение в итоге состоит в том, что P1 реализуемо и соответствует требованиям ситуации и актуальным проблемам, а P2 — нет (или наоборот), или и P1, и P2 реализуемы, но P1 отвечает требованиям ситуации и решает проблемы, а P2 — нет (или наоборот).

Демократический вариант. Предложения обустройства будущего подаются в форме мнений, и избиратель соотносит каждое из мнений со своей мечтой о желаемом будущем или с эмоциональной памятью (ностальгией) о счастливом прошлом. Демократическое большинство принимает окончательное решение: будем следовать предложению P1 и отвергаем предложение P2 (или наоборот).

Как легко можно увидеть, оба варианта решения несамодостаточны. Профессиональный вариант решения никогда не является окончательным,

он носит экспертный рекомендательный характер. А демократический не располагает квалифицированными средствами оценки реалистичности и правильности решения. Поэтому оба варианта по отдельности несовершенны и неразумны. Эксперты и профессионалы должны иметь возможность проводить анализ и экспертизу, после чего могут убеждать демократическое большинство. Иначе их рекомендации и оценки останутся достоянием академической или профессиональной среды и никогда не будут реализованы. Демократическое большинство должно быть знакомо с профессиональной оценкой и должно иметь время на ее осмысление и обсуждение. Иначе решение демократического большинства будет поспешным и рискованным, чреватым ошибками и неприятностями.

Проходившие в Беларуси в мае 1995 года выборы и референдум характеризуются разорванностью этих вариантов выбора решений. Демократическое большинство было лишено возможности и времени ознакомиться с результатами профессионального анализа и экспертизы.

Отношение между демократической процедурой выборов и профессиональной деятельностью строится таким образом, что демократия выступает заказчиком на профессиональную проработку предложений обустройства будущего. Демократия дает возможность профессионалам выполнять свою работу, поскольку нуждается в ее результатах. Но стоп! Нуждается ли?

Нужда или потребность в критике, анализе и профессиональной экспертизе может быть, а может и отсутствовать. Это определяется тем, какой из векторов нашей схемы выбирается в качестве пути к будущему.

Предложение по обустройству будущего может эмоционально «греть» демократическое большинство, резонировать ностальгическим чувствам и переживаниям. Мечта требует активности, заставляет напрягаться и работать. Ностальгия удовлетворяется пассивным сопереживанием, сопровождается ленью и расслабленностью. «Я хочу, чтобы лето не кончалось. Я хочу колбасы за 3.20. Я хочу назад в прошлое. Мама, роди меня обратно». Экспертиза убивает желание, разрушает ностальгические переживания. Анализ сух и не эмоционален. Критика предполагает контроль над эмоциями.

Мечта и ностальгия — антагонисты. Они взаимоисключают друг друга, как активность и пассивность, как движение и покой, как работа и переживание, как счастье и страдание. Один из украинских политиков сформулировал эту антитезу очень лаконично и точно, хотя и ситуативно: «У того, кто не жалеет о распаде Союза, — нет сердца, у того, кто жаждет его реставрации, — нет головы». Ностальгия иррациональна. Люди всегда будут помнить свое детство и юность, будут ностальгировать по ним и бессознательно их приукрашивать. Людям свойственно переживать о потерянной родине, о когда-то пережитом счастье и т. д. Заниматься этим — дело поэтов и психоаналитиков. Мы же оставим ностальгию и обратимся к мечте.

Без мечты нет будущего. Мечта дает силу и энергию людям для обустройства будущего. Мечта двигала протестантскими пилигримами на «Мей флауэр» и Колумбом. Мечта усаживает ученых на годы в кабинетах и лабо-

раториях. Мечта дает людям энергию для выполнения самой тяжелой работы в самых безнадежных ситуациях и приводит к успеху. Есть ли беларусская мечта? В чем она состоит? В конечном итоге Беларусь завтра будет тем, о чем мечтают беларусы сегодня.

Для начала — несколько замечаний о том, как о месте можно рассуждать. Козьма Прутков издевался над «желанием быть гишпанцем». Герой фильма «Курьер», услышав о мечте приятеля о новом пальто, снял свое и отдал ему со словами: «Бери и мечтай о чем-нибудь достойном». Циолковским двигала мечта его учителя Федорова о воскрешении всех мертвых. В поисках «жизненного пространства» для воскресших Циолковский разрабатывал теорию космических полетов. Знаменитые сны Веры Павловны содержали мечту Чернышевского об алюминиевом рае. Как можно говорить о мечте?

Допустим, что мечта как процесс — это способность человека видеть (прозревать) горизонты идеального будущего. А мечта как результат — идеальный образ будущего. Тогда мечту можно описывать как хронотоп идеального мира, с одной стороны, и как содержание идеального в мышлении, с другой.

Временная составляющая хронотопа идеального мира определяется глубиной обозримого будущего. Заглядываем ли мы в будущее своих детей и внуков, во времена, когда нас не будет, или только в пределы собственной жизни? Думает ли Александр Лукашенко о том, что будут читать его внуки в учебниках истории о правлении первого президента Республики Беларусь, на каком языке и в какой стране? Будет ли он выведен на страницах учебников как национальный герой или как позор нации? Думает ли средний беларус о том, как будут жить его дети и внуки в Европе XXI века, или только о том, как дожить до пенсии? Разве не этим определяется оценка того, что люди делают сегодня? Топическая сторона хронотопа идеального мира определяет масштаб места, в которое проникает мечта. Видит ли средний беларус будущую Беларусь в Европе и в мире, или в будущем он видит только возделанные 6 соток своей дачи? Видит ли он зеленые пуши и голубые озера, где могут бродить его внуки, или только водопроводный кран с теплой водой, на оплату которой должно хватить его пенсии? Разве не этим определяется выбор проектов и предложений обустройства будущего, на которые тратятся налоги среднего беларуса?

То, как человек работает, над чем он работает, определяется содержанием идеального. В советские времена много издевались над концепцией общества потребления, но напрасно. Потребительская мечта — самый простой способ представления плана идеального в массовом сознании. Генри Форд и инженеры Фольксвагена мечтали об автомобиле для каждой американской и немецкой семьи. Их мечта передалась простым американцам и немцам, на эту мечту американцы и немцы работали, и работали соответственно. Могут ли так работать беларусы, мечтающие о льготных билетах на электричку до дачного поселка или о дешевом метро?

Деревенский парень из заводского общежития, мечтающий о бесплатной квартире в блочном доме, получает свою зарплату и ждет очереди. Он — оплот и опора коммунистов на выборах⁵⁰. Молодой предприимчивый человек, мечтающий привести невесту в собственный дом, уходит с завода и открывает собственное дело. Он может не интересоваться политикой и не быть ничьей опорой и оплотом, но он просто работает, а не ждет подачек от государства.

Вернемся к формальному допущению о двух предложениях об обустройстве будущего.

P1	P2
Независимость Беларуси	Реставрация СССР
Свобода для каждого жить, как он хочет	Гарантированный минимум всем
Свободное предпринимательство	Централизованное распределение
Рынок	Социализм
Частная собственность на землю	Госсобственность на землю
Закон и право для всех	Хорошее отношение властей к себе
Европейская открытость	Местечковая "самость"
Стандарты жизни XXI века	Уровень жизни 1980 года

Может быть, я не полностью охарактеризовал два разных предложения обустройства будущего, предлагавшихся в мае 1995 года белорусским избирателям. Но важно то, что предложения были сформулированы пакетом, нельзя вырвать один параметр из пакета и рассматривать отдельно. Демократическое большинство белорусов остановило свой выбор на варианте P2. Почему? А как же могло быть иначе?

Зачем человеку, мечтающему о бесплатном жилище, о новом пальто и зимних сапогах для жены, частная собственность на землю? За это может проголосовать только тот, кто мечтает о большой квартире для большой семьи в престижном районе Минска. Эта квартира будет дорого стоить, поэтому он голосует за свободное предпринимательство, чтобы иметь возможность много зарабатывать. Зачем человеку, чьи представления о будущем простираются дальше уик-енда в деревне у тещи с хорошей выпивкой, европейская открытость? Она нужна только тому, кто мечтает слушать лекции Жака Дерриды в Сорбоне, тому, кто мечтает услышать оперу в Ла Скала.

⁵⁰ Оплот и опора современного режима Лукашенко. Выражения «голосовать за коммунистов», «опора коммунистов на выборах» потеряли практический смысл, если под коммунистами мы имеем в виду партии (2006).

Содержательное многообразие мечты как идеального плана мышления необъятно, бессмысленно пытаться его описывать и фиксировать. Достаточно сказать, что содержанием мечты выступают идеалы того, «кем я хочу быть и что я хочу иметь». Великая Американская Мечта свойственна не только американцам, но всем тем, кто во всем мире стремится в Америку (как пилигримы и пионеры), где они видят возможность стать тем, кем хотят стать, иметь то, что хотят. По содержанию Великая Американская Мечта ничем не отличается от Великой Белорусской Мечты или любой другой. Великая Мечта — это то, что индивидуальный человек представляет об идеальном самом себе. Америка отличается от некоторых других стран тем, что там о Великой Мечте говорят вслух, никому не навязывают содержание Мечты, не ограничивают ее ни в пространстве, ни во времени, ни в формах воплощения. Говорить о Великой Мечте как о Белорусской можно только в том смысле, что существуют носители Великой Мечты, для которых Беларусь есть место ее воплощения, а воплощается она всегда в индивидуальном человеке, где бы он ни жил.

«Все это банально, — скажет кое-кто из читателей, дочитавших до этого места, — снова рассуждения о примитивности менталитета, о том, что белорусы не доросли». Не совсем так. Речь не о том, что кто-то до чего-то не дорос. Речь о выводах, которые необходимо сделать из всего сказанного.

Вывод первый. Предложения Р1 в Беларуси реально не было сделано⁵¹. Политические партии и силы, соперничавшие на майских выборах, соревновались в том, чтобы убедить избирателей, что именно они лучше справятся с реализацией предложения Р2. Поэтому носители Великой Белорусской Мечты проигнорировали майские выборы, у них не было альтернативы. В данном случае сказывается рациональная природа мечты, со свойственной рациональности критичностью. Уж если демократические партии и политики не могут самоорганизоваться, то как они смогут обустроить страну? Демократические политики и сами понимали шаткость своей позиции, поэтому осмеливались только оспаривать у левых инициативу в предложениях Р2. В белорусской политике некому представлять Великую Белорусскую Мечту.

Вывод второй. Мечта принадлежит индивидуальному сознанию, а в общественном сознании она представлена тем, что демонстрируется в качестве образцов для подражания и сравнения. Если в Беларуси и есть носители Великой Белорусской Мечты, то они так тщательно замаскированы, что их не видно и не слышно. В Америке гордятся своими достижениями, а в Беларуси их прячут. Американцы и европейцы с удовольствием демонстрируют свой успех, а в Беларуси принято хвалиться своей нищетой и убожеством. Американцы знают своих звезд, миллионеров, героев, дети

⁵¹ Речь идет о ситуации 1995 года, в последующие годы режим частично перехватил идеи Р1. Теперь уже Лукашенко является гарантом независимости, и с его экономической программой связывается достижение современных стандартов жизни. Особенно забавно было сравнивать агитки к референдуму 2004 года с программными идеями демократов начала 90-х годов (2006).

стремятся им подражать, взрослые используют их образцы как критерии оценки своего успеха. А в Беларуси? Кто-нибудь видел список белорусских миллионеров? Нет, никто из них не станет светиться, чтобы не давать повод да рэкету или службе контроля президента. Но без этого демократическое большинство и впредь будет говорить только о дешевой колбасе, а без Великой Мечты голосовать за репрессии против тех, кто успешнее других в реализации своей мечты.

В контексте Великой Белорусской Мечты лозунги «Великой Беларуси от моря до моря» (или «Великий Союз», как вариант) есть демагогия. Маленькая суверенная страна и сверхдержавы одинаково убоги в свете Великой Мечты, если в них человек лишен возможности стать тем, кем он хочет, иметь то, что он хочет. Они же одинаково велики, если предоставляют человеку возможности максимальной самореализации.

Разговоры о трудолюбии белорусов, их дружелюбии, терпимости и т. д. есть демагогия, поскольку в отсутствии в массовом сознании Великой Мечты нет критериев оценки трудолюбия. Американский фермер и немецкий рабочий, имеющие массу свободного времени, не сравнимы по критерию трудолюбия с бенгальским рисоводом, не разгибающим спины, или белорусским рабочим, вкладывающимся на заводе, а потом — на своих 6 сотках. Американец и немец работают столько, сколько требует их мечта, а бенгалец и белорус работают потому, что иначе не выжить.

Что препятствует появлению Великой Белорусской Мечты на экране массового сознания? Только две вещи — инстинкты и ностальгия.

Инстинкты: Страх, что отберут тот минимум, что удалось заработать. Зависть к тем, кто успешнее. Лень, сужающая горизонты идеального. Жадность, не позволяющая вкладывать в общее дело (проще дать взятку чиновнику, чтобы оставил в покое меня, чем финансировать соблюдение прав для всех). Коллективизм — с боязнью выделиться и ревностью к выделяющимся. Чувство мести к тем, кто якобы лишил простых советских людей «безоблачного будущего». Наивная вера в коммунистический «рай». Бессознательный перенос вины «с больной головы на здоровую».

Ностальгия: Тоска по простому и бездумному советскому «инфантилизму», когда все решали «сверху». Неизбыточное сожаление об утраченном и эмоциональное разукрашивание прошлого в «розовый цвет».

Инстинкты и ностальгия оформляются в идеологию коммунизма и национализма, а также в миссию интеллигенции.

Коммунизм культивирует зависть и инфантилизм. Коммунизм без рефлексии отвечает на вопросы: «Кто виноват?» и «Что делать?» Не важно, кто именно виноват сегодня. Важно, чтобы виновный постоянно находился. Буржуазия, империалисты, демократы, западные спецслужбы и т. д. Что делать? Всегда — делить. Не устраивает одна форма дележа, придумаем другую. Кого-то обидели в дележе? Переделим. Главное — не выпускать из рук право делить.

Национализм иногда солидарен с коммунизмом, только вместо пролетариата проявляет заботу об этносе. Коммунистический дележ был неспра-

ведливым – нужно все переделить в пользу белорусов. От коммунизма национализм отличается только одним. Коллективизм классовый он заменяет коллективизмом этническим. Белорусские националисты «мечтают» быть как русские. В их представлении белорусский народ такой же, как русский, но беда только в том, что они пытаются копировать негативные и мифические черты русских, а для подражания в достоинствах не хватает воли, энергии и ума. Подстановка вместо «русских» в националистическую формулу мнимости белорусского этноса «славян» сути дела не меняет. Фразеология может быть разной, а суть дела одна и та же у всех националистов: собственно белорусских, литвинских, панславистских Славянского Собора «Белая Русь» или президентских. Национализм не приемлет индивидуальной Великой Белорусской Мечты, он ставит на ее место этнический коллективизм.

И коммунизм, и национализм — дело рук и умов интеллигенции. Инстинктивное чувство собственной важности и значимости не позволяет интеллигенции допускать иных форм рациональности, чем те, в которых воспитывались ее представители. Привычка мыслить себя классом, прослойкой, группой в составе народа, который интеллигенция сама же и придумала, узурпация права выступать от имени этого народа, формулировать за всех идеологию делает интеллигенцию врагом Великой Мечты. Интеллигенция выращивает внутри себя авторов всех коллективистских идеологий, «носитса со своими идеологиями как с писаной торбой». Поэтому всех носителей индивидуалистической Великой Мечты воспринимает как врагов.

Пока в Беларуси будут доминировать любые идеологии, Великой Белорусской Мечте не будет места. Сначала Великая Мечта, а только потом идеологии. При наличии Великой Мечты идеологии безвредны. При наличии Великой Мечты можно выбрать разумный путь между инстинктом и разумом.

В 1995 году Беларусь продолжает движение по ностальгической «Дороге к рабству» (тоже хайкевский термин), альтернативы индивидуалистической Великой Белорусской Мечте — нет.

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА И ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Во второй половине XIX века, в эпоху Мечникова и Пастера, вся Европа страдала от родовой лихорадки, от которой умирали роженицы и новорожденные. Молодой австрийский врач обнаружил, что причиной переноса лихорадки являются немытые руки хирургов, акушеров, гинекологов и патологоанатомов. Он сам стал мыть руки хлорной водой, и смертность резко упала. Людям двадцатого века этот или аналогичный способ снижения смертности кажется таким очевидным, но Игнац Филипп Зиммельвейль два десятка лет доказывал очевидную истину медицинскому сообществу Европы и умер непонятым, под насмешки таких светил тогдашней медицины, как Рудольф Вирхофф.

Врачи должны мыть руки перед операцией.

14 предшествующих глав описывают «антисанитарию» белорусской общественной жизни, и только в последней главе автор позволяет себе несколько положительных высказываний. Явная диспропорция? В художественной соцреалистической критике все это назвали бы очернительством. А как приходилось поступать Зиммельвейлю? Позитивная часть его «научного открытия» состоит в тезисе: дезинфицируйте руки перед операцией хлорной водой. А всю свою сознательную жизнь он доказывает, что врачи пренебрегают этим элементарным требованием, пишет про это статьи, собирает статистический материал по европейским больницам. Тома негативной информации на один простенький позитивный тезис. Еще один пример дают «Вехи», сборник-предупреждение российской интеллигенции. Стандартное отношение к «Вехам» в начале века состояло в том, что все заявляли: в сборнике нет позитива. А между тем позитив очевиден: устранение негатива. Российской интеллигенции рекомендовалось «мыть руки», в переносном смысле, или «прочистить мозги», почти в прямом.

То же самое в нашем случае. Знаний нет, логики нет, целесообразности нет, нравственности нет, денег нет, личностей нет. А что есть? В чем может состоять позитив? В «прочистке мозгов». После выхода на экраны «Покаяния» Абуладзе советской интеллигенции объясняли, что термин «покаяние» появился в древнеболгарском языке (и остался в языках православных славян) как эквивалент греческого слова метанойя, буквально означающего — «перемены ума». В перемене ума или в наведении порядка в мышлении и состоит позитив этого текста. «Разруха в головах порождает разруху вокруг», — заявляет Михаил Булгаков устами своего героя. «Если в стране есть духовность, то поезда ходят по расписанию, земля рождает хлеб, а матери — здоровых детей», — добавляет Герман Гессе.

Бесполезно наводить порядок в стране с разрухой в голове, бессмысленно проводить реформы в постсоветском мире и строить демократическое общество с советским мышлением, с «совковым» догматизмом и тоталитарными установками сознания.

Чтобы воспринять позитив из такого текста, как этот, нужно иметь только две вещи:

— современное европейское, не советское мышление;

— установку на то, что реформы и преобразования возможны и реальны, даже (?) в Беларуси (или веру в это, если угодно; без любви к Беларуси не может быть такой веры, а без веры не может быть мотивации даже для прочтения данного текста, не говоря уж о больших усилиях).

Известен анекдот про коммивояжеров обувной фирмы в Африке. Пессимист отправляет депешу: «Все пропало, вылетаю первым самолетом — здесь все ходят босыми». Оптимист телеграфирует: «Редкая удача, срочно высылайте образцы товара — здесь все ходят босыми». Смысл всего предшествующего текста — «в Беларуси все ходят босыми». Из констатации факта, что вся политика в Беларуси «босаяцкая», следует ровно два альтернативных вывода:

— Пассивный вывод. Ничего сделать нельзя. Страна отсталая, народ темный, государство обречено на застой и деградацию. Нужно либо эмигрировать, либо смириться. Это вывод пессимистов «босяков-интеллигентов», которые не способны на самостоятельные действия, а могут только исполнять чужую волю и ворчать при этом. Ярким выразителем такого подхода является академик Михайлов и часть профессуры Европейского гуманитарного университета. Вся их деятельность направлена на воспроизводство ситуации, на получение очередного подтверждения того, что ничего в этой стране делать нельзя.

— Активный вывод. Отсутствие чего-либо есть повод начать это создавать. Все, что в Беларуси плохо или вообще отсутствует, должно быть переделано или создано заново. Это вывод оптимистов — активных ньюмейкеров.

Понятно, что первый вывод приводит к пренебрежительному отношению к своей стране, своему народу, к тому, что человек начинает тяготиться своим происхождением, мечтает покинуть Родину или включить ее в состав другого государства.

Точно так же понятно, что для выбора второго вывода необходима внутренняя энергия, которую дают: любовь к Родине, уверенность в собственных силах и чувство собственной полноценности.

Перечень различий между двумя типами субъектности, которые остаются на этих столь противоположных выводах, так велик, что можно было бы написать целую монографию о двух разновидностях homo sapiens.

Пассивный вывод	Активный вывод
ПАРАДИГМАТИКА	
внешняя наблюдательная	позиция включенности
абстрактное натуралистическое знание	конкретное техническое знание
неисторичность мышления	историческое мышление
позитивизм (материализм+эмпиризм)	рационализм+идеализм+реализм
СИНТАГМАТИКА	
потребительское отношение	технократическое (-логическое) отношение
объяснительное отношение	понимающее отношение
описание	проектирование и программирование
научный подход	инженерный подход
ПРАГМАТИКА	
утилитарное отношение	патриотизм
зависимость	свобода и ответственность
комплекс неполноценности	чувство полноценности
коллективизм	индивидуализм
социально-деятельностная укорененность	мобильность и адаптивность
покорность судьбе	самоактуализация
догматизм и риторичность	критичность и диалогичность
сензитивность (жизнь в очевидностях)	рефлексивность (формальность)

Это только поверхностный слой различий двух типов отношений, двух типов деятелей. Эти различия много раз описывались разными авторами, в разных подходах и в разных системах категорий. Поэт Киплинг: «Запад есть запад, восток есть восток». Карл Поппер: закрытое и открытое общество. Август Фридрих Хайек: узкий и расширенный порядок. Владимир Лефевр: американская и советская системы морали.

Если остановиться на киплинговском поэтическом видении различий, то придется констатировать: западу и востоку вовек не сойтись. Но можно и не останавливаться. Джордж Сорос принял попперовскую концепцию открытого и закрытого общества не как описательную теорию, а как руководство к действию. Поппер и Хайек согласны в том, что открытое и закрытое общества (расширенный и узкий порядки) безразличны к природе человека. Люди везде и всегда люди, москвичи и минчане такие же, как парижане, лондонцы или бостонцы, «только квартирный вопрос их испортил». Значит, нужно решать этот проклятый «квартирный вопрос», нужно ликвидировать «узкий порядок коммунальных квартир». Сорос активно занимается этим в Беларуси. А сами беларусы?

Позитивная сторона всего изложенного состоит в том, что в Беларуси необходимо заниматься культурной политикой и гуманитарными технологиями. В общем виде задача культурной политики состоит в том, чтобы прекратить трансляцию норм закрытого общества и стимулировать трансляцию норм открытого общества, а реализовывать нужно только нормы открытого общества и расширенного порядка. Изменить направление процессов трансляции норм и образцов культуры можно только осваивая и развивая гуманитарные технологии.

Нельзя ожидать действий по нормам открытого общества от тех, кто знает только нормы и образцы закрытого общества. Классической моделью решения такой культурно-политической задачи является сорокалетний анабасис евреев по Синайской пустыне под водительством Моисея. Смена норм при такой модели происходит за счет естественной смертности людей. Представим себе, что Моисей сам жил бы и действовал как египетский раб. Тогда от такого вождения и вымирания нескольких поколений евреев времен «Исхода» не было бы никакого проку. Беда заблудившихся в «культурной пустыне» беларусов в том, что их вожатые не «Моисеи», а «Сусанины». Беларусские политическая, деловая и интеллектуальная элиты, зная нормы и образцы открытого общества, ведут себя и действуют в полном соответствии с нормами и образцами закрытого общества. Такая нерелексивность и *памяркоўнасць* делают неразличимыми беларусских политиков (партии и персоналии) в глазах избирателей, «при всем богатстве выбора — альтернативы просто нет». В Беларуси нет политических партий и движений, действующих в режиме открытого общества и расширенного порядка. БНФ, ОДПБ, Грамада и прочие построены так же, как компартия — как «узкие» кружки лично знакомых людей со всем набором коммунальных отношений узкого порядка, со всеми традиционными атрибутами: блатом, личной преданностью, ограниченностью действий в преде-

лах личной активности, моральным ригоризмом, наивным эмпиризмом в знании и т. д. Классический пример — Станислав Шушкевич. Он не доверял никому, кроме своих друзей. Суждения о состоянии дел в стране формировал только на основе личных наблюдений и контактов. Игнорировал профессиональные услуги в подготовке решений и действовал, руководствуясь только тем, что понимал сам. Конечно, он умнее, нравственнее, образованнее, чем Лукашенко, но образ их действий и, особенно, образ мыслей полностью идентичен. Реформирование страны при Лукашенко идет с той же скоростью, что и при Шушкевиче, несмотря на то, что последний понимал суть реформ и был их сторонником, а первый не понимает ничего, судит обо всем посредством знаний семиклассника, регулярно читающего районную газету, и является врагом всех реформ.

Итак, что же из всего этого следует?

Я воспользуюсь порядком глав этой книги и буду двигаться от конца к началу.

15. Культурная политика и гуманитарные технологии.

Отставание Беларуси от всех соседних стран в проведении реформ и во введении в стране современных форм организации жизни и деятельности обусловлено тем, что можно обозначить как культурную катастрофу. Культура быта определяется образцами социалистического общежития или эстетикой хрущевских пятиэтажек. Культура производства делает наши товары неконкурентноспособными, дорогими и некачественными. Политическая культура выносит на поверхность проходимцев и некомпетентных людей. Правовая культура заставляет использовать коррупцию как единственный способ решения деловых проблем, споров и конфликтов.

Основная социокультурная проблема современной Беларуси состоит в том, что культурная традиция и действующие обычаи тянут в прошлое, в закрытое общество и узкий порядок, которые породили общий системный кризис, а позитивное разрешение кризиса возможно только иными культурными средствами, которые принадлежат будущему, открытому обществу и расширенному порядку. Или, проще говоря, проблема состоит в конфликте старого и нового, прошлого и будущего.

Общее решение этой проблемы формулируется словами неокантианца Лотце: «То, что должно быть, является основанием того, что есть». Т. е. будущее определяет то, что сегодня реально есть, а то, что тянется из прошлого, уже «как бы» не существует. Культурные традиции прошлого доминируют в обыденном сознании, в памяти людей, в ностальгической фантазии, но они не реальны, а фантомны. Нормы и образцы жизни и деятельности, сформированные культурной традицией прошлого, есть призраки или фантомы, а редкие и малоприметные проявления норм и образцов будущего реальны. Если так относиться к проблеме, то каждый белорус встает перед выбором: чем руководствоваться в своих собственных действиях, в своей собственной жизни — стереотипами и предрассудками прошлой традиции, т. е. фантомами, или осваивать и реализовывать новые нормы и образцы?

Реализация новых норм и образцов — дело трудное. Сначала их необходимо освоить, понять и приноровиться по ним жить. Представим себе, что новые образцы освоил только один белорус. Тогда он оказывается в ситуации, когда «все идут не в ногу, а он один — в ногу». Он оказывается перед необходимостью жить и действовать не так, как все. Это почти невозможно. Почти, потому что есть только один способ так жить и действовать, в это нужно играть. То есть жить и действовать так, «как будто бы в Беларуси есть демократия, право, собственность, институт личности, гражданские свободы». Относиться к властям и гражданам так, что за реальность принимается то, какими они могут и должны быть, а не так, как власти и граждане видят себя в своих ностальгических фантазиях, как они «помнят себя советскими». Играя во взрослых, дети становятся взрослыми, играя в свободную правовую и демократическую Беларусь, мы сделаем ее таковой.

В этом и состоит культурная политика. Знак реальности и значимости ставится не на явлениях и фактах, которые распространены и часто встречаются, а на том, что представляет собой проявление будущего в современности.

До сих пор белорусские политики действовали по-другому. Они говорили: «конечно, мы знаем, как правильно, но народ нас не поймет, поэтому будем действовать так, чтобы понравиться народу». Это целиком лживая позиция. Такая политика ничуть не больше имеет дело с реальным народом, чем противоположная ей. Народ в любом случае берется из представлений политиков, а не из реальности. До тех пор пока политики представляют себе белорусский народ советским, он и будет оставаться советским, последним советским народом из всех наций бывшего СССР. Типичным контрпримером или возражением против такой «некультурной политики» является дискуссия о «шоковой терапии» во всех странах с переходной экономикой. Все правительства, в чьих странах реформы идут, пошли на «шоковую терапию», и народы этих стран приняли такую политику. Ее приняли бы и белорусы. Народы, как категория политической действительности, таковы, какими им предстоит стать, а не таковы, какими они были в мифическом прошлом. Только в Беларуси (может быть еще на Украине) этого не понимают.

Культурная политика направлена, в первую очередь, на мышление и сознание политиков. Если тезис об отсталости белорусского народа хоть в каком-то смысле справедлив, то только в том, что отсталыми являются белорусские элиты с их несовременным мышлением и советским менталитетом.

Итак, общий позитивный тезис состоит в необходимости культурной политики или игры в демократическую Беларусь. Реализоваться культурная политика должна как гуманитарные технологии.

Гуманитарные технологии — это то, что замещает собой культурные традиции. Жизнь и деятельность людей определяется культурными нормами, образцами, эталонами и прототипами. Люди выдвигают цели и достигают их так, как умеют. Если имеющиеся в наличии известные, принимаемые по умолчанию, неписанные нормы и эталоны позволяют достигать поставлен-

ных целей, можно говорить о существовании культурной традиции. Если нет, то приходится изобретать и осваивать другие, нетрадиционные, нормы и образцы жизни и деятельности. В этом и состоит технология. В традиции и в технологии нормы жизни и деятельности предшествуют реализации действий по достижению целей. Но в традиции эти нормы берутся из прошлого или из транслирующей прошлое памяти, а в технологии нормы проектируются в мышлении, т. е. берутся из будущего. Традиция строительства домов толокой возможна только тогда, когда все дома строятся такими, какими их строили многие поколения предков. Если нужно построить дом новой конструкции, то нужно организовать проектирование, разработать прорабскую программу, создать новые материалы и ввести технологию строительства.

Продукты производственно-товарных технологий «проживают» цикл от демонстрационного образца, выходящего из-под рук изобретателя-творца, через выставочные товары для отдельных потребителей, до серийного и массового товара, доминирующего на рынке. Продукты гуманитарных технологий имеют такой же цикл жизни: от первых прецедентов нетрадиционного, «вызывающего» поведения и действия, через моду и культивирование такого поведения и образа действия в элитарных кругах, до распространенности нового поведения и образа действия в широких слоях населения. Когда новое поведение и образ действия становятся само собой разумеющимися, перестают требовать искусственного культивирования и артикулированной демонстративности — кончается сфера технологии и начинается традиция.

Гуманитарные технологии противостоят традиции, а реализуют гуманитарные технологии ньюмейкеры, те, кто делают новое.

Тогда культурная политика — это игра, в которую играют ньюмейкеры, отказавшиеся от традиции, проектирующие и протраивающие свои игровые ходы как действия в рамках гуманитарных технологий.

14. Белорусская мечта.

Кто может рассматриваться как ньюмейкер? Понятно, что если цели человека берутся из прошлого, то они не могут быть новыми. Если цели новые, то их нет в прошлом, нет в традиции. Можно представить себе человека, который поставил себе целью приобретение собственного самолета, в ситуации, когда все самолеты находятся только в общественной собственности. Такой человек может показать свою цель, она есть в прошлом. И он сам, и другие люди летали самолетами. Но когда-то люди изобрели самолет, сделали то, чего раньше никогда не было. Где был самолет, когда конструировался и мастерился первый экземпляр? Он был в мечте создателя самолета. Самолета не было в прошлом, но он был реален как явление будущего, реален как мечта ньюмейкера — реализатора нового, делателя будущего. Будущее делается из материала будущего. Из ничего ничего не возникает. В прошлом могли быть детали и узлы самолета, но не сам самолет. Поэтому самолет мог быть сделан только из «материала мечты».

Коммунисты, в помыслах которых место Республики Беларусь занято Белорусской Советской Социалистической Республикой, не способны со-

здать новую Беларусь. Националисты, в помыслах которых место Республики Беларусь занято Великим княжеством Литовским, не способны создать новую Беларусь. Ни у тех, ни у других нет материала для делания нового, они не ньюмейкеры, а толпа на толоке. Их активность и энергия способны произвести на свет копию той или иной версии прошлого. Габриель Гарсия Маркес говорил: «Из вчерашней пыли образована сегодняшняя грязь». Сколько ни высушивай сегодняшнюю грязь, ничего кроме вчерашней пыли не получится, а из нее может получиться только та же грязь.

В советских гуманитарных технологиях категория мечты подразделялась на две противопоставляемые части: «высокая и светлая» и «низкая, приземленная и обывательская». Я говорю здесь именно о той обывательской мечте, которую советские гуманитарии считали низкой и недостойной советского человека. Культивирование такого отношения привело к тому, что советский человек приобрел привычку и обычай «мечтательности» и жизни в фантазиях. «Сидят в грязи рабочие, промокший хлеб жуют». Советский человек натренирован жить в грязи, жевать промокший хлеб, потому что «через четыре года здесь будет город-сад». Прошло четыре, сорок четыре и больше лет, а город-сад по-прежнему «высокая и офигенно чистая мечта». Такое подразделение мечты на низкую и высокую есть ложь и манипуляция массовым сознанием в корыстных целях. Вместо того чтобы мечтать о достижимой чистоте и нормальном хлебе, рабочие смиряются с мокрым хлебом и грязью. Простой вкусный хлеб, чистота в городе, нормальные условия труда и быта — недостойные с точки зрения такого гуманитарного подхода цели. Но при отсутствии этой «низкой обывательской» мечты никогда не будет элементарного порядка и нормальной жизни. Необходима Простая Обывательская Индивидуальная Великая Беларуская Мечта. Деление мечты на высокую и низкую — открытая дорога к рабству. Говорят, что академик Минц вспоминал, что лучше всего ему работалось в шарашке, то есть в тюрьме. Беларусы, мечтающие о колбасе за 3,20 и о грядущем царстве коммунистических «свободы, равенства, братства», готовы мириться с попранием гражданских прав и свобод. «Высокая и офигенно чистая мечта» совместима с колбасой за 3,20, грязью и мокрым хлебом, подавлением свободы. Более того, высокая мечта выступает оправданием грязи, некачественных продуктов, диктатуры и хамства властей, «так нужно для построения города-сада». Простая обывательская мечта не совместима с грязью, диктатурой, ограничением свободы. Индивидуалистическая мечта дает человеку чувство собственного достоинства и непримиримости к элементарным безобразиям. Впрочем, это не единственный случай, когда советские гуманитарные технологии ставят все с ног на голову.

Я вовсе не против высокой мечты, не против того, что Альтшуллер называет Достойной Целью. Но это составляет предмет кустарного производства, а не массового, поэтому не относится к сфере технологии. Технологии, гуманитарные в том числе, присутствуют там, где речь идет о массовом производстве, о стандартах и транслируемых образцах.

Обычно категория мечты используется теми, кто считает себя реалистами и прагматиками, как ругательство, как синоним непрактичности. И напрасно. В рамках гуманитарных технологий эта категория очень практична. Ньюмейкером можно стать только мечтая. Понять ньюмейкера, помочь ему или принять его действия как реальность можно только соотнося эти действия с представлением о будущем. Поэтому работа с мечтой становится одной из центральных задач культурной политики. Что означает работа с мечтой?

Мечтая, человек примеряет к себе желаемое будущее. Чтобы примерять желаемое, его необходимо представлять себе с той или иной степенью ясности. Визуализация желаемого будущего до максимально достижимой ясности и есть работа с мечтой. Чтобы мечтать о собственном автомобиле, самолете или доме, их нужно видеть у других, щупать, трогать. Мечтать о компьютере ребенок начинает только тогда, когда поиграет на нем, повозится с ним. Необходимо показывать образцы хорошей жизни всем, это расширяет пространство мечты. Тот же Маркес вспоминает свое пребывание в СССР во время Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Советские люди доброжелательно и с интересом относились к гостям фестиваля, но редко приглашали их в гости к себе домой. Те же, кто осмеливался пригласить иностранца домой, «думали, что могут это сделать потому, что живут хорошо, — говорит Маркес и добавляет — но жили они плохо». Представления о хорошей жизни у советских людей убоги только потому, что для них не визуализирована хорошая современная жизнь.

Понимание места мечты в рамках гуманитарных технологий заставляет пересмотреть отношение к белорусским средствам массовой информации, к рекламе, к стандартам потребления, к образу жизни, нравам и обычаям ньюмейкеров. Шушкевич не ньюмейкер, он обычный советский человек (или *памяркоўны беларус*), поскольку атрибутика его образа в глазах тех, кто способен мечтать, не соотносится с представлением о будущем. Имидж нового человека должен быть оформлен через атрибутику визуализированных образов ньюмейкеров. 1994 год принес две потрясающие истории. Глава государства и парламента в начале года отстранен от должности за кражу двух ящиков гвоздей, будущий глава государства в разгар президентской предвыборной кампании обвиняется в краже парфюмерии и конфет у стюардессы. Независимо от того, имели ли место эти факты в действительности, потрясающим является факт приписывания таких действий первым лицам государства, а также органичности и совместимости таких действий с образом главы государства. От белорусского главы государства электорат ожидает поведения и образа действия кухарки. Удивительное совпадение социальных экспектаций и инспектаций.

Любая мечта принадлежит сфере идеального. Коротко цель работы с мечтой можно обозначить как расширение плана идеального. Технологическая работа с мечтой затрагивает сферу рекламы, того, что принято называть «желтой прессой», индустрию досуга и отдыха, моду, потребительские стандарты, образ жизни и быт тех, кто претендует на ньюмейкерство. Ньюмейке-

ры! Организуйте сначала свою жизнь по современным образцам! Не скрывайте образцов! «Ибо, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме».

Беларусы направят свои мечты, помыслы и энергию к лучшей жизни только в том случае, если лучшая жизнь «им светит». А тем, кому «светит лучшая жизнь», не по пути с Лукашенко и реставраторами социализма. Пока белорусские политики не станут технологически работать с мечтой, с развитием представлений о будущем, а будут суетиться в сиюминутной борьбе за власть, будущее «им не светит».

13. Масс-медиа

Пожалуй, нет такого политика в Беларуси, который не понимал бы роль и значение средств массовой информации в общественной и политической жизни. Но это понимание содержит в себе дефекты советского подхода. Содержательно роль и место СМИ трактуется в соответствии с ленинским тезисом о том, что «газета не только коллективный пропагандист и агитатор, но и коллективный организатор». Любой политик или бизнесмен в Беларуси норовит обзавестись партийной или «личной» газетой. «Большевизм» в масс-медиа плодит множество партийно-ангажированных (если не сказать сильнее) газет, передач, издательств. Беларусские СМИ скучны, бездарны и, главное, неэффективны.

По БТ часто «крутят» рекламу задвижек какого-то мозырьского завода сантехнического оборудования. Герой ролика произносит фразу, адресованную своему несчастному коллеге: Вася, звони в Мозырь по такому-то телефону. Несчастное БТ и белорусский телезритель, несчастный завод-рекламода-тель. Предназначенная действительно только одному Васе информация преподносится всей стране по национальному телевидению. Может быть, дикторы БТ скоро станут выполнять функции пейджеров и передавать сообщения частных лиц частным лицам: Петя для Васи, Вася для Муси.

Нет ничего глупее партийных газет, государственного телевидения и вообще белорусских средств массовой информации. Информация может быть адресной и индивидуальной, а может быть массовой. Массовой информации в Беларуси нет. Телевидение стало личным средством односторонней коммуникации президента. Газеты используются вместо справочников, партийной связи, официальной переписки, только не по назначению.

Для культурной политики и гуманитарных технологий здесь непочатый край работы. То, что нужно сказать об этом, не вмещается в короткую главу. Остановимся на том, что эту работу необходимо делать, причем делать практически заново, и ограничимся только одной иллюстрацией. В первые месяцы моего пребывания в Минске мне предложили участвовать в проектировании и запуске новой информационно-аналитической телепередачи. Приступая к проектированию, я понимал, как просто можно сделать лучшую передачу на БТ. Возьмем это в качестве примера.

Парадокс «Проспекта»

Лучшая телепередача 1994 года на белорусском телевидении в отно-

шении профессионального исполнения была обычной халтурой⁵². В ней не было новостей (какие новости при еженедельном выходе), в ней не было аналитики (какая аналитика, если передача строится на информации, которая неизвестна телезрителю заранее, и ее приходится приводить в самой передаче). Павел Шеремет своей активностью и смелостью компенсировал недостаток всех профессиональных норм. Он делал репортажи с большим опозданием, которые привлекали к себе интерес только потому, что весь остальной эфир был пуст. Интерес к передаче держался на том, что в ней показывалось то, о чем говорят, сплетничают и догадываются. Ее успех обусловлен низким уровнем всего остального телевидения. Шеремет — талантливый журналист, именно поэтому его выжили с телевидения. Яркое пятно на сером фоне режет глаз и раздражает «эстетические чувства». То же самое проявляется в феноменах газет «Европейское время», «Белорусская деловая газета» и «Имя»⁵³. Поражает тот минимум усилий, который необходим, чтобы сделать «Имя» в белорусской журналистике.

Очевидна бедность и техническая отсталость белорусских масс-медиа. Но даже при имеющихся средствах можно создавать нормальную коммуникативную среду. Вопрос упирается в квалификацию, сознание и нравственность тех людей, которые в этой сфере работают. Техническая отсталость будет преодолена только тогда, когда задачи будут требовать технического перевооружения. Правильная постановка задач — первый шаг в этом направлении культурной политики. А готовность (квалификация) их решать — основной предмет этого подраздела гуманитарных технологий.

Журналисты не больше чем любые другие жители Беларуси разбираются в происходящих в стране процессах. Они и не должны разбираться лучше. В профессиональном мышлении журналистов необходимо навести понятный порядок. Нужно ввести понятия информации, новостей, массовой коммуникации и т. д. Нужно различить мнения и суждения, комментарии и экспертные оценки, концептуально проработать жанры и типы информации, формы и методы коммуникации, тренировать специализации репортеров, обозревателей, фельетонистов, публицистов и т. д. Сегодня журналистом в Беларуси может быть любой, а это показатель отсутствия профессии как социально-деятельностного института.

12. Персоналии

Люди не равны между собой как личности, деятели, мыслители, любители и т. д. Люди равны только по отношению к праву и закону. Равенство

⁵² Речь идет об еженедельной аналитической передаче «Перспект», которая впервые вышла в эфир на следующий день после первого тура выборов президента. «Перспект» изначально проектировался АГТ и ФИТом так, чтобы сразу же стать лучшей и центральной передачей на БТ. Это было легко достижимо. Автор, как участник этого проектирования, утверждает, что это свидетельствует не столько об высоком уровне проектирования, сколько о низком уровне БТ того времени. Аналогичную задачу автор решал с ток-шоу «Выбор» через 9 лет, когда все стало гораздо труднее в техническом отношении (2006).

⁵³ Ни одна из этих газет не дожила до наших дней. Последней пала в этом году БДГ (2006).

людей как лозунг демократии предполагает терминологическую синонимию равенство — равноправие. Мужчины и женщины могут быть равноправны, это справедливо и реально достижимо, но они не могут быть равны или одинаковы. Президент и кухарка равны перед законом, но не равны по своим способностям исполнять свое призвание в жизни. В мире людей неравенство есть фундаментальный принцип развития и прогресса. Люди соревнуются между собой за любовь, за авторитет, славу, спортивные достижения и прочее. Поэтому всегда были, есть и будут те, кого больше, чем других, любят, те, кто способнее других, сильнее, умнее, талантливее. Культура содержит в себе множество механизмов отбора умных, талантливых, смелых и решительных. Отмените эти механизмы — и человечество быстро деградирует к животному состоянию. В Беларуси эти механизмы не работают. Возьмем несколько механизмов для примера.

Элементарные способности. В своей двухчасовой речи 2 октября президент Беларуси озвучил множество предрассудков массового советского сознания. (Кстати, Брежнев говорил много и ни о чем, Горбачев высказывал порой дельные вещи, которые не мог реализовать, резонерство Лукашенко представляет собой уникальный случай, когда полуграмотный человек, сам того не желая, высказывает содержание предрассудков, мифов и устаревших догм, которые определяют убогость нашей жизни, но редко озвучиваются. Если это высказывает директор совхоза, его никто не слышит, а теперь эти глупости звучат на весь мир. Нет лучшего способа дискредитации «совковости», чем то, что делает Лукашенко.) Малозаметный штрих в его речи касался студенческих стипендий. «Мы будем платить стипендию тем троечникам, которые регулярно посещают занятия», — говорит президент. Давайте подумаем. Если студент редко посещает занятия и может осваивать предмет по минимуму, на тройку — это плохо. Такой студент — бездельник, или у него тяжелый период в жизни, мешающий ходить на лекции. Но он сообразителен и способен к учебе — малыми усилиями достигает результата, хоть и минимального. Другой студент регулярно ходит на лекции и «упорно занимается», но получает те же тройки. Скорее всего, он просто полная бездарность или занимается не своим делом, поскольку большими усилиями достигает того, что другому дается малыми. Президент предлагает государству заботиться о таких бездарностях. Если государству не нужны способные и талантливые, то поступать нужно именно так. Гуманитарные технологии — это очень просто. Хотите бездарных и серых исполнителей с якобы высшим образованием — проявляйте заботу о них. Не допускайте мысли о том, что высшее образование не для всех, что никто не гонит людей в вузы. При всей массовости современного высшего образования оно составляет достояние, пусть не элиты, но все же некоторой наиболее способной и деятельной части общества. Государство может гарантировать любому получение высшего образования, но обеспечивает не каждому, а только тому, кто способен. Олимпийский принцип: не побеждать, а участвовать — не применим в практической жизни.

Авторитет. Институт авторитета в культуре выполняет несколько функций: отбор проверенного и надежного знания, отбор талантливых и ответственных людей, экономия общественного времени на прояснение сложных вопросов и проблем, гарантия культурности тех или иных решений и т. д. Чтобы институт авторитета срабатывал, в культуре должен выполняться ряд условий: состязательность, критика, гарантия интеллектуальной собственности.

В Беларуси никто не состязается за репутацию авторитетного мнения. Мнение недоучившегося бухгалтера или колхозного экономиста считается равным мнению профессора и руководителя Национального банка. Никто не отслеживает мнения и суждения тех, кто чаще других оказывается прав. Человек может год за годом нести глупости, совершать ошибки, заблуждаться в оценках, но остается на том же месте и в том же качестве. Другой может быть точным в оценках и прогнозах, предлагать реальные решения проблем, но его авторитет при этом не поднимается. В Беларуси никто не помнит тех, кто первыми предлагает какие-то решения, совершает полезные действия. В сфере авторитета действует такая же инфляция, как в сфере финансов, — авторитет невозможно накопить. Авторитет крепится за местом (креслом, портфелем, должностью), но не за личностью. Состязания за авторитет, за репутацию возможны только тогда, когда в социокультурный институт авторитета встроены механизмы фиксации достижений, награды за достижения, критика и «судейство». Президент не выполнил ни одного предвыборного обещания, а его рейтинг держится на том же уровне. Почему? Потому что нет механизма фиксации и регистрации достижений.

Какой авторитет может быть у самого талантливого академика, если кандидатские и докторские диссертации защищаются без состязательности, если не ведутся реестры достижений (индекса цитирования, распространения идей, числа учеников), не патентуются изобретения? Все белорусские профессора и доктора равны, их мнения неразличимы между собой. Мнения компилятора и мнения действительного специалиста одинаково воздействуют на широкую публику. А это абсурдно.

Механизмы формирования авторитета, которые должны осуществлять отбор и селекцию людей в нормально функционирующем обществе, в Беларуси выполняют строго обратную функцию — нивелируют и уравнивают. Социально-культурные цензы и фильтры, выявляющие нестандартных, творческих и талантливых, — только часть технологической цепочки, дальше необходимо работать с выявленным материалом. Социалистические традиции содержат в себе процедуры выявления нестандартных и талантливых людей, но дальше все построено таким образом, чтобы выявленные «таланты закапывать в землю».

Все талантливое и нестандартное выявляется в состязательности, но не все выявленное полезно. Все талантливое и нестандартное должно подвергаться жесточайшей критике, находиться под пристальным вниманием анализа и экспертизы. Вместо этого в Беларуси все, что отличается от стандарта, игнорируется. Критика и экспертиза определяют целесообразность, по-

лезность и жизнеспособность нестандартного. Расставляются рейтинги, присваиваются знаки отличия. После того как это проделано, деяния крепятся за персоналиями в виде авторитета.

После того как установлены рейтинги и сформирован авторитет, проявляется проблема интеллектуальной собственности. В социалистической системе отношений любой успех делится на коллектив. У любого достижения всегда оказывается множество примазавшихся авторов, а настоящий автор теряется в этой массе. Наоборот, неудачи тоже делятся на всех, в результате никогда не удается найти истинных виновников провалов, ошибок и даже преступлений.

Длительное культивирование такого отношения к персональным достижениям, к такой технологии авторитета привело к тому, что Беларусь стала безлюдной страной. Самые важные дела поручаются людям, у которых нет ни ума, ни таланта, ни элементарного понимания для реализации этих дел. А когда нужно найти для решения важной задачи способного исполнителя, оказывается, что отсутствуют механизмы такого поиска, и приходится довольствоваться случайно подвернувшимися фигурами. Где белорусский Бальцеревич или Бразаускас? Как их найти? Кто возьмет на себя программу приватизации? Где белорусский Чубайс?

Демократия — это когда любой может стать президентом, любой, но не каждый. Несчастлива та страна, где каждый и любой не различаются. Любой может вступить в состязание за право быть национальным авторитетом, лидером и президентом, а стать им должен достойнейший. Технология отбора достойнейших и есть гуманитарная технология работы с материалом персоналий. Дело само по себе нехитрое. Но нужна элементарная гуманитарная подготовка для организации такой технологии. Мне уже приходилось иронизировать по поводу прецедента, когда президент страны предложил президенту Академии наук составить список умнейших и талантливых, по существу назначить их чиновничьим приказом («Алло! Мы ищем таланты» // «Беларусская маладзёжная» № 7 за 1994 год). Беда, коль пироги начнет печь сапожник.

Цель культурной политики в отношении персоналий состоит в контроле над распространением эгалитарности на те области жизни и деятельности, для которых она противопоказана, и в культивировании элитарности (и, соответственно, наоборот), в запуске механизмов авторитета, интеллектуальной собственности, создания цензов профессионализма и творчества. Гуманитарных технологий для достижения этой цели существует достаточно, дело только за внедрением.

11. Власть

Трактовка власти по революционной теории марксизма состоит в насилии и подавлении. Такое узкое и неверное по существу представление лежит в основе государственного устройства Беларуси. Мало того, что такое представление неверно, для Беларуси оно еще и неэффективно. Беларусь — маленькая страна, еще меньше в ней условий для прямого насилия и проблем, где насилие было бы необходимым. В главе «Выборы и власть» я оста-

навливался на трактовке власти как номинации. Власть в современном мире базируется на праве называть вещи теми или иными именами. Атрибутами имен или функциями номинации являются иллокутивная и перлокутивная силы, которые вместе с глагольным повелительным наклонением и составляют властную функцию речи-языка. Язык и речь тоже могут выступать инструментами насилия, но даже в этой функции они не сопоставимы с физическим и правовым насилием.

При понимании власти как номинации особое значение приобретает теоретическая работа с содержанием имен. В рамках теоретической работы имена становятся терминами и логическими понятиями. Теоретическое мышление выполняет по отношению к власти функцию рационализации воли. Проявления воли становятся разумными. Все диктаторские и фашистские режимы поощряли и стимулировали иррациональные концепции воли и власти. Теоретики третьего рейха приписывали инстинкт власти представителям арийской расы. Нередко воля, власть и властность рассматриваются как атрибуты «крови», аристократического происхождения или харизмы. Право давать имена, наделенные волевым импульсом, побуждающие к действию, в таком подходе однозначно присваивалось авторитету «власть имеющих». В XX веке этот подход полностью дискредитирован. Право давать имена закрепляется за теорией. Именно поэтому в XX веке власть деидеологизирована. Определяющее значение в этих рамках приобретает различие между «языком мысли» и «языком действия». Остановимся на этом подробнее.

Теоретический язык мысли схватывает отношение между знаком и значением того, о чем судится или высказывается, а язык действия строится на отношении знака и смысла. Значение, или объективное содержание, вещей, представленных в знаках (терминах, категориях и понятиях) теоретического языка, безразлично к тому, как люди к нему относятся, а смысл, или субъективное содержание вещей, представленных в знаках языка действия, состоит именно в том или ином отношении людей к ним.

В теоретическом языке мы говорим «рынок» и имеем в виду определенный (построенный на обмене) тип хозяйственных связей в производстве, распределении и потреблении продуктов деятельности и культуры. А в языке действия мы говорим «рынок» и имеем в виду либо цель, либо антицель, мы либо утверждаем: рынок — это хорошо, либо, наоборот, рынок есть зло.

Теоретический язык не пригоден для технической функции в политике и в гуманитарных технологиях, он не способен выполнять функцию организации действия и функцию руководства действием, он организует только мысль. Язык действия выполняет функцию руководства, на нем можно сформулировать тезис: будем строить рынок (или не будем строить и т. д.). В теоретическом языке безразлично, кто говорит, а в языке действия — напротив, все определяется этим. Аристократ или харизматический лидер может сказать: «бей жидов, буржуев и пр.» или «заводы — запускай», и его вассалы или адепты будут это делать. До тех пор пока такое возможно, эффективна идеология как форма организации общественного сознания и условие реализа-

ции власти. В современной демократии такое невозможно, поэтому — неэффективна идеология, харизматические лидеры превращаются в шутов. Язык действия в современном мире является производным от теоретического языка, а не от идеологии, построенной на харизме или на праве аристократии называть хорошее — хорошим, плохое — плохим.

Тогда, механизм реализации власти в современном мире строится так:

1 — теория формулирует объективное значение X;

2 — теоретический язык присваивает объекту X знак-термин Xi;

3 — термин Xi теоретического языка переносится с объективного значения X на цель действия Xj;

4 — цель формулируется на языке действия: «делаем X, Xi, Xj».

В изолированном последнем высказывании «делаем Xj» нет ни значения, ни смысла. Это голая идеологема, и в условиях современной демократии она полностью бесплодна. Беларусские политики пользуются только такими высказываниями. Тем самым они симулируют власть. Симуляция — это такое явление, которое похоже на действие, но действием не является. Чтобы было действие, необходимо проделать 1-е, 2-е, 3-е и только потом 4-е.

Например: Вместо X подставим «приватизация». В России (Польше, Чехии, Латвии и т. д.) приватизация сначала была проработана теоретически;

потом (Xi) была проведена разъяснительная работа в масштабах страны (интенсивность и объем разъяснительной работы в разных странах разный, в зависимости от местных условий и готовности общественного сознания) с закреплением имени «приватизация» за определенным порядком действий и программой;

потом (Xj) приватизация в виде конкретной программы была объявлена целью правительства страны;

потом (X, Xi, Xj) все население страны приглашалось к участию в этой программе.

А как это делалось в Беларуси? Никак. В Беларуси это симуляция, а не приватизация.

То же самое можно говорить о финансовой стабилизации, десоветизации и т. д. Особенно смешно это наблюдать на примере введения суда при- сяжных с уровнем образования и понимания наших судебных.

10. Партии

Дальше все просто. Необходимо создавать партии и готовить их для проведения нормальной политики (культурной политики в современном ее значении) и для реализации полноценной власти.

В главе «Выборы и власть» упоминались теоретические положения, на которых базируются современные партии в Европе и во всем цивилизованном мире. Для реализации власти партиям нужны развернутые политические теории. Социально-культурное существование теории в конкретной исторической ситуации не ограничивается хранением теоретических текстов в библиотеках. Чтобы теория существовала в ситуации, необходимо, чтобы было кому тексты читать, штудировать, обсуждать и интерпретировать их в

прикладном плане. Вокруг партийной активности образуется среда читателей текстов и книг, которыми без этого интересовались бы только маленькие академические группы. Так политические теории становятся достоянием широкой публики. В партию объединяются те, кто не только читает, но активно обсуждает политическую теорию и, это главное, находит ту или иную теорию наиболее эффективной для страны в прикладном отношении. Значимость для судьбы страны реализации той или иной политической теории побуждает включать основные теории в программы высших учебных заведений, а это обеспечивает всестороннее изучение их с последующим углублением и развитием. Так создается полноценная политическая инфраструктура в стране. Именно такая политическая инфраструктура способна обеспечить элементы (X, X_i, X_j) механизма реализации власти.

Современное государство предполагает наличие в стране системы порождения и/или разработки доктрин и программ общественного развития. Политические партии являются одним из элементов такой системы. Осознание этого обстоятельства выступает рамочным условием партийного строительства, но как раз этого осознания нет практически у всех политических партий Беларуси. Все они сориентированы на узкое понимание политической борьбы как коммунальных отношений между государственными деятелями, как аппаратных игр и лоббизма в самых грубых и примитивных формах.

Поскольку создание политической инфраструктуры — дело медленное и требующее больших ресурсов, ожидать в ближайшее время появления влиятельных партий современного типа в Беларуси не приходится. Белорусские партии обречены плестись в форватере настроений толпы, быть эпигонами политических сил соседних стран и выступать фоном для амбициозных и паранойяльных вождей.

Однако уже давно необходимо было закладывать базу для создания такой инфраструктуры. Аналитика, наука, образование, издательские программы — основные резервы партийного строительства. Те из партий, которые смогут утвердиться в этих сферах, останутся партиями, все остальные будут вспоминаться как курьезы политической неразберихи первого десятилетия белорусской государственности.

9. Деньги

Деньги, которые идут на политику, можно рассматривать как транзакционные издержки в инвестициях.

В конечном счете, проработка любой практической проблемы приводит к вопросу о ресурсах и инвестициях. Размеры возможных инвестиций в ту или иную область деятельности являются критерием жизнеспособности этой деятельности. Если через призму инвестиций рассмотреть сложную связь между положением дел в Беларуси и состоянием белорусской политики, то обнаружится такой проблемный узел, который к 1995 году затянут до такой степени, что с ним нужно поступать так, как Александр Македонский обошелся с гордиевым узлом.

Потенциальная инвестиционная емкость Беларуси достаточно велика (на уровне Чехии или Венгрии, выше, чем Словакии, Болгарии или стран Балтии), но актуально наша страна находится на последнем месте по реальным инвестициям в Европе (если не считать воюющих стран). Не последней причиной такого положения дел является политическая отсталость, анахронизм государственного управления и системы принятия решений. Для изменения развития или модернизации политической системы необходимы немалые средства, т. е. инвестиции, а инвестиции... см. выше. Т. е. при нынешней политической системе не будет инвестиций, без инвестиций не изменится политическая система.

Политическая история XX века богата примерами того, как инвесторы несли большие транзакционные издержки на поддержку авторитарных режимов для обеспечения политической стабильности и гарантии инвестиций. В каждом конкретном из таких случаев приходится учитывать размеры транзакционных издержек. Режим Стреснера в Парагвае и Пиночета в Чили несопоставимы между собой, потому что их страны очень различаются по уровню развития и культуры. Но можно сравнить транзакционные издержки инвестиций в Чили при режимах Альенде и Пиночета. Инвестор может согласиться с высокими расходами на политическую инфраструктуру, если эта инфраструктура обеспечивает целевое использование капитальных вложений, оборотных средств и собственно транзакционных затрат. И тот же инвестор не согласится с минимальными транзакционными издержками на политику, если деньги будут потрачены только на прокорм политиков, которые ничего не обеспечивают.

Предположим, что перед потенциальным инвестором (для простоты ограничимся рассмотрением в этом качестве только фирмы-резидента или гражданина Беларуси, не трогая иностранцев или ТНК), встал вопрос о издержках на политическую систему в Беларуси для обеспечения нормального инвестиционного климата. Он оказывается перед выбором: во что вкладывать, во власть или в оппозицию. Но власть враждебна частной собственности и спустит на потребление любые деньги, которые попадут ей в руки. Оппозиция не готова взять власть, поскольку нет ни одной программы политической трансформации общества и государства. Сегодняшняя бюрократическая структура госуправления ассимилирует любую персону, которая станет во главе ее. Получается, что вкладывать во власть вредно, в оппозицию — бессмысленно.

Те инвесторы, которые рассматривают только близкую перспективу, при такой альтернативе предпочитают вывозить капиталы за границу. Ну а тем, кто смотрит дальше, на среднюю и далекую перспективу, явно не хватает информации, политическим маркетингом в Беларуси никто не занимается.

Из всего сказанного можно сделать простой вывод: денег на политику в Беларуси нет и не будет, а значит, и нормальной политики, а значит, нормального инвестиционного климата, а значит, нормальной жизни и денег. Круг замыкается, узел затягивается, и его нужно разрубить. Парадокс этого порочного круга состоит в том, что мечем для разрубания гордиева узла в этом случае выступают

деньги же. Причем выше я уже отмечал, что демократия стоит дороже всех остальных политических систем.

Нужны капитальные вложения в политику. Необходимо организовать в структуре демократии некий аналог древнегреческой олигархии или бизнес-элиты, которая выступала бы своеобразным заказчиком на проведение политики в национальных интересах и была бы гарантом устойчивости, долговременности и стабильности политического курса. А для этого элиту необходимо научить думать на далекую перспективу.

Остальные темы и аспекты

Не имеет смысла претендовать на полноту описания политической системы Беларуси. Тем более что основной материал получен из наблюдений участника кампании выборов в парламент. Это определяет ракурс рассмотрения политической системы. А ракурс всегда только один из множества возможных. Подбор тем и аспектов определялся авторским взглядом и подходом. На оставшихся темах, затронутых в книге, можно не заострять внимания в этой последней главе, поскольку с учетом сказанного выше эти темы становятся такими, которые либо решаются в «рабочем порядке», либо учитываются в работе как условия. Имеется в виду политическая работа или работа политиков. Поэтому пройдемся по ним очень бегло.

8. Кандидаты. Финансовое и организационное обеспечение фильтров и цензов в профессиональной политике должно заложить основы защиты гильдии политиков от «дураков и шарлатанов», от наивных романтиков, от искателей синекуры, или депутатского иммунитета. Тогда политический рынок не будет испытывать недостатка в предложении кандидатов, которые на предварительных этапах политической деятельности проходят «контроль качества». Квалификация и качественная подготовка кандидатов в парламент не исключают разнообразия политических позиций.

7. Семиотическая среда. Демократия может функционировать только в адекватной семиотической среде, где знаки означают именно то, что должны означать. Политики и партии должны развернуть программу семиотической экологии и нормализации знакового и символического пространства.

6. Нравственность. Профессиональное сообщество политиков должно: во-первых, культивировать собственную профессиональную этику, во-вторых, вводить в общественное сознание этические и нравственные регулятивы демократии, в-третьих, не становиться «над» общественной нравственностью, а, наоборот, признавать нравственный контроль главным законом своей деятельности. Депутатский иммунитет локализуется только в области писаного права и не распространяется на область нравственных отношений. Политику нельзя даже того, что можно обычному человеку.

5. Логика. Политика должна быть рациональной или, как чаще говорят, предсказуемой. Это возможно только тогда, когда она логична. Действия должны логически следовать из публично провозглашаемых целей и доктрин, гласно объявляемых причин, а не высказывать, «как бог из машины».

4. Знание. Предшествующий действиям анализ и обоснование действий должны опираться на знание реальности и на знание теории политических процессов, а не на предрассудки, мифы и ностальгию.

3. Избиратели. Народ в политическом мышлении представлен избирателями, а не массой для манипуляций, популистских спекуляций и не материалом демагогической риторики. Нельзя требовать от избирателей большего, чем то, для чего они существуют, — для оценки совпадения суждений политиков с мнением большинства народа.

2. Автор и система (позиция политологов и аналитиков). Политологи должны понимать свою зону ответственности и компетентности. Не брать на себя функцию «учителей народа» или исполнять миссию интеллигенции в российской и советской трактовке этого понятия. Политологи и аналитики должны освоить методологию современного гуманитарного знания и гуманитарные технологии. Без этого политологи и аналитики становятся либо газетными фельетонистами, либо «узкопартийными борзописцами».

1. Вехи и ориентиры. Время «разброда и шатания» никогда не закончится для Беларуси, пока не будут приняты доктрина государственного и национального развития, концепция реформ и выхода страны из кризиса, программа первоочередных мер и актуальных действий. Т. е. пока не появятся вехи и ориентиры движения и развития. В общественном разделении труда функция разработки и формулировки этих вещей приписывается тому, что метафорически называется «интеллектом нации». Антиинтеллектуализм белорусских политиков, ярче всего проявляющийся в лицах лидеров мнений, — Лукашенко и Пазыняка, должен быть преодолен. Интеллектуалы («интеллект нации») могут заниматься чем угодно в нормальные периоды существования страны, но сейчас страна находится в очень трудном положении, и у интеллектуалов «есть работа». А работа требует самоопределения, состоящего в отказе от свободы творчества и полета мысли и фантазии в пользу исполнения функции или в принятии задачи для решения. А задача диктует условия. Эти условия либо принимаются, и тогда задача может быть решена, либо не принимаются, тогда задача не решается.

Анализом условий задачи и предложениями по ее решению мы займемся в следующей работе.

ЭПИЛОГ

В тексте очень мало фактуры и эмпирического материала, хотя текст и заявлен как результат исследовательской работы. Участие автора в парламентских выборах позволило получить доступ к богатому эмпирическому материалу, но я предпочел занять место результатами размышлений и выводами, а не описанием фактуры. Степень обобщений и экстраполяция выводов на область явлений, которая заведомо шире, чем материал одного из избирательных округов города Минска, позволяют автору известную независимость от

фактуры. Строгому обоснованию такой экстраполяции целесообразно выделить особое место и время, пока ограничимся ссылкой на Михаила Булгакова. В ответ на удивление Ивана Бездомного по поводу оценки качества его стихов, которых, как выясняется, Мастер не читал, булгаковский герой произносит знаменитую фразу: «Что ж я, других стихов не читал?»

Конечно, я и мои коллеги работали только в одном округе Минска. Этот округ даже не может быть признан типичным. Он во многом своеобразен. Но при этом, что ж я, в других округах не бывал, что ли? Многие члены команды и доверенные лица работали раньше на президентских выборах, а потом (в ноябре 1995г.) с другими кандидатами и не только в Минске. Например, менеджер нашей весенней команды на осенних выборах работала в Брестской области с кандидатом от Аграрной партии, и другие члены команды принимали участие в осенних выборах в той или иной форме⁵⁴.

И все же, на мысль вставить в качестве эпилога Доктрину консерватизма автора навела фактура материала.

Ситуации на избирательных участках округа 14 мая.

1. Семья (мама, папа и девочка-подросток у плаката с вопросами референдума):

— А что, герб красивый, да и расцветка флага симпатичная. Голосуем.

Я понимаю, как сильно расходятся мои представления о красоте с теми, которыми руководствуются избиратели. Еще сильнее расходятся представления о том, в каких ситуациях уместно руководствоваться чувством красоты, а в каких нет.

2. — Мацкевич хороший кандидат, но здесь написано, что он живет в Гродно. Несправедливо, что он баллотируется в Минске.

Я понимаю, что у меня другое представление о справедливости.

3. — Все они хорошо говорят, а что хорошего он для нас сделает? Какая нам от этих депутатов польза?

Я понимаю, как по-разному мы трактуем пользу.

4. — Коммунисты обещают добро, их цели правильные и добрые, а от этих демократов только инфляция и безработица.

Мы расходимся в понимании того, что есть добро и зло.

5. — Пазыняк — фашист, Шушкевич и демократы развалили Союз. Что не правда, что ли? Вы меня не переубедите.

Я и избиратели не только разные вещи считаем истинными, но и события установления истины у нас не совпадают.

В моих выводах и суждениях много определенности. Много из того, что я говорю, убедительно для одних и совсем не убедительно для других. Я понял, что должен предъявить, хотя бы в эпилоге, некоторые конечные основания для вынесения суждений об истине, добре, красоте и справедливости, которыми я пользуюсь. Так появилась «Доктрина белорусского консерва-

⁵⁴ На выборах 14 и 28 мая 1995 г. не было выбрано достаточного количества депутатов, довыборы в Верховный Совет 13 созыва пошли осенью того же года. — *Прим. ред.*

тизма», которую я сформулировал, рефлектируя свое участие в коммуникации с избирателями. Так думаю я, так думают многие мои коллеги. Доктрина представляет собой формулировку оснований суждений, то, на чем стоим и стоять будем.

ДОКТРИНА

(то, что не подлежит изменению)

Смотрите, поступайте так, как повелел вам Господь, Бог ваш; не уклоняйтесь ни направо, ни налево; ходите по тому пути, по которому повелел вам Господь, Бог ваш, дабы вы были живы, и хорошо было вам, и прожили много времени на той земле, которую получите во владение.

Библия, Второзаконие, 5, 32-33.

Преамбула

Партия строится как объединение граждан Республики Беларусь на основе либерально-консервативных ценностей. Ядро системы либерально-консервативных ценностей составляет триада понятий — Бог, Родина, Человек.

БОГ. Целое тысячелетие Беларусь является христианской страной, частью европейской христианской цивилизации. Библия уже тысячу лет выступает для нас, европейцев, мерилем того, что такое истина, добро, красота и справедливость. История знала много примеров восстания против того, что есть истина, добро, красота и справедливость по-христиански. Многие пытались дать свою меру и трактовку этим ценностям, многие пытались улучшить и усовершенствовать то, что предлагается в Библии, но все эти попытки приводили либо к повторению библейских заповедей и принципов, либо к ухудшению их и к ошибкам. Бог дал человеку свободу воли, свободу познания добра и зла. Мы, пользуясь этой свободой познания добра и зла, приходим к выводу, что представления о добре и зле нужно не менять, но познавать и понимать. Мы не революционеры, но консерваторы. В Европе только две нехристианских страны — Албания и Босния. Их пример не вдохновляет нас к отказу от христианского пути. Многие европейские народы, и беларусы в их числе, отказывались от христианства в пользу атеизма. Всегда этот отказ сопровождался потерями и уроном в истине, добре, красоте и справедливости. Все народы и каждый человек в отдельности вольны выбирать и веру свою, и путь свой, наш выбор европейский и христианский. В Европе процветают те страны и народы, что меньше всего уклоняются с христианского пути. Мы консерваторы потому, что путь свой выбираем сами, но правильность его сверяем по Божьим Заповедям, так как умеем — по-христиански, так, как поступают беларусы, которых мы ценим, любим и уважаем, уже тысячу лет.

РОДИНА. Человек свободен жить и поступать в силу своего разума и понимания так, как считает правильным, стремясь к истине, добру, красоте и справедливости. Христианские народы Европы выбирают разные варианты обустройства своих стран. Каждый человек волен обустроить свой дом, каждый народ волен обустроить свою страну. Мы рождены в Беларуси, это наша страна, никто, кроме нас, не обустроит ее так, как нам нужно. Беларусь — это наша свобода, свобода жить и действовать в силу нашего разума и понимания истины, добра, красоты и справедливости. Справедливо, что только мы сами вольны обустроить ее в добре и красоте, истинно, что мы ответственны за отсутствие в ней добра и красоты.

ЧЕЛОВЕК. Человек свободен жить и поступать в силу своего разума и понимания. Разумение и понимание одного человека ограничивает возможность действия для другого. Всякое разумение и понимание несовершенно, поэтому никто не может навязывать свое разумение и понимание другому. Права и свободы каждого человека на обустройство своей собственной жизни по своему разумению и пониманию ограничивают наши возможности по обустройству Беларуси. Это единственное ограничение мы считаем истинным и справедливым. То, что это ограничение единственное, но неизбежное, мы считаем добром. Поэтому мы либералы.

Наша Родина Беларусь еще далека от воплощения идеалов истины, добра, красоты и справедливости. Любовь к Родине побуждает людей сходных взглядов, разделяющих либерально-консервативные ценности, объединять свои силы и волю для реализации в Беларуси идеалов истины, добра, красоты и справедливости — поэтому мы партия.

Либерально-консервативная доктрина позволяет принимать действительность такой, какова она есть. Всякая власть от Бога, любой общественный порядок разумен, но разумен в меру достигнутой людьми разумности. Мы считаем разумными и следующие Доктринальные положения, проверенные столетним опытом европейских народов, в том числе и белорусов.

Доктринальные положения

СУВЕРЕНИТЕТ. Беларусь — наша Родина, наша земля. Мы хозяева на своей земле. Мы любим ее такой, какая она есть, мы любим ее такой, какой она должна быть. Труд и любовь наших предков сделали Беларусь такой, какая она есть. Наш труд и любовь сделают ее процветающей, богатой и красивой. Мы отвечаем за это сами. Именно эта ответственность и есть суть суверенитета народа Беларуси. В этом ее свобода.

Поэтому мы за суверенитет Республики Беларусь.

ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА. Мы — это те, кто разделяет положения этой доктрины. Но любой человек в Беларуси волен думать и жить так, как считает правильным. Только тогда страна суверенна и свободна, когда каждому гарантировано право жить так, как он считает правильным, когда свободен каждый ее житель. Конституция Республики Беларусь гарантирует

всем права и свободы, государство обеспечивает соблюдение этих прав и свобод.

Мы за государство свободных граждан. Мы за гарантию прав человека.

СЕМЬЯ. Государства на территории Беларуси менялись, а семья оставалась. Люди живут в первую очередь в семье. Семья — это предки и потомки. Предки работали и оставляли наследство нам, мы преумножаем его и оставим потомкам. Города, дома, дороги и поля сделаны руками наших предков, живших в Советском Союзе, в Российской империи, в Великом княжестве Литовском. Это все наследие предков ныне живущих семей. Пусть эти семьи живут вечно в своих потомках — гражданах свободной Беларуси. Традиции белорусских семей — основа нашей государственности и права белорусов жить так, как им хочется.

Мы за такое государство, которое создает максимально благоприятные условия для процветания семьи — места рождения и жизни белорусов.

ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ. Человек свободен только тогда, когда его жизнь обеспечена им самим. Самому обеспечить свою жизнь можно только имея собственность. Свободные граждане — свободное государство, богатые граждане — богатое государство. Страна богатеет — когда богатеют ее жители. Люди могут стремиться к богатству только тогда, когда это их богатство, их частная собственность. Частная собственность — это тогда, когда собственность можно оставить детям и потомкам. Частная собственность — основа семьи. Запрещение частной собственности разрушает семью.

Мы за частную собственность.

ЗАКОН. Законы государства — продукт творчества и усилий многих поколений людей. Законы могут быть несовершеннолетними. Но нет ни одного человека, сколь бы высокий пост он ни занимал, который может быть выше и совершеннее Закона. Законы можно и нужно менять и совершенствовать, но никто не может нарушать и преступать Закон.

Мы за первенство Закона во всех областях жизни.

ВОЙНА И МИР. Война оставила неизгладимый след в каждой белорусской семье. Мы очень хорошо знаем, что такое война. Мы за полный нейтралитет Беларуси. Беларусь не имеет врагов среди ближних и дальних стран. Беларусь будет воздерживаться от всех блоков и союзов, которые имеют другое отношение к войне. Армия Беларуси нужна только для того, чтобы не терять здравого смысла и воспитывать мужественность молодежи. И еще, чтобы не забывать о переменчивом будущем.

Мы за полный нейтралитет Республики Беларусь. За небольшую профессиональную армию и короткую военную подготовку для молодых мужчин.

МИР, ЕВРОПА И СОСЕДИ. Беларусь граничит с пятью странами. С каждой из них нас связывают тесные узы современной политики и древние традиции. Нам нет оснований выделять кого-либо из соседей, ориентировать политику страны в одном из пяти направлений. Территория Беларуси лежит на пути из Европы в Россию, но пока Россия более открыта Европе, чем Беларусь.

Мы за открытую политику в отношениях со всем миром.

КУЛЬТУРА. Мы беларусы и этим отличаемся от всех других народов. Во всем остальном мы такие же, как все. Нам нужно вступать в контакты со всеми народами, это обогатит нас и нашу культуру. Мы интересны другим народам только тем, чем отличаемся от них, тем, чем можем обогатить их культуру. Нам нужно развивать свое — беларусское, этого никто кроме нас не сделает. Нам нужны достижения других культур.

Мы за развитие беларусской культуры и диалог с другими культурами.

ЭКОЛОГИЯ И ПРИРОДА. Земля, вода, леса и поля нашей Родины в запустении. Это следствие неразумной хозяйственной деятельности. Теперь мы сами суверенные хозяева нашей страны и отвечаем за ее природу перед своими потомками, которым на ней жить. Наша хозяйственная деятельность должна быть разумной. Мы сохраним природу земли, которую любим.

Мы за разумное экологическое хозяйствование на своей земле.

Это незыблемые доктринальные положения Объединенной гражданской партии. Именно этими положениями мы проверяем правильность, разумность и нравственность всех действий и решений в нашей стране, как своих собственных, так и наших партнеров и оппонентов.

Мы всегда будем утверждать, что дела в Беларуси идут плохо, если:

- решения в Беларуси принимает не ее народ или избранные им власти;
- нарушаются права и свободы хотя бы одного человека в самой Беларуси или беларуса за рубежом;
- беларусская семья формируется под давлением идеологических, правовых или экономических обстоятельств, а не наоборот — право и экономика развиваются в соответствии с потребностями семьи и идеология строится на основе семейных традиций;
- государство вмешивается в частные дела людей, собственность жителей Беларуси не защищена от посягательств кого бы то ни было;
- произвол кого бы то ни было оказывается выше Закона;
- мирной жизни беларусов угрожает опасность;
- отношения с какой-либо страной мира наносят вред и ущерб Беларуси или ее гражданам, строятся не на партнерских принципах, а навязаны экономической политикой, дипломатической хитростью или военной силой;
- культура в упадке, уникальность и особенность беларусов размывается, страна теряет свое лицо;
- природа страны в запустении или хозяйство ведется в ущерб здоровью природы и людей.

Мы всегда, в любой политической ситуации, будем утверждать, что дела в Беларуси идут хорошо, если:

- народ Беларуси сам решает свои проблемы и сам ведет хозяйство своей страны через выбранное им правительство (**СУВЕРЕНИТЕТ**);
- все, что происходит и делается в Беларуси, не ущемляет **ПРАВ И СВОБОД** ни одного **ЧЕЛОВЕКА**, живущего в стране или имеющего здесь

свою собственность. Граждане Беларуси живут так и там, как и где им нравится;

— женщины Беларуси рожают столько детей, сколько хотят иметь. Родители уверены в будущем своих детей, так как государство гарантирует им права, свободы и защиту собственности, которую накопили предки. Родители и дети живут вместе или порознь потому, что сами так решили, а не потому, что в стране строятся квартиры, регулирующие размеры **СЕМЬИ**;

— **ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ** находится под охраной Законов и правоохранительных органов государства. Граждане уважают свою и чужую собственность;

— все решения в стране принимаются на основании **ЗАКОНОВ**, а не произвола отдельных, даже пусть и хороших людей;

— в стране нет **ВОЙНЫ**, **И МИРУ** ничего не угрожает. Беларусские юноши не находятся в зонах военных действий, иначе как по личной доброй воле;

— Беларусь находится во взаимовыгодных и равноправных отношениях со всеми странами **МИРА И ЕВРОПЫ**, с которыми желает иметь отношения, и в дружбе с **СОСЕДНИМИ СТРАНАМИ**;

— беларусская **КУЛЬТУРА** процветает;

— **ПРИРОДА** нашей Родины в порядке, а хозяйство ведется **ЭКОЛОГИЧЕСКИ** разумно и безопасно.

Во всем остальном, кроме перечисленного в Доктринальных положениях, Объединенная гражданская партия строит гибкую политику, основывается на анализе текущей изменяющейся ситуации, определяет актуальные проблемы, ставит насущные задачи и формулирует цели, строит реалистичные программы и проекты, выбирает наиболее целесообразные и экономные варианты решения.

ПУБЛИКАЦИИ ФРАГМЕНТОВ АНАЛИТИКИ 1994 – 1996 ГГ.

(статьи и материалы В. Мацкевича по темам, обсуждаемым автором в этой книге)

1. Публикации фрагментов аналитики апрель-май 1994 года:
«Белорусская деловая газета»:
Беларусь на этапах системного кризиса — № 18.
Что ждет первого президента Беларуси — № 18.
Предстартовая разминка — № 19.
«Белорусский рынок»:
Президент -94: что последует за избранием — № 20.
«Белорусский предприниматель»:
Царь, царевич... сапожник, портной... кто ты будешь такой? — № 20.
«Minsk economic news»:
Candidates: questions and answers.
What kind of President do we need? — №6 May-june.
2. Сможет ли Россия быть сырьевым придатком Беларуси. // Знамя юности. — 1994. — Май. — № 83 — 84.
3. Парадокс демократии и образования. // Беларуская маладзёжная. — 1994. — Май. — №1.
4. Демократы год от года умнеют, а народ остается советским. На следующих выборах переизберем народ. // Знамя юности. — 1994. — Июль. — № 112.
5. Red lost — and won. Finding the culprit. // Minsk economic news. — 1994. — July. — № 9.
6. Что я хотел услышать от Президента и Верховного Совета. // Беларусский рынок. — 1994. — Июль. — № 31.
7. New people in old positions. // Minsk economic news. — 1994. — July. — № 12.
8. Прагматыка сораму: хрысціянскія стандарты. // Настаўніцкая газета. — 1994. — Чэрвень. (В соавторстве.)

9. А кому это надо? // Свободныя прафсаюзы. — 1994. — Верасень. — № 21. — 22.
10. О прачках, высокой моде, огурцах и большой политике. // Европейское время. — 1994. — Октябрь. — № 10.
11. Алло! Мы ищем таланты. // Беларусская маладзёжная. — 1994. — Кастрычнік. — № 16.
12. Разбурыць эффект «голага караля». // Настаўніцкая газета. — 1994. — Снежань — № 100. (Интервью.)
13. Беларусь: вопреки очевидности. // Культурная политика. — 1994. — № 0.
14. Чего не хватает, чтобы ответить на вопрос «Как нам обустроить Россию?» // Бизнес и политика. — 1995. — № 1.
15. Что в имени тебе моем. // БДГ «Имя». — 1995. — Март. — № 19.
16. Апрельский катехизис Мацкевича. Малотиражная брошюра.
16. От аналитики к реализации. // БДГ. — 1995. — Апрель. — № 33.
17. Думаць Беларусь. // Культура. — 1995. — Жнівень. — № 28. Дайджэст «Albarosika» № 1. (Інтэрв'ю Ю. Барысевіча.)
18. Страсти по Кейнсу в белорусском варианте. // БДГ. — 1996. — Апрель. (Сокращенный вариант в «Вечерний Минск», Апрель 1996г.)

Публикации отдельных разделов и глав книги до ее выхода:

1. Глава 7. Выбары і семіятычнае асяроддзе. // Культура. — 1995. — Июль.
2. Глава 5. Выбары і логіка. // ЗНО, літаратурна-філасофскі дадатак да газеты «Культура». — 1995. — Кастрычнік. — № 29.
3. Первое введение: Область определения проблемы. Второе введение: О методе гуманитарных исследований. // Вопросы методологии. — 1995. — №3-4.